

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

На правах рукописи

ЛЮБИМОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ
ПЕРВОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор Г.Н. Кочешков

Ярославль
2015

Содержание

Введение	5
Глава 1. Особенности праздника как социокультурного феномена	35
1.1. Праздник как социокультурный феномен.....	35
1.2. Формирование новой праздничной парадигмы в советской культуре первого послереволюционного десятилетия.....	56
Глава 2. Традиции и новации в организации советских праздников первого послереволюционного десятилетия	88
2.1. Праздники в контексте становления и укрепления советской власти...88	
2.2. Особенности организации советских праздников для детей и молодежи.....	124
2.3. Специфические черты советских праздников в деревне.....	147
Заключение	167
Список использованных источников и литературы	180
Приложение 1. Фотография «Митинг в честь празднования 1 мая у здания биржи в Рыбинске » (1.05.1918 г.).....	232
Приложение 2. Фотография «Празднование 1 мая на площади Труда в Рыбинске» (1.05.1921 г.).....	233
Приложение 3. Фотография «Празднование Дня советской пропаганды в г. Пошехонье-Володарск: митинг у отдела Народного образования» (1919 г.).....	234
Приложение 4. Фотография «Митинг в честь празднования первой годовщины Октябрьской социалистической революции у здания исполкома в Рыбинске» (1918 г.).....	235
Приложение 5. Фотография «Митинг в честь празднования первой годовщины Октябрьской социалистической революции на Сенной площади (площадь Стеньки Разина) в Рыбинске» (1918 г.).....	236

- Приложение 6.** Фотография «Праздничная демонстрация в честь первой годовщины создания Красной Армии, проведенная по инициативе рабочих автомобильного завода. Рыбинск» (1919 г.).....237
- Приложение 7.** Фотография «Митинг в честь празднования второй годовщины Октябрьской социалистической революции на Вокзальной площади (площадь Володарского) в Рыбинске» (1919 г.).....238
- Приложение 8.** Фотография «Демонстрация на Советской площади по случаю смерти В.И. Ленина» (Ярославль, январь 1924 г.)..... 239
- Приложение 9.** Фотография военного парада 23 февраля 1921 г. (Ярославль, 1921 г.)..... 240
- Приложение 10.** Фотография «Коммунистический субботник в честь Второго конгресса III Интернационала. Разгрузка баржи на Волге» (Рыбинск, 1920 г.)..... 241
- Приложение 11.** Фотография «Празднование дня ребенка 8 августа 1920 г. в гор. Угличе. Игры детей»..... 242
- Приложение 12.** Фотография Демонстрация детей на праздновании дня Ребенка 8 августа 1920 г.в г. Угличе» (1920 г.)..... 243
- Приложение 13.** Фотография парада допризывников (Рыбинск, 1920 г.).. 244
- Приложение 14.** Фотография «Демонстрация на Советской площади» (Ярославль, начало 1920-х гг.)..... 245
- Приложение 15.** Фотография выступления рыбинской группы спортивного кружка «Спартак» (Рыбинск, 1921 г.).....246
- Приложение 16.** Фотография парада физкультурников (Рыбинск, 1922 г.).....247
- Приложение 17.** Фотография «Книжная выставка «Мир сказок» в день Советской Пропаганды» в клубе К. Либкнехта г. Пошехонье-Володарск» (1919 г.).....248
- Приложение 18.** Фотография «Сельскохозяйственная выставка в клубе К. Либкнехта в день Советской Пропаганды г. Пошехонье-Володарск» (1919 г.).....249

Приложение 19. Фотография «Сельскохозяйственная выставка. Пошехонский уезд, деревня Евсентьево».(1921 г.).....250

Приложение 20. Фотография «Празднование Международного Дня Кооперации»251

Введение

Актуальность исследования. Праздник всегда был значим для человека вне зависимости от времени и географического пространства. Восприятие праздника в конкретный исторический период помогают исследователям уяснить представления о сути бытия, характерные для того или иного общества.

Актуальность исследования сущности, зарождения и становления советской праздничной культуры определяется рядом факторов, среди которых следует назвать недостаточную изученность ряда вопросов, главным образом затрагивающих региональные особенности революционных праздников. Анализ теоретической, организационной и практической работы большевиков в деле проведения советских торжеств позволяет дать оценку тем культурным явлениям, которые происходили в Ярославской губернии в переломный момент развития отечественной истории – первое послереволюционное десятилетие

Актуальность исследования обусловлена также тем, что на современном этапе развития науки происходит переоценка сущности и значения советского культурного наследия, избегающая однозначности трактовок, позволяющая раскрыть многоаспектность данного феномена. Разрыв в преемственности развития отечественной праздничной культуры, резко обозначившийся в первые годы после распада советского государства, и выразившийся в противопоставлении большевистской культуры демократической, должен быть преодолен.

Советские праздники, существовавшие более семидесяти лет, продолжают оказывать влияние на современный праздничный ландшафт. В настоящее время основу праздничного календаря составляют официальные государственные (День независимости, День российского флага, День народного единства) праздники, зачастую воспринимаемые населением как дополнительный выходной день, религиозные праздники, а также те праздники, традиции и церемониал которых складывались в годы советской

власти (например, профессиональные праздники, День Победы, Международный женский день и т. д.). И поскольку в настоящее время идет процесс формирования системы постсоветских праздников, необходимо учитывать опыт, в том числе и негативный (выраженный, главным образом, в чрезмерной идеологизации) организации советских праздников.

Проблема диссертационного исследования связана с актуализацией характерных черт праздников и специфики праздников, имевших место в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие, определявшихся противоречием между стремлением советской власти утвердить новую праздничную культуру и неоднозначным отношением населения к вводимым праздникам.

Цель работы – исследование феномена советского праздника в первое послереволюционное десятилетие в контексте региональных социокультурных процессов.

Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд задач:

- охарактеризовать праздник как социокультурный феномен, акцентируя его многоаспектность и полифункциональность;
- установить приемы использования советской властью государственных праздников в контексте становления новой праздничной парадигмы;
- исследовать специфику организации советских праздников в Ярославской губернии на основе изучения законодательных, финансово-экономических и социально-культурных условий становления и укрепления советской власти;
- выявить и обосновать особенности организации советских праздников для детей и молодежи;
- исследовать специфические черты советских праздников в деревне и причины их возникновения.

Объект исследования – советские праздники первого послереволюционного десятилетия как феномен культуры.

Предмет исследования – процесс становления и развития советских праздников в Ярославской губернии в контексте исторических процессов первого послереволюционного десятилетия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября 1917 по декабрь 1927 год – время, когда в жизни общества наблюдались фундаментальные процессы, затрагивавшие все стороны жизни страны. Нижняя граница обусловлена приходом большевиков к власти и внедрением так называемого «Красного календаря», предусматривавшего введение революционных празднеств и сознательное уничтожение дореволюционных праздничных традиций. За первое десятилетие советской власти сложился определенный канон проведения торжеств, к концу 20-х гг. произошел отказ от экспериментальных поисков в праздничной сфере, юбилейные мероприятия 1927 года подвели своеобразный итог новаторству в организации праздничных мероприятий.

Территориальные рамки охватывают Ярославскую губернию. В 1921-1923 гг. из Ярославской губернии выделилась Рыбинская губерния – отдельная административно-территориальная единица. Тем не менее, учитывая непродолжительность ее существования, а также то, что устоявшиеся культурные, экономические, социальные связи Рыбинска и Ярославля не нарушались, мы не исключаем данные территории из исследования.

Политическая активность ярославцев в годы революций и Гражданской войны, выразившаяся в белогвардейском восстании, стала причиной пристального внимания центральных властей к губернии, что наложило отпечаток на проведение первых советских праздников. Празднества организовывались в тяжелых экономических условиях: даже губернский центр, наиболее сильно пострадавший во время восстания, испытывал острую нехватку средств на проведение праздников, со значительными трудностями приходилось сталкиваться организаторам праздничных мероприятий в уездных городах и сельской местности. Организуя в

Ярославской губернии все без исключения праздники, что и в столице, советская власть пристально следила за их проведением, поскольку видела в них способ укрепления своих позиций.

Ярославская губерния выступает репрезентативным примером того, как проходило становление советской праздничной культуры в провинции. В отдельных случаях для выявления общих тенденций советских официальных праздников, для сопоставления ярославских праздничных реалий со столичными рассматриваются празднества в Москве и Петрограде (Ленинграде).

Источниковая база исследования: Все использованные в диссертационной работе источники по характеру содержащейся в них информации можно классифицировать, выделив семь групп.

К *первой группе* относятся, акты законодательных и исполнительных органов советской власти. Особое влияние на становление большевистской праздничной культуры оказали «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 26 января 1918 г. [61], определивший переход на григорианский календарь и «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 г. [Там же], устанавливавший светский характер государственной власти.

Вторая группа представлена делопроизводственной документацией партийных органов. Установление новой праздничной культуры наиболее полно прослеживается в протоколах заседаний и отчетах агитационно-пропагандистского отдела. Проанализированные источники из фондов Государственного архива Ярославской области и Центра Документации Новейшей Истории Ярославской области предоставили обширный фактический материал местного характера по исследуемой проблеме, раскрывающий процессы изменения социокультурных аспектов праздника в первое послереволюционное десятилетие и характеризующий становление новых праздничных канонов. На основе архивных документов рассмотрена работа разнообразных комиссий, женотделов, органов образования по

реализации на практике сценариев праздников. В фондах архивов Ярославской области содержатся ценные сведения о культурных, экономических, социальных условиях, в которых организовывались первые советские торжества; в них прослеживается попытка власти установить строгую отчетность не только о затраченных на празднование средствах, но и о настроениях, царивших на праздничных мероприятиях.

Третью группу источников представляют общественно-политические произведения и публицистика. Сюда могут быть отнесены работы В.И. Ленина [93 - 128] , Н.К. Крупской [83-92], А.М. Коллонтай [76-79], А.В. Луначарского [129, 130], Н.И. Подвойского [152], М.И. Калинина [67-75], Л.Д. Троцкого [131-151]¹. Данные работы задавали тон публикациям о праздничных торжествах, дающих неизменно положительную оценку новым революционным празднествам, однако указывающим на сложную обстановку², в которой они проводятся: утверждалось, что по мере укрепления большевистской власти праздники будут приобретать все больший размах³. Дореволюционная праздничная культура трактовалась как отсталая, изживающая себя, поскольку в ее основе большевики видели

¹Л.Д. Троцкий развивал оригинальную мысль о развитии культуры в советском государстве, считая, что большевикам следует установить безусловную монополию культурно-просветительской работы до того времени, «когда рабочий класс и крестьянство вместе со своей руководящей – коммунистической партией – растворятся в социалистическом общежитии, составляющем часть мировой советской республики» [140]. Троцкий подчеркивал, что пройдет еще немало времени до установления бесклассового общества, и призывал прилагать в настоящем все силы для овладения полезными знаниями, чтобы выбраться из «нищеты и бескультурья». Культуру, сформировавшуюся в период первых лет власти большевиков, Троцкий называл «культурой переходного периода», выделяя в качестве ее основ «остатки дворянского периода... (Пушкина, Толстого мы не выкинем, они нам нужны), элементы буржуазной культуры, «крестьянскую некультурность» и усилия партии «поднять культуру пролетариата» [Там же]. Называя культуру, сложившуюся в первые послереволюционные годы «нескладной», «противоречивой», Троцкий выступает против ее обозначения термином «пролетарская культура»: «под пролетарской культурой должен быть базис в виде пролетарского хозяйства. И если вы отказываетесь (и вполне основательно!) называть наше переходное хозяйство «пролетарским классовым хозяйством», то вы тем самым уже изрядно подкапываете почву под абстракцией пролетарской культуры» [Там же]. Но и в будущем, полагал Троцкий, не будет конкретной пролетарской культуры, поскольку «пролетариат взял власть именно для того, чтобы навсегда покончить с классовой культурой и проложить путь для культуры человеческой [141. С. 146-147.]».

² Тяжелая экономическая ситуация, политическая нестабильность – все это нашло отражение в описании А.В. Луначарским первых петроградских празднеств, которые, тем не менее, получили лестные отзывы: «Легко праздновать..., когда все спорится и судьба гладит по головке. Но то, что мы – голодный Петроград, полуосаженный, с врагами, таящимися внутри него, - мы, несущие на плечах своих такое бремя безработицы и страданий гордо и торжественно празднуем, - это, по чести, - настоящая заслуга»[130. С.80-81.].

³ В преддверие десятой годовщины Октябрьской революции Н.К. Крупская писала: «Нами сделано еще очень мало сравнительно с тем, что надо сделать, еще целое море темноты, нищеты, бестолковщины, старое, выгоняемое в одно окно, лезет в другое»[83. С.14.]

суеверия и предрассудки, вызванные монархической формой правления⁴. Новая советская праздничная культура мыслилась передовой, развивающейся, способной поднять человека не недостижимый прежде культурный уровень⁵. Подчеркивалось, что дореволюционные традиции, основанные на религиозном мировоззрении, еще сильны, но их необходимо искоренять⁶: переход к атеистической культуре был болезненным процессом, который так и не увенчался безусловным успехом. Данные работы использовались организаторами советских праздников на местах при подготовке праздничных докладов, поскольку в них поднимались актуальные, злободневные вопросы. Работы названных авторов являлись средством популяризации среди населения идеи о новых формах проведения праздников⁷, в них прослеживается идея военизации: советские праздники рассматривались как смотр «организованности населения, спайки всех трудящихся»⁸.

Четвертая группа – периодическая печать, праздничные приложения к периодике, специализированные праздничные выпуски газет и журналов 1917-1927 гг. Периодическая печать представлена как центральными газетами и журналами – «Известия», «Правда», «Безбожник», так и региональными печатными изданиями. Периодика первого послереволюционного десятилетия является уникальным источником, поскольку в ней находили отражение как официальные постановления и распоряжения, касавшиеся становления новой советской культуры, так и

⁴ Юбилейные празднества, посвященные трехсотлетию правящей династии, проведенные при Николае II, В.И. Ленин назвал праздниками «грабежа, татарских наездов и опозорения России Романовыми» [102. С.298.]

⁵ В статье М.И.Калинина, посвященной празднованию IX годовщины советской власти говорилось, что рабочие и крестьяне Советского Союза «за эти 9 лет выросли в культурном... отношении в громадную силу», высказывалось удивление темпами культурного просвещения [68.С.86.]

⁶ А.М Коллонтай так сформулировала задачу: «Развенчать религию, подорвать власть над умами и душами со стороны духовенства» [80]

⁷ В.И. Ленин охарактеризовал субботники как начало поворота к коммунизму и признавал за ними всемирно-историческое значение. Но даже до прихода к власти В.И. Ленин не сомневался, что России нужны принципиально новые праздники, поэтому он восторженно принял празднование Первого мая. В 1913 году он писал: «маевка текущего года показала всему миру, что российский пролетариат твердо идет по своему революционному пути, вне которого нет спасения для задыхающейся и гниющей заживо России» [102. С.298.]

⁸ Крупская, Н.К. [84].

живой отклик населения на них. Разнообразные по стилю публикации о праздниках – статьи, письма, репортажи, хроники, статистика, объявления – позволяют проанализировать изменения, произошедшие в праздничной культуре. Периодические издания предоставляли обширный материал по исследуемой проблематике: печаталась информация о истории большевистских торжеств, плане праздничных мероприятий, подчеркивались существенные отличия советских празднеств от дореволюционных или капиталистических, высмеивались религиозные обряды. В газетах содержался материал, призванный помочь организаторам праздничных мероприятий – пьесы, статьи для громких чтот, стихотворения, частушки, песни, объединенные тематикой праздника. Авторами статей, посвященных праздничной тематике, становились как известные политические деятели, профессиональные корреспонденты, так и рядовые граждане, поэтому публикации отличались многообразием стилей, уровнем грамотности. Тем не менее, отклик населения на вводимые официальные государственные праздники для исследователей представляет едва ли не большую ценность, чем тщательно выверенные и отредактированные статьи большевиков.

Региональная газета – «Известия Ярославского Губисполкома»⁹ – являлась проводником официальной идеологии, была нацелена на формирование коммунистического мировоззрения путем внедрения советской праздничной культуры. Как правило, информация о праздниках помещалась на первых полосах газеты, иногда это были перепечатки из центральных изданий, но чаще статьи основывались на местном материале. Такие региональные газеты и журналы как «На перевале», «Путь молодежи», «Товарищ», «КИМ», «Юный коммунарь», «Под ленинским знаменем»

⁹ Газета неоднократно незначительно меняла свое название: с начала 1918 г. она выходила под названием «Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии»; с 1 мая 1918 г. по сентябрь 1918 – «Известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии»; с сентября 1918 г. по сентябрь 1919 г. – «Известия Ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»; с сентября 1919 г. по август 1920 г. – «Известия Ярославского Губисполкома»; с августа 1920 г. газета могла выходить как под названием «Известия Ярославского Губисполкома», так и под названием «Известия Ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

освещали отдельные аспекты становления новой праздничной культуры в Ярославской губернии.

Праздник годовщины Октябрьской революции знаменовался выпуском журналов, специально подготовленных к этой дате, призванных подчеркнуть значимость прихода к власти большевиков. Нами были проанализированы статьи из журналов, изданных в период с 1918 по 1927 гг. в Ярославском, Рыбинском, Мышкинском, Даниловском, Пошехонско-Володарском уездах, объединенные общей идеей о благах, которые привнесла революция в жизнь губернии, но освещавшие специфику празднования в конкретном уезде.

Визуальные источники – фотодокументы – составляют *пятую группу* источников исследования. Нами были использованы фотодокументы Государственного архива Ярославской области и его рыбинского филиала, позволяющие не только образно представить советские государственные праздники первого послереволюционного десятилетия, но и осмыслить их сущность, учитывая, что фотографии официальных мероприятий власти, к числу которых в 1917-1927 гг. относились праздники, использовались как метод агитации и пропаганды. Информация, заключенная в фотодокументах, касающихся советских праздников, дала возможность сформировать интегрированное представление о среде, в которой они проходили, оценить социальную обстановку, в которой проводилось то или иное праздничное мероприятие.

Шестая группа источников представлена опубликованными памятниками личного происхождения, дополняющими официальные источники и передающими отклик населения на культурные преобразования советской власти. Дискуссионным остается вопрос об истинном отношении населения к государственным праздникам в первое послереволюционное десятилетие, поскольку присутствие на них не всегда было тождественно их одобрению, а могло быть вызвано любопытством, желанием увидеть праздничное действо, отдохнуть и развлечься, получить призы и угощение, а также боязнью санкций за непосещение празднеств, страхом репутации

неблагонадежного. Нами были изучены дневниковые записи К.И. Чуковского, Ю.В. Готье, В.В. Шульгина, И.А. Бунина, Н.П. Окунева, З.Н. Гиппиус, объединенные в целом негативной оценкой первых советских праздников. Недовольство властью, в которой виделась причина не только тяжелых экономических условий¹⁰, но и культурного обнищания России, вылилось в неприятие революционных празднеств. Особое чувство, в основе которого лежали раздражение и сочувствие, у тех, кто сожалел об утраченных праздничных традициях, вызывал народ, принимавший участие в большевистских торжествах¹¹.

Также к данной группе источников относятся опубликованные материалы, касавшиеся взгляда простых людей на зарождавшиеся праздники, для выявления отклика населения на проводимые праздничные мероприятия.

Мнение детей о советских праздниках можно узнать из обширной переписки Н.К. Крупской, которой подрастающее поколение отправляло свои впечатления о советских торжествах. Письма, адресованные Крупской, были опубликованы отдельной книгой в 1987 г. [247]. Редакторами были отобраны восторженные отзывы детей и подростков о большевистских праздниках (особенной радостью для ребят было наполнено празднование Первого мая); сложности, с которыми приходилось сталкиваться при подготовке торжеств, а также не всегда одобрительная оценка новых праздников со стороны взрослых, которую подмечали дети, не замалчивались.

В основу сборника «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.» [245] положены письма в

¹⁰ Чуковский охарактеризовал послереволюционные годы как «ежесекундное безденежье, бесхлебье, безздоровье» [248. С.316].

¹¹ В.В. Шульгин, бывший свидетелем советского праздника в 1920-м г., оставил запись: «Ах, глупые, глупые люди, несчастное русское стадо! Кричат «ура!»... Кому кричат «ура!»?... одному из тех негодяев, которые заставили русскую громаду резать друг друга и в награду за море крови подарили им голод, холод и темноту. [249.С.404]. Ю.В. Готье назвал участников демонстрации «гориллами». [245. С. 417]. И.А. Бунин крайне скептически относился к возможности русского народа осознать суть революционных праздников: «Это этот-то народ, дикарь, свинья грязная, кровавая, ленивая, презираемая ныне всем миром будет праздновать интернационалистический праздник?» [242. С. 59]. Н.П. Окунев, размышляя о том, оканчиваются ли праздники большевиков «возлияниями товарищей», пришел к выводу, что это имеет место, поскольку «... наш брат русский, что бы там ни делал Ленин, что бы там ни говорил Горький, - не переделается во веки вечные [247. С. 339].

газеты и государственные учреждения, официальные сводки о настроениях во время большевистских торжеств. В данной работе представлены мнения современников по актуальным вопросам, касавшимся проблем в области экономики, социальных отношений, культуры – о том, что волновало обывателей. Наряду с жалобами, описаниями бедственного положения города и деревни, в письмах озвучивались идеи по воспитанию детей (главным образом путем организации детских площадок и привлечения детей к участию в новых советских мероприятиях [Там же. С.163]), содержались сведения о проведенных торжествах по случаю принятия волостными комитетами партии шефства над деревнями [Там же. С.119]. Внимание, уделенное рядовыми гражданами культуре, в том числе праздничной, доказывает, что интерес к ней не ослабевал даже в тяжелые, голодные годы.

В качестве *седьмой группы* можно выделить научно-популярную литературу. В первое послереволюционное десятилетие выпускались многочисленные пособия [252-261], посвященные отдельным праздникам (годовщинам Октябрьской революции, Международному юношескому дню и т.д.), освещавшие вопросы их необходимости для современного общества, идейное содержание, а так же предлагавшие сценарии празднования с учетом опыта их проведения на местах. В данную группу включен и так называемый «Антирелигиозный сборник» [251], ориентированный на организаторов мероприятий, призванных отвратить людей от церковных праздников.

Разнообразная по характеру информация, содержащаяся в указанных источниках, сделала возможным выявление как общих закономерностей советских праздников, так и особенностей, присущих проведенным в Ярославской губернии празднествам. Взаимно дополняя друг друга, источники позволили избежать ангажированности, одностороннего изучения многоаспектного процесса зарождения, становления, развития советской праздничной культуры. Указанные источники позволили осуществить

комплексный научный анализ социокультурного феномена советского праздника первого революционного десятилетия.

Теоретико-методологическая основа диссертационной работы базируется на междисциплинарном подходе к изучению социокультурных процессов, опирающемся на историзм и системность. В исследовании применяется комплекс методов: помимо общенаучных методов анализа, синтеза, индукции и дедукции использовались также историко-генетический метод, на базе которого определяется сущностное содержание праздника, взаимосвязь его структурных компонентов, механизмы функционирования; историко-сравнительный метод, позволяющий представить праздник в конкретных исторических условиях; историко-типологический метод, дающий возможность рассмотреть советские государственные праздники первого послереволюционного десятилетия как социокультурный феномен, обладающий своими индивидуальными типологическими особенностями.

Главными методологическими ориентирами для нас послужили подходы, применяемые в новой культурной и социальной истории (П. Берк, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич, Л.П. Репина), исследование выполнено на стыке данных направлений: по мнению А.С. Ходнева, «на наших глазах происходит что-то похожее на конвергенцию двух сильных исторических дисциплин: социальной истории в «мягкой» форме и новой культурной истории» [486. С.23].

Исследование советских праздников проводилось с применением принципов, характерных для структурного (Леви-Стросс, М. Фуко, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман) и герменевтического (В. Дильтей, Г.-Г. Гадамер) и феноменологического (Э. Гуссерль, Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер) анализа.

Гипотеза исследования строится на следующих предположениях:

1. Праздники новой в политическом и идеологическом плане эпохи в Советской России опирались на многообразие историко-культурных традиций человечества.

2. Проведение праздников в отдельном регионе советской России в первое послереволюционное десятилетие опиралось на сочетание традиций, новых идеологических тенденций и локальных социокультурных реалий (в частности, внимание к детско-юношеской аудитории, к сельскому населению).

Степень изученности проблемы:

В изучении данной темы можно выделить два направления: феномен праздника и советские праздники.

I. Феномен праздника в научной традиции.

Феномен праздника неоднократно становился объектом изучения, с XIX в. появлялись обобщающие концепции, в основе которых лежали разнообразные методологические подходы. Основные концепции праздника впервые обобщил А.И. Мазаев, дав им названия, устоявшиеся в отечественной науке. Отдельные положения концепций использовались нами для акцентуации праздника как социокультурного феномена, выявления его уникальных специфических черт, отличающих его от будней. Представляется целесообразным рассмотреть концепции праздника в хронологическом порядке, поскольку это позволяет не только определить господствующий подход к изучению праздников, но и выявить нюансы, присущие праздникам.

Оформление первой отечественной концепции праздника проходило в 30-е гг. XIX века и было связано с работой И. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды», названной автором «опытом русской эортологии» [370. С.1] (то есть науки о праздниках). Указанный труд носил в большей степени описательный характер, автор не прибегал к критическому анализу народных праздников, рассматривал их по сезонам, считая их «учрежденными по естественным эпохам года» [Там же. С.2]. Связь праздника с природными явлениями, во многом определяющая характерные черты праздника как феномена, на которую впервые указал Снегирев, лежит в основе **метеорологической, или цикловой концепции праздника.**

Мифологическая, или солярная концепция праздника в России представлена трудами А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни. Принимая за основу идею Снегирева об определяющем влиянии на праздники сезонной цикличности, названные исследователи развивали концепцию, в соответствии с которой предполагалось, что славяне видели в природе, главным образом, борьбу лета и зимы, света и тьмы, тепла и холода. Отдельные положения мифической концепции использовались нами при анализе возникновения в календаре праздничных дат и роли праздника в структурировании жизненного цикла.

А.Н. Афанасьев объяснял происхождение праздника религией поклонению солнцу, элементы которой сохранялись на протяжении веков, становились традицией, первоначальный смысл которой не всегда осознавался празднующим народом. В фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» [269] Афанасьев впервые в отечественной науке сформулировал тезис о приоритете язычества, а не христианства в формировании славянского праздничного календаря.

В целом мифологическому направлению был присущ взгляд на праздник как на способ поэтизации природы: изучение праздника велось с помощью как исторических, так и лингвистических методов. Убедительно обосновывалось сохранение дохристианских представлений в праздничной культуре.

Труды Е.В. Аничкова [270], А.Н. Веселовского [280], В.Ф. Миллера [331] представляют **концепцию заимствования**, основанную на изыскании общих черт славянских, румынских, византийских и античных праздников и обрядов, что позволило вывести изучение русских празднеств за рамки национальной замкнутости. Сторонники школы заимствования акцентировали внимание, главным образом, на эстетико-культурных аспектах праздников, определенное сходство которых позволяло выделить общие черты, присущие праздникам. Представители данной концепции пытались проследить «родство» празднеств – например, русские святки, с

точки зрения Аничкова и Веселовского, произошли от римских сатурналий – но игнорирование национальных различий праздников является главной причиной критики школы заимствования. Тем не менее, идеи, получившие развитие в концепции заимствования, послужили для нас ориентиром при выявлении характерных черт, определяющих праздник как социокультурный феномен.

Указанные концепции (метеорологическая, мифологическая и концепция заимствования) относились к дореволюционному развитию отечественной науки.

После революции 1917 г. начинается новый этап изучения праздников, характеризуемый господством марксистского подхода: именно в рамках данного подхода в отечественной науке впервые получили освещение советские праздники первого послереволюционного десятилетия, поэтому марксистская теория празднеств крайне важна для нашего исследования.

С точки зрения марксистской теории праздники рассматривались неразрывно от природы и социальной среды. Ставя праздники в зависимость от производственных отношений, марксизм объяснял их изменения, модификации сменой формаций. Считалось, что апогея праздники достигают при ломке старых и становлении новых социальных отношений, то есть при ликвидации господствующего класса, смене строя.

Согласно марксистской теории, праздники удовлетворяли широкий спектр материальных и духовных потребностей как общества в целом, так и отдельной личности, побуждая к социальной активности. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на возможность праздника становиться проводником классовых идей, подчеркивая, что праздник – арена столкновений социальных и политических интересов [329].

Подчеркивалось, что в условиях антагонистических обществ праздники господствующих и эксплуатируемых классов имеют кардинальные различия,

в неантагонистических обществах различаются лишь способы празднования. В коммунистическом обществе формируется единый для всего населения способ празднования, которому присуще разнообразие форм.

Несмотря на безусловную гегемонию марксистской теории, методологии, в советский период в отечественной науке появлялись авторские оригинальные концепции праздника. Однако необходимо отметить, что в сфере интереса исследователей оказывались, как правило, не советские праздники, а праздники, имевшие место в древности или средневековье.

На формирование отечественных концепций праздника, сложившихся в советский период, повлияла **антропологическая концепция**, разработанная Д.Д. Фрэзером [387]: занимаясь изучением магии и религии, исследователь пришел к выводу, что в основе европейских праздников (в их число исследователь включил и русские праздники) лежал культ умирающего и воскресающего божества растительности. Подчеркивая, что праздники своими корнями уходят в дохристианскую эпоху, Фрэзер находил в современных ему праздниках заимствования из древних обрядов, утративших былое магическое значение и выродившихся в зрелища и увеселения.

Теория Фрэзера была творчески осмыслена А.И. Пиотровским, основоположником **социальной концепции праздника**. Пиотровский поставил праздники в зависимость от господствовавшей официальной религии и формы власти, подчеркивая при этом их неизменную основу: культ божества возрождающейся природы, божества плодородия. Делая акцент на социальной составляющей праздников, Пиотровский дал им следующее определение: «То были дни пусть кратковременного, но высвобождения празднующих масс... из-под постылого гнета ежедневного труда, из-под власти тягостных социальных отношений, из-под бремени забот, долгов, будничной суеты» [343. С.87] Определяя праздники как «дни свободы», Пиотровский в первую очередь имел в виду свободу от

социальных норм и правил, «перевернутость, где бедняки становятся на место богатых», а также маскарадный, разгульный, веселый характер празднеств, позволявший им «преодолевать бытовую повседневность» [Там же]. Необузданность и дерзость праздников привели, с точки зрения Пиотровского, к ряду крутых и жестоких мер, предпринятых властями и Церковью с целью искоренения праздничного народного свободомыслия и поведения. В конфликте европейских и славянских праздников со светской и духовной знатью последняя вышла победительницей, несмотря на «огромную протестующую энергию» празднующей толпы, однако полностью уничтожить праздничные начала она не смогла: на их основе появилась театральная система.

Социальная концепция праздника использовалась нами, главным образом, при анализе взаимоотношений власти и общества в период подготовки и проведения праздников.

Аграрно-производящая (или трудовая) концепция праздника разрабатывалась советскими исследователями народных праздников В.И. Чичеровым [393] и В.Я. Проппом [353]. В основе концепции лежит представление о том, что праздник – своеобразное продолжение трудовой деятельности: обрядово-зрелищная сторона празднеств, праздничные игры, увеселения характеризовались исследователями сквозь призму труда, ставились в зависимость от него. Согласно трудовой концепции, праздник – это подведение итогов хозяйственной деятельности, наслаждение результатами труда и, одновременно, безотлагательная подготовка к новой фазе труда. Отдельные положения указанной концепции использовались при анализе антитезы «праздник – будни».

Универсальная концепция праздника, созданная М.М. Бахтиным, высказана в труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [272]. Акцентируя внимание на средневековых карнавалах, Бахтин, тем не менее, выделял основополагающие характеристики, присущие праздникам в различные исторические эпохи, к их

числу он относил созидательную силу народа, противостоящую «официальной культуре», универсальность, амбивалентность, под которой автор подразумевал восприятие бытия в постоянном изменении, вечном движении от смерти к рождению, от старого к новому, от отрицания к утверждению; неофициальность, утопизм, бесстрашие. Практику осмеяния, используемую во время праздника и служившую способом изживания страха и снятия социального напряжения, Бахтин рассматривал как оппозицию телесно-чувственного «низа» и просвещенно-духовного «верха», официальной и неофициальной культуры.

Современным исследователем Н.Д. Субботиной предложена **суггестивная концепция праздника** [375], основанная на представлении о суггестии как одном из факторов самосохранения общества. Механизмами управления индивидуальным поведением членов коллектива уже на ранних этапах развития человеческого общества выступали традиции и обряды, которые предписывали определенные правила поведения. Праздники, с точки зрения Субботиной, произошли из древних ритуалов коллективной суггестии, внушающих особое чувство единства членам общества и позволяющих выявить людей, принадлежавших к коллективу лишь формально, поскольку праздничное настроение «не охватывает индивидов, в чем-то противостоящих праздничной группе». Суггестивная концепция кажется нам перспективной не только для определения отличительных черт праздника, но и для исследования феномена ранних советских праздников, поскольку они были бы невозможны без внушения населению новых культурно-нравственных идеалов. Первый этап мифологизации истории революции 1917 г. отчетливее всего прослеживается именно в праздниках.

Многообразие концепций праздников позволило нам сделать вывод о невозможности создания единой теории праздника. Глубинные основы праздника, его универсальность и динамика позволяют изучать его с различных точек зрения, выделяя разнообразные аспекты исследований. Празднику, как уникальному феномену культуры, посвящались

оригинальные и самобытные исследовательские работы, выходящие за рамки представленных концепций.

Многогранность праздника позволяет выделить несколько направлений в его изучении. Праздник как культурный феномен рассмотрен в работах О.Л. Орлова [339, 504], М.В. Литвиновой [501], И.В. Гужовой [498], И.Н. Прониной [505].

Феномен праздника рассматривали исследователи смеховой культуры А.А. Белкин [273], В.Я. Пропп [352], Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко [321], Б.А. Рыбаков [364], В.П. Даркевич [292], А.Я. Гуревич [509], Д.Э. Харитонович [485].

Этнографическое направление представлено трудами А.К. Байбурина [271; 406], И.И. Шангиной [394], Н.С. Полищук [472; 473].

Вопрос взаимосвязи праздника и политики раскрывали Д.Ю. Сарайкина [479; 480], И.Н. Лаврикова [448], А.И. Щербинин [492].

Н.Б. Лебина [316, 449, 450] одной из первых рассматривала праздники в русле истории повседневности, во многом благодаря ей накоплен богатый позитивный опыт исследования проблем повседневности: выживания в конкретных исторических условиях, привычных способов жизнедеятельности в быту, на работе, отдыхе и празднике. Л.Н. Курцев [500] применял методы истории повседневности в изучении провинциальных (в том числе и ярославских) праздников периода Гражданской войны. Благодаря «вживанию» в эпоху (метод, заявленный многими исследователями проблем повседневности) можно проследить те изменения, который привносит праздник в быт горожан.

Д.Б. Бурменская определила праздник как средство самосохранения социальной группы: этому способствует, главным образом, консервативная функция праздника [496].

Представляют интерес исследования, посвященные вопросу досуга, находящегося в тесной связи с феноменом праздника, поскольку оба эти явления характеризуются освобождением от труда, будничных занятий.

Проблема досуга, в том числе и праздничного, рассматривается в работах Л.А. Гордона [291], Т. Веблена [279], Г.Е. Зборовского [298], Э.В. Соколова [373], В.Д. Патрушева [341], И.А. Бутенко [278]. Изменения представлений о праздничном досуге связаны с динамикой развития социума, но на всех этапах общественного развития досуг не утрачивал своей значимости.

В связи с распространением гендерного подхода к изучению истории появились исследования праздника, построенные на изучении полоролевых ролей участников торжеств. Гендерный подход к изучению культуры, в том числе и праздничной, применен в работах М.В. Гудовой [421], Н.А. Лысовой [454; 455], Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной [429, 430], С.А. Ушакина [381], Е.Р. Ярской-Смирновой [397], А. Усмановой [380], доказывавших первостепенное влияние гендера на формирование социокультурной действительности.

Труды Ю.М. Лотмана [323; 324], Г.Г. Почепцова [350], А. Голана [289], Н.Б. Мечковской [330], М.М. Маковского [327] посвящены семиотическому осмыслению культуры.

Таким образом, праздник изучается как многоаспектное явление: признавая незаменимую роль праздника в жизни общества, исследователи обращают особое внимание на отдельные компоненты, функции праздника, придающие ему своеобразие и позволяющие говорить о празднике как о феномене. Разнообразные подходы и методы исследования, применяемые современными исследователями, раскрывают полноту содержания понятия «праздник», доказывают его полифункциональность и многогранность.

II. Советские праздники.

Исследование советских праздников началось одновременно с их зарождением и было изначально подконтрольным власти. Первые работы, посвященные советским праздникам, не содержали критического анализа, задавали хвалебный тон, основанный на представлении о несомненных достоинствах советской культуры [434].

В послевоенный период сохранились традиционные подходы к определению роли праздника в жизни общества, но в конце 1950-х гг. явственно обозначились кризисные явления, присущие советским праздникам: население перестал удовлетворять уровень развития духовно-эмоциональной сферы. Недовольство вызывала консервация форм проведения праздничных мероприятий, отсутствие альтернативы, а также забвение национальных традиций. Строгая отчетность, планирование советских торжеств поставили под угрозу праздничную обрядность.

В 60-70-е гг. властью было инициировано повышение интереса к праздничным традициям – начинается новый этап создания праздничной обрядности, задачей которой был не только ответ на запросы общества, но и опровержение мнения о советских праздниках как о поверхностном синтезе элементов культуры, не имевших глубоких духовных корней. Вопросы, касающиеся праздников, находили широкое освещение: к проблеме праздничных обрядов обратились Г.И. Геродник [286], А.Н. Филатов [382], В.И. Брудный [276], Д.М. Угринович [379], И.В. Суханов [376], В.Н. Гагин [282, 283], Э.В. Соколов [373]. В дискуссии о необходимости существования в государстве, строящем коммунизм, традиций и обрядов, исследователи пришли к однозначному выводу: необходимы только те из них, которые несут важную идейно-смысловую нагрузку. Указывая на качественные отличия советских праздников от западных, только за ними признавая народный дух, историческую основу, авторы высказывали определенную неудовлетворенность праздничными обрядами.

Г.И. Геродник обобщил высказываемые исследователями причины негативного отношения современников к праздникам: во-первых, слово «обряд», применяемое для описания праздничных мероприятий, прочно ассоциировалось с религией, которую государство причисляло к пережиткам прошлого, считая своего рода вредным суеверием. Во-вторых, наблюдалась нехватка кадров, специалистов-энтузиастов для организации празднеств [286. С.5].

Стремление создать новую праздничную обрядность исследователи связывали с продолжением внедрения «Красного календаря: выражалось сожаление, что высокий темп создания праздничных поводов, имевший место после революции, замедлился. В целом, советские государственные праздники 20-х годов получали лестные отзывы, в них виделся источник развития коммунистических торжеств. Нарекание вызывали семейно-бытовые обряды, также зарождавшиеся в первые послереволюционные годы, потребность в которых возникала в торжественно-скорбные и торжественно-радостные события: «дальше «октябрин», «красных свадеб», «красных похорон» и некоторых других обрядов дело тогда так и не пошло» [382. С.11-12].

Следует выделить фундаментальный труд А.И. Мазаева, который впервые в отечественной историографии применил комплексный подход к изучению феномена раннего советского праздника. А.И. Мазаев рассматривал праздник, главным образом, как социально-художественное явление [325. С.207-208].

В первой половине 1980-х гг. были опубликованы работы В.Д. Плахова [346], Л.А. Тульцевой [377], В.С. Долговой [368], Г.П. Черного [392]. В целом, данные исследования продолжают развивать мысль о необходимости преобразований в сфере коммунистической праздничной обрядности, поскольку за два десятилетия, прошедших под громкими призывами реформировать праздник, значимых изменений в этой области не произошло.

В 60 – начале 80-х гг. вклад в изучение проблемы советского праздника как сферы социальной и художественной практики внесли Д.М. Генкин [285], И.М. Туманов [378], Б.Н. Глан [288], В.Н. Гагин [282, 283], А.А. Рубб [360], А.З. Юфит, П.Г. Романов [358]. Давая высокую оценку первым революционным праздникам, они видели залог успеха праздничных мероприятий не только в интересном сценарии, но ставили его в зависимость от «гражданской позиции режиссера, его личного отношения к избранной теме, способности отразить в празднике не только факты и свое отношение к

ним, но и ... свою идейную убежденность» [378. С.18]. Предъявляя высокие требования к режиссерам торжественных мероприятий, исследователи надеялись преодолеть кризисные явления праздника.

С середины 80-х годов начинается новый этап в изучении советских послереволюционных празднеств, характеризующийся повышением интереса к вопросам развития культуры в условиях складывавшегося тоталитаризма. Для нашего исследования представляют интерес работы А.В. Захарова [428. С.284-301], Н.Н. Козловой [312], пытавшиеся раскрыть сущность и содержание советских праздников в условиях политической нестабильности и борьбы за власть внутри партии.

В 1985 г. министр культуры Польской Народной Республики, Казимеж Жигульский в монографии «Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога» [297] объединил советский и зарубежный опыт исследования праздников. Интерес для Жигульского представляли такие связанные с праздником явления, как отдых, искусство, быт, политика, труд и культура, поскольку с его точки зрения, переставая понимать праздник во всех его аспектах, «мы утрачиваем ключ к пониманию предыдущих поколений, их жизни и культуры». Указанная работа является одним из последних исследований, в котором советские праздники рассматривались так многосторонне.

Современный этап развития российской историографии начался после распада Советского Союза: исследователи пытаются сломать стереотипы однобокого подхода к проблеме ранних советских праздников, чему способствует расширение источниковедческой базы. Прослеживается тенденция исследования феномена советских праздников не комплексно, а по избранным аспектам.

Проблема замещения религиозной культуры атеистической стала актуальной в связи с введением в научный оборот новых архивных данных. Данный аспект интересовал таких исследователей взаимоотношений Церкви и государства, как, например, Н.И. Цимбаева [487], Л.А. Морозову [463], В.Г.

Овчинникова [465]. Американский историк Уильям Хасбэнд рассматривал советские праздники в контексте борьбы большевиков с религией, историк считает их частью объявленной властями борьбы за новый быт. В работе «Безбожные коммунисты. Атеизм и общество в советской России в 1917-1932 гг.» [399] Хасбэнд освещал попытки создания атеистического общества. Описывая такие новые обряды, как Красная свадьба, Красные крестины (или Октябрины), Красные похороны, Хасбэнд рассматривал их как достойную альтернативу церковным таинствам. Тем не менее, Хасбэнд сделал вывод о том, что советские праздники не смогли в полной мере искоренить религиозные. К подобным выводам пришли и Мальте Рольф [357], Шейла Фицпатрик [383; 384], Сара Дэвис [293].

Исследование праздников и праздничной обрядности всегда оставалось одной из центральных тем этнографии. Примечательно, что этнографы, описывавшие крестьянскую среду, как правило, не выделяют особый период в развитии праздничной культуры сразу после установления советской власти: революционная культура начинает играть заметную роль в деревне только с середины 20-х гг. Работы этнографов (И.И. Шангина [394], И.С. Слепцова, И.А. Морозов [332]) помогли нам лучше понять дореволюционную праздничную культуру, уничтожение которой было задачей власти, а также взглянуть на советские праздники под новым углом зрения. Н.С. Полищук, относившая 20-е гг. к наиболее продуктивным в формировании советской культуры [472, 473], призывала этнографов обратить внимание на то, что, по ее мнению, долгое время выпадало из поля зрения специалистов, а именно на траурный церемониал первых советских празднеств, торжественное открытие или закладку памятников, а также на заботу со стороны организаторов революционных торжеств о голодных и нуждающихся гражданах [473. С. 12]. В сфере интересов этнографов Л.А.

Абрамян и Г.А. Шагоян [401] – динамика праздника: ими показан переход советских праздников от структуры и гиперструктуры к антиструктуре¹².

В советский период художественное оформление большевистских торжеств и взаимосвязь творчества и праздника изучалось В.П. Лапшиным [314], Л.И. Акимовой [265], В.В. Кукаретиним [313], О.В. Немиро [335], В.Н. Гагиным [283]. Подчеркивалось, что праздничное искусство освещало проблемы культурной революции, борьбу за новый быт и даже служило делу обеспечения обороноспособности страны [335. С.117]. Лестные отзывы получило праздничное оформление первых революционных празднеств; пристальное внимание к культурно-эстетическому компоненту торжеств стало отправной точкой зарождавшейся советской культуры.

Проблема взаимосвязи советских праздников и искусства рассматривалась в работах, И.Д. Золотницкого [299; 300], Е.А. Ермолина [296], Т.С. Злотниковой [431], Е.А. Кавериной [435], Л.А. Шумихиной, В.Н. Поповой [491]. Оформление первых советских празднеств по праву можно назвать агитационным: сочетание присутствовавших в нем пропагандистских элементов с новационным воплощением рассматривалось современными искусствоведами. И.М. Бибикова, Н.И. Бабурина, Т.И. Володина, Н.И. Левченко [262, 263] пришли к выводу, что новые идеи и образы праздничного убранства, представленные в основном плакатным искусством, быстро распространялись, поскольку создавались талантливой молодежью, опиравшейся на основы народной культуры, но создавшей беспрецедентное искусство. Праздничное убранство городов было отнесено ими к «самым оперативным и политизированным видам искусства» [263. С.1].

¹² Структура общества – обычный миропорядок – нарушается с наступлением праздника, Космос переходит в Хаос. В советский период Хаоса хотели избежать, поэтому праздникам придавался вид еще более упорядоченной, чем реальной жизни, модели: «...праздничный парад и демонстрация – это как бы сверхсжатая модель советского общества с его делением на армию, трудящихся, в свою очередь разбитых на рабочих, колхозников, работников умственного труда». Благодаря такой систематизации, торжественные мероприятия оценены исследователями как гиперструктура или сверхструктура. Окончание официальной части празднества знаменовало собой переход к антиструктуре, характеризующейся снижением напряженности, ориентированной на расслабление и развлечение. Л.А. Абрамян и Г.А. Шагоян указывают на то, что коммунисты боялись, что после антиструктуры не восстановится советская структура, поэтому праздник не выпускался из-под контроля власти [388].

В работе «Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» немецкий историк Штефан Плаггенборг называл праздники «высшей формой репрезентации культуры» [344. С.287]. Интерес представляют размышления Плаггенборга о так называемых «архитекторах культуры»¹³: претворение в жизнь их замыслов было сопряжено со значительными трудностями, поэтому он сравнивает подготовку праздника с военной кампанией. Анализируя сущность советских государственных праздников, Плаггенборг приходит к следующим выводам: во-первых, «неверно было бы говорить о превращении праздников раннего периода в пышные мероприятия по самовосхвалению режима» [Там же. С.317]; во-вторых, государство, организуя торжества, создавало шаблоны, призванные создать впечатление единства народа и правительства. В-третьих, праздники, бывшие изначально революционным явлением, стали государственным мероприятием, одной из ключевых черт которого была неизбежная «заорганизованность». В целом, Плаггенборг дает высокую оценку проведению советских праздников и лежащих в их основе новых культурных явлений.

В целом, исследователями подробно исследовано влияние официальных советских праздников на развитие культуры, на высоком уровне изучались сущность и содержание празднеств, а также формирование общественного мнения относительно новых торжеств. Подчеркивалось выдающееся значение советских праздников для государства и общества, которое не умалялось даже в связи с проблемами их проведения.

¹³ Плаггенборг выделяет четыре условные группы большевиков, придерживающихся различных точек зрения на проблему создания новой культуры. Представители первой группы полагали, что Октябрьская революция в одночасье давала возможность создать новый мир с новой культурой. Плаггенборг справедливо отмечал, что такая культура «не была ориентирована на людей, она представляла собой дизайн, спущенный «сверху» [336. С..323], поэтому проекты данной группы не увенчались успехом. Вторая группа – «просветители», была настроена менее радикально. Третью группу архитекторов новой культуры составляли приверженцы идеи о обретении гармонии человека и природы, возвращении утраченной целостности. Сторонники четвертой группы названы Плаггенборгом «миротворцами», поскольку, создавая язык символов, обряды и мифы «с целью разъяснения людям масштабности и смысла времени, разрушившего до основания старое, но пока не создавшего нового», они «помогали замаскировать пропасть, отделявшую режим от большей части населения» [Там же. С.326].

Подводя итог историографическому анализу, можно констатировать, что изучение феномена праздника является актуальным для современного культурно-исторического дискурса. Многоаспектность праздника позволяет изучать не только его отличительные особенности в различные исторические эпохи, но и применять подходы, характерные для философии, культурологии, истории и других социально-гуманитарных наук.

Однако, несмотря на многообразие исследовательских работ, посвященных данной тематике, по-прежнему остаются лакуны в изучении социокультурного феномена праздника: ощущается недостаток работ, отражающих региональные особенности праздников. Праздник как социокультурный феномен, имевший место в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие, не становился предметом специального исследования.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что применительно к Ярославской губернии советский праздник как социокультурный феномен впервые стал предметом комплексного культурологического исследования. Впервые введен в научный оборот обширный и репрезентативный комплекс архивных документов (в том числе фотодокументов), позволяющий проанализировать советскую праздничную культуру в контексте конкретно-исторических условий ее становления. Детализирована периодизация становления советской праздничной парадигмы: в своем развитии праздничная культура прошла три последовательных этапа – зарождение канонов проведения основных государственных торжеств в период Гражданской войны, этап большевизации и этап огосударствления праздников. Выявлена специфика организации, форм и методов проведения праздников для различных групп населения (работающие граждане, дети, молодежь, женщины, крестьяне).

Теоретическая значимость представлена следующими положениями:

1. На основе впервые выявленных и систематизированных архивных материалов, относящихся к локальной истории, обоснованы

значимость, принципы, региональные особенности проведения советских праздников в первое послереволюционное десятилетие.

2. Обоснована хронология культурно-исторической трансформации советских праздников: в период 1917 – 1927 гг. выделены этапы становления новой праздничной культуры, соотносящиеся с упрочнением позиций советской власти, изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах жизни общества.
3. Благодаря выработанному алгоритму анализа региональных праздников в историко-культурном контексте с учетом гендерных особенностей участников и района (городская или сельская местность) проведения придана дополнительная аргументация теоретическим положениям современных исследователей о многообразии форм праздника и специфике восприятия их различными категориями населения.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что положения и выводы, изложенные в настоящей работе, представляют интерес для специалистов в области истории, культурологии, краеведения. Результаты исследования могут найти применение при разработке лекций и спецкурсов по истории советской культуры в первое послереволюционное десятилетие. Изучение социокультурного аспекта праздничных мероприятий, проводимых в Ярославской губернии, позволило включить новые данные в анализ советской праздничной культуры.

Личный вклад диссертанта состоит в следующем:

1. В исследовании собраны, систематизированы и проанализированы сведения, касавшиеся советских праздников первого послереволюционного десятилетия, в результате чего в научный оборот введены новые архивные материалы.

2. Представлена интерпретация фотодокументов, являвшихся проводниками официальной культуры, позволяющими взглянуть на проводимые праздники сквозь призму осмысления властью роли праздника в культурно-историческом процессе.
3. Проанализированы условия проведения советских праздников в провинции (Ярославская губерния), выявлены сложности, с которыми пришлось столкнуться организаторам праздников, обосновано ключевое значение праздника в процессе распространения советской культуры.
4. Обоснованы специфические черты, присущие региональным праздникам, организуемым для различных групп населения (работающие граждане, дети, молодежь, женщины, крестьяне), выявлена их историческая значимость.

Обоснованность и достоверность результатов обеспечены комплексностью методологии, соответствующей заявленной цели и задачам исследования; системным и многоаспектным освещением феномена советских праздников 1917-1927 гг., базирующемся на многообразии подходов к его исследованию.

Положения, выносимые на защиту:

1. В организации советских праздников первого послереволюционного десятилетия в Ярославской губернии, несмотря на локальность провинциальной среды, проявились общероссийские тенденции, связанные с поиском оптимального наполнения «Красного календаря» праздничными датами, изысканиями новых принципов и форм организации празднеств; вместе с тем, праздники, проведенные в Ярославской губернии в 1917-1927 гг., имели региональные особенности, обоснованные, главным образом, условиями становления советской власти в губернии.

2. В период становления новой праздничной парадигмы в 1917-1927 гг. советские праздники для детско-юношеской аудитории отличались разнообразием форм и более качественной подготовкой, по сравнению с другими праздничными мероприятиями, поскольку в праздниках для детей и молодежи проходили апробацию те новшества в организации, которые по замыслу власти, должны были со временем укрепиться, стать основой формируемой праздничной культуры.
3. В связи со значительными социально-экономическими сложностями, организация празднеств в деревне осуществлялась непланомерно, с разной степенью результативности, при этом в празднествах для крестьянства наиболее отчетливо проявилась тенденция гипертрофированного использования идеологической функции праздников: обучающий элемент являлся определяющим в советских праздниках в сельской местности.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись на заседаниях кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»; на научно-практических конференциях и чтениях («67 всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием», 2014 г.; «Международные научные чтения им. К.Д. Ушинского», 2010 г., 2011 г.; «Трефолевские чтения: историческое и литературное краеведение русского города XVIII – начала XXI веков», 2012 г.). Результаты диссертационного исследования нашли отражение в 9 публикациях, в том числе 4, осуществленных в издании, включенном в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав («Особенности праздника как социокультурного феномена», «Традиции и новации в организации советских праздников первого послереволюционного десятилетия»), заключения, библиографического списка источников и литературы, включающего 511 наименования, 20 приложений.

Глава 1. Особенности праздника как социокультурного феномена

1.1. Праздник как социокультурный феномен

Праздник – одно из первых социальных созданий человечества – сложное и во многом противоречивое явление, разительно отличающееся от повседневности, будней. Праздник является той фазой общественной жизни, в которой с особой наглядностью проявляются уровень развития культуры, религиозные представления, господствующая форма власти: потребность социума в празднике никогда не исчезала. Праздник важен не только для общества, но и для индивида, поскольку удовлетворяет потребность человека в выражении своих чувств, способствует сознательному освоению мира. Многоаспектность и полифункциональность данного явления дают основание говорить о празднике как о социокультурном феномене, не позволяющем отождествлять его с простым досугом и развлечением.

Считается, что этимологически слова «праздник», «праздность» восходят к древнеславянскому слову «праздь» - отдых, безделье. Постепенно появилось четкое разграничение понятий: праздность, связанная с бесцельным времяпрепровождением, коренным образом отличается от праздника – особого периода времени, характеризующегося яркими эмоциональными переживаниями, особенного рода деятельностью (например, участием в ритуалах и обрядах). Тем не менее, В.И. Даль трактовал праздник как день, «посвященный отдыху, не деловой, не рабочий» [507]. С определенными днями, выделяющимися из потока событий, связывали праздник Д.Н. Ушаков [510] и С.И. Ожегов [508]. Исследователи праздника предлагают авторские определения этого феномена, в зависимости от того аспекта, которому они уделяют наибольшее внимание. Анализируя праздник, мы будем опираться на определение А.Ф. Некрыловой: «Праздник – социальное и культурное явление, в нем

соединены две тенденции: возврата, неподвижности и обновления, динамики» [334. С.65].

Целью данной главы является выявление особенностей праздника как социокультурного феномена; анализ функциональных возможностей праздника; рассмотрение вопроса о том, как советская власть использовала феномен праздника с целью распространения новой праздничной культуры и искоренения дореволюционных традиций, основанных на религиозном мировоззрении.

Связь праздников со сферой сакрального, их роль в структурировании жизненного цикла. Во все времена праздник тесным образом был связан с областью сакрального; прообразами праздников являлись магические ритуальные действия, дававшие людям уверенность в том, что можно оказать определенное влияние на окружающую действительность, силы природы. Праздник выступал средством преодоления страха перед безудержным потоком времени: по представлениям людей, он осуществлял связь с умершими предками и еще не родившимися потомками. Праздник посредством магических ритуалов, обрядовых убийств и жертвоприношений способствовал установлению нарушенного порядка во Вселенной, гарантировал непрерывность развития и неисчерпаемость ресурсов.

М. Элиаде [395] назвал период праздника священным временем, считая его продолжением вечности. С его точки зрения, любой праздник всегда разворачивается в так называемом начальном времени, позволяющем религиозному человеку периодически становиться современником богов, свидетелем божественных деяний.

Один из главных первоначальных смыслов праздника Элиаде видел в закреплении священных моделей поведения: даже в обычное, непраздничное время действия человека имитировали образцовые модели, считавшиеся ниспосланными богами или мифическими предками. Подобная имитация с течением времени становилась все менее и менее точной, искажалась или забывалась, поэтому возникала потребность в периодическом

восстановлении божественных актов, которую удовлетворяли праздники, обновлявшие и утверждавшие поведенческие модели [Там же].

Иначе объяснялась связь праздника со сферой сакрального английским этнографом и филологом Джеймсом Фрэзером, исследовавшим европейские (в том числе и российские) праздники. Исследователь связал их с культом умирающих и воскресающих богов растительности: смерть таких божеств знаменовала собой угасание плодородных сил земли, наступление холода, могущего повлечь за собой голод. Воскресение божеств означало восстановление производительных сил природы, активный процесс обновления и бурного роста. Вера в богов растительности не была пассивно-созерцательной. Мифы и предания, повествующие о гибели богов, описывали их мучительную смерть, что непосредственно повлияло на обрядово-зрелищную сторону празднеств: изображения богов сжигали, разрывали на куски, топили в реках. Все эти обрядовые убийства осуществлялись во имя скорейшего воскрешения божеств, которое повлечет пробуждение плодородных сил. По мнению Фрэзера, европейские праздники были основаны на «чрезвычайно примитивном понимании природной закономерности» [387. С.139].

В полемику с Д. Фрэзером вступил отечественный исследователь феномена праздника В.Я. Пропп [353], доказывавший, что понятие «боги растительности» не соответствуют представлению народа. Пропп предлагает использовать термин «силы», доказывая, что именно силам плодородия были посвящены праздники.

Как священное время рассматривал праздник и В.В. Розанов [356. С.383], выделяя при этом особый смысл праздника – приближение людей к Богу, ибо «Бог живет в радости, а не в печали» [Там же], «Бог в отдыхе, а не в работе» [Там же. С.384], «*угодное* Богу есть *отрадное* для человека» [Там же].

Праздник, являясь периодом непосредственного контакта мирской и сакральной сфер, утверждает принципы соответствия ритмов жизни человека

и общества ритмам космоса, поэтому праздник неразрывно связан с формированием представления о времени. К. Жигульский убедительно доказал, что «счет времени, одно из величайших достижений человеческой культуры, - календарь – везде в своих истоках выступает как форма упорядочения, закрепления, заблаговременного исчисления праздничных дней и периодов» [297. С.58].

П.А. Флоренский прослеживал в христианских праздниках годовой космический цикл и соотносил их с определенной стихией: над «зимним созвездием праздников» властвовала стихия воды, над весенними праздниками – земли, над летними – воздуха, а над осенними – огня. Флоренский считал, что не столько разумом, сколько сердцем можно постичь православный праздник, поэтому важно раствориться в нем без остатка, переживать его, погружаться в него, лишь в этом случае можно оказаться внутри праздничной стихии: «... готовясь ночью к службе, читаешь в тишине канон Преображению, то невольно жмурятся глаза, как от расплавленной платины, и, кажется – вот сейчас ослепнешь от нестерпимого блеска» [385. С.80]. Погружение в стихию праздника позволяет человеку соприкоснуться с удивительной силой культа, освящающей мир.

Возникающие в календаре праздничные даты и периоды структурировали жизненные циклы, определяли не только наполненное обрядами и ритуалами праздничное времяпрепровождение, но и являлись важными вехами в хозяйственной деятельности людей. Отечественным исследователем А.Н. Афанасьевым подробно рассмотрен процесс приспособления славянами христианских заимствований под реалии хозяйственного цикла: «Рассчитывая дни и распределяя занятия по святам... поселянин непонятным для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, имена месяцев и святых угодников сближает с разными выражениями отечественного языка...» [270. С.329]. Например, в церковный праздник обновления Царьграда (11 мая) крестьяне не производили сельскохозяйственные работы, поскольку опасались, что

царь град, за непочтение к его празднику, побьет молодые посевы. Афанасьевым собран обширный материал о названиях праздников, присвоенных их народом «сообразно с соответствующими им признаками обновляющейся ими замирающей природы и с приуроченными к ним крестьянским работам» [Там же. С.328], например Петр – полукорм (зимние запасы истощены на половину), Власий – сшиби рог с зимы, 1-е апреля – пустые щи, 3 мая – зеленые щи, Никита – репорез (уборка репы на зиму).

В.И. Чичеров убедительно доказывал, что наблюдения человека за календарными изменениями в природе никогда не ограничивались простой констатацией фактов, а подразумевали желание преобразовать окружающий мир. Фантастические представления о природе, религиозные верования, сплетаясь с трудовым опытом, давали основу для праздников, стержнем которых являлись продуцирующие и охранительные обряды [393. С.19]. В сфере интереса Чичерова находился феномен «бытового православия», распространение которого исследователь объяснял сохранением в народном сознании языческих представлений, что вело к воспроизводству древнейших магических обрядов в христианской оболочке. Причину устойчивого сохранения языческих элементов в крестьянских праздниках Чичеров видел в том, что дохристианские верования были прочнее связаны с трудовой и общественной жизнью народа, чем церковное православие.

В целом, Чичеров видел в празднике – любом, безотносительно его религиозной составляющей – своеобразное повторение труда человека. Действительно, в празднике может прослеживаться вольное повторение сложившихся в процессе трудовой деятельности навыков, умений, правил, законов, тем не менее, мы не можем сводить праздник к магическому дублированию сферы труда, это привело бы не просто к упрощению, а к искажению феномена праздника.

С нашей точки зрения, праздник посредством установления табу на определенные занятия, с одной стороны, и поощрением – и даже

обязанностью – выполнения конкретных видов работ является своеобразным гарантом достатка и благополучия.

Актуализация социально-культурных, ценностных и политических аспектов феномена праздника. Праздник – это время изобилия, гостеприимства, расточительности, он дает людям удовлетворение избыточным – тем, что в будни подавляется или игнорируется. По справедливому утверждению Н.М. Андрейчук, сама идея праздника «... связана с осмыслением какой-либо победы..., понимаемой и в узком, и в широком, и во вселенском масштабе...: построили, вырастили, родили, выучились, вылечились, изобрели, сделали открытие, помирились, добились руки и сердца, полетели в космос» [404]. В религиозных праздниках можно проследить победу «Духа, Гармонии мира, Любви, Вечной жизни» [Там же].

Праздник выступает как способ обретения гармонии и мира: действительность представляется человеку более счастливой, благополучной, чем она есть на самом деле, а многие негативные стороны жизни либо игнорируются, либо отодвигаются на задний план.

Вопреки кажущейся видимости, праздник не тождественен идиллии: Р. Кайуа определяет его как момент кризиса, апогея, стремительного ускорения и концентрации [306], ввергающий в водоворот массового исступления. Начиная с первобытности, праздничное время характеризовалось эксцессами: растрачиваются запасы, нарушаются краеугольные законы морали, нормы поведения меняются до противоположных, власти теряют авторитет.

По образному выражению О. Паса праздник – это «нырок в хаос, в саму стихию жизни», когда «общество высвобождается из навязанных норм, смеется над своими богами, началами и законами – короче, упраздняет само себя» [340. С.25].

Данной точки зрения придерживался и М. Бахтин, видевший в празднике противостояние созидательной силы народа «официальной культуре», навязываемой обществу религией, государством и другими

доминантными системами. Он считал, что «...народ тысячами веками пользовался правами и вольностями праздничных смеховых образов, чтобы воплощать в них свой глубочайший критицизм, свое недоверие к официальной правде и свои лучшие чаяния и стремления» [272. С.296]. Смеховые и праздничные формы во все времена противостояли репрессиям и террору, запретам и страхам, догмам иерархии и деспотизму, знаменуя собой демократический импульс обновления. Праздничное время прерывает размеренное монотонное течение будней, нарушает привычную повседневную жизнь, однако оно в корне отличается от катастрофы, паники или аномалии. Можно согласиться с выводом М. Бахтина о том, что праздник – не разрушение существующего миропорядка, а его омоложение, путем выхода в другое измерение жизни, освобождающее от «жизненной серьезности», характеризующееся отменой всех иерархических граней, всех чинов и положений, абсолютной фамильярностью веселья и в известной мере непристойностью [Там же. С.271].

Исследователями смеховой культуры убедительно доказывается, что изначально праздник – идеальное время для площадного, «низменного» смеха, скабрёзных шуток, которые воспринимаются не как намеренная грубость, но как явление, имеющее глубинное сакральное значение. Так, в Средневековье проводниками народной смеховой культуры были шуты, скоморохи, которых А.А. Белкин назвал важнейшим звеном народных праздников [273. С.164]. Согласно В.П. Даркевичу, шут, мотивируя свои действия «непониманием и безумием – «божьей болезнью»... жестоко злословил, безнаказанно высмеивал законное и священное» [292. С.201]. Без шутов не обходился практически ни один праздник, на время которого каждый из участников в той или иной степени позволял себе смех и вольности, запрещенные в будни, то есть становился шутом – «безумствующим во Христе». А.Я. Гуревич видел в этом своеобразную «игру в грех» с целью наилучшим образом его изжить [509. С.715]. Необходимо

подчеркнуть, что праздник во все эпохи тесно связан со смехом, поскольку именно смех позволяет выразить эмоции и создать праздничное настроение.

Протекая в реальном историческом времени, праздник формирует особое социальное время: А.И. Мазаев выделял особую социальную окраску праздничности как выражения коллективности [326. С.73], опираясь на представление о празднике как специфичной форме единения, сформированное на рубеже XIX – XX вв. Уникальное явление во время торжеств – праздничная толпа, обладающая своей неповторимой психологией. Густав Лебон комплексно проанализировал духовное единство толпы, без которого она не может существовать (в противном случае следует говорить не о толпе, а о многочисленном скоплении народа). Лебон заострял внимание на снижении умственных способностей индивидов в толпе, инстинктивной потребности повиноваться вожаку, возможном изменении чувств индивида на прямо противоположные, поскольку в толпе происходит исчезновение собственной личности [317. С.141-148, 172-175, 193-197]. Толпа обостренно реагирует на любые раздражители, отсюда следуют обостренность конфликтных ситуаций или же казалось бы необъяснимая всеобщая эйфория, возникающая в толпе в ответ на речи, провокации, шутки, представления и различные праздничные мероприятия.

Характерной чертой обыденности, в противоположность праздничности, является, согласно Г.-Г. Гадамеру, то, что в ней каждый прикован, прикреплен к своим собственным жизненным функциям и срокам [284]. Эта разобщенность отступает на задний план в момент праздника. О.М. Фрейденберг развивала идею «множественной единичности», лежащей в основе как архаичных, так и современных праздников: «так, в свадьбе мы видим рядом с протагонистами брака всю общину, и за невестой стоит хор женщин, а за женихом – хор мужчин; при похоронах, при праздниках победы, при всякого рода обрядах мы застаем то же массовое деление на хоры» [386. С.148-149]. Называя составления хоров общественной обязанностью, О.М. Фрейденберг связывала их появление с массовой

одновременностью действий, присущей людям с древности. Во все эпохи праздничные ритуалы выстраивались таким образом, что «печаль и радость становились всеобщими, разделялись между участниками празднеств» [271. С.31].

Праздничное единение имеет в своей основе согласие принимать и выполнять правила праздничной жизни, не сводя ее к выгодам, материальной пользе. Залогом существования праздника являются общие, разделяемые группой ценности: праздник невозможен без наличия в обществе идеалов. К. Жигульский утверждал, что праздник является «фазой общественной жизни, в которой с особой наглядностью выявляются ее механизмы, в первую очередь – система ценностей» [297. С.20]. Во время праздника ценности проявляются, подтверждаются и актуализируются. Смена системы ценностей влечет за собой изменения праздников [411. С. 146-147]: отречение от праздников, утрата интереса к ним служат признаком пересмотра общественных ценностей. Праздник – время формирования договоренностей в понимании ключевых общественных идеалов: свободы, радости, идентичности. В ходе праздников стимулируется повышение уровня групповой консолидации и эффективности взаимодействия.

Праздник чрезвычайно важен как способ эффективного манипулирования, поэтому власти всегда старались поставить его под свой контроль. Интересно рассмотреть отношение властей к празднику с позиции Э. Канетти, как это сделала И.Н. Лаврикова. Проводя аналогии между органами человеческого тела и функциями власти, Э. Канетти пришел к выводу, что «главнейшим элементом власти, которым снабжен человек, являются зубы», «гладкость и строй как очевидные свойства зубов перешли в сущность власти вообще» [307]. Основные запросы к празднику, выдвигаемые властями, согласно символике Канетти, сведены к требованию «гладкости» и «причесанности» его проведения (что подразумевает муштру профессиональных кадров для подготовки и проведения торжественных мероприятий, наличие эталонных сценариев, символики и т.п.) [448. С.192].

Праздник способен служить эффективным механизмом воспроизводства политической культуры [407; 480]. Попытки власти поставить праздник в подчинение идеологии, придать ему повелительную модальность приводят к примитивизации праздничности, утрате ею самобытности и искренности [319. С.184]. Формальное участие в празднике приводит, в лучшем случае, к чувству выполненного долга, а иногда и сожаления от осознания бессмысленности потраченного времени. Имитирование праздничной радости людьми происходит в том случае, когда в устраиваемом властями празднике нарушена правильная пропорция игрового и традиционного компонентов.

Как правило, за подготовку праздничных мероприятий был ответственен круг лиц, к которым предъявлялись определенные требования. Поскольку в любом обществе власть пристально следит за тем, что может быть для нее опасным, то к организации празднеств имел доступ лишь ограниченный круг персон, доказавший верность власти, но контролируемый ею. Условием истинной праздничности является признание народом легитимности деятельности организаторов празднеств. Власть, даруя организаторам праздников различного вида довольства и привилегии, ограничивает массовый доступ к сфере праздничности, делая ее непроницаемой и запретной для широкого круга лиц.

Опасность перехода праздника в бунт заставляет его организаторов отводить определяющую роль легитимизации режима. Однако абсолютную предсказуемость, «повеление» в терминологии И.Н. Лавриковой, праздника властью посредством людских ресурсов и планирования осуществить невозможно, можно лишь отчасти проконтролировать его через факторы опосредованные – воспитание, образование, сферу экономического [448. С.194].

Эффективность использования праздника достигается во многом благодаря его протяженности во времени: даже если само празднование занимает один день, подготовка к нему создает особое праздничное

настроение. И.Ф. Максютин утверждал, что вся прелесть праздника сосредоточена в его ожидании [328. С.58]. Несмотря на то, что предвосхищения далеко не всегда оправдываются, «проигранный» в голове праздник, то есть мысли и эмоции, которые в период ожидания его имели место быть, не проходит бесследно. Создается праздничная атмосфера, разительно отличающаяся от будней во всех проявлениях: например, М.А. Медведева называет ее временем комплиментарного общения [460]; претворяется в жизнь желание создать нечто новое, по-праздничному удивительное, раскрывается творческий потенциал; пробуждается потребность дарить и получать радость, облагораживать себя и окружающее пространство. О.Л. Орлов говорит о предпраздничной обстановке и самом торжестве как об особой семиосфере, включающей в себя комплекс знаковых систем: праздничные убранства, декорации, обряды, лексика, символы, жесты, магические действия, подарки, пожелания, суеверия, церемонии, игры и представления [339. С.66].

В целом, праздник – это социальное явление, своеобразная, специфическая жизнедеятельность людей, призванная обеспечить в широком смысле одно из направлений развития культуры [287. С.143].

Функциональные возможности праздников. Представляя собой, как было сказано выше, сложную модель взаимосвязи ценностного, эмоционального, рационального, контекстуального аспектов, праздник обладает определенными функциями, социокультурными по своей сути. Наиболее общими и универсальными являются следующие функции праздника: интегративная, идеологическая, воспитательная, коммуникативная, эстетическая, игровая, рекреативно-оздоровительная, компенсаторная.

Праздничная культура формирует основание для устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей. В ходе праздника наблюдается повышение уровня групповой консолидации и эффективности

взаимодействия, осуществляется дальнейшее накопление общественного опыта по гарантированному общественному воспроизводству коллективов как устойчивых социокультурных сообществ [412]. Э. Дюркгейм убедительно доказал что интегративная функция праздника неразрывно связана с кардинально противоположной дезинтегративной функцией. Согласно Э. Дюркгейму, освоение культуры, в том числе и праздничной, создает у людей – членов того или иного сообщества – чувство общности, принадлежности к одной нации, народу, религии, группе и т.д., происходящее, однако, на основе какой-либо субкультуры, противопоставляющей их членам другого сообщества, разъединяющей более широкие общности [294]. Таким образом, в праздник наблюдается не только общественная консолидация, но могут обостряться культурные конфликты, являющиеся следствием его дезинтегративной функции.

Праздники в любом социуме являются гарантом стабильности и общественного спокойствия при условии, что населением признаются лежащие в их основе ценности. Связь праздников с системой ценностей того или иного общества предопределяет идеологическую функцию праздника, заключающуюся в возможности внушать взгляды и представления, определенным образом конструирующие понимание окружающей действительности. В ряду эффективных механизмов актуализации ценностей праздник является сложным инструментом интериоризации важнейших элементов культуры, гармонизации отношений к прошлому. Д. Гусс рассматривал праздник как статичную форму, через которую проходят образы реальности, а человечество со временем смотрит в новое отражение и учится, приобретает ценности: «В какой бы реальности не находился праздник – это культурная инсталляция, через которую на протяжении веков проходят социальные изменения, переведенные на ценностный язык» [398. Р. 23].

Для стабильного развития общества необходимо логичное объяснение связи «прошлое – настоящее – будущее»: именно праздник способен

воспроизводить событие в ценностном ключе, тем самым узаконивая историю, вызывая чувство гордости, формируя устойчивое позитивное восприятие событий прошлого. Вызывая рост патриотических настроений, праздник производит воспитательный эффект, является своеобразной «школой под открытым небом», позволяющей перенимать опыт предшествующих поколений, активно включаться в процесс социализации.

Воспитательная функция праздника подробно рассмотрена еще древнегреческим мыслителем Платоном: праздник, согласно его видению, - интегральное явление, включающее в себя все мусические искусства¹⁴. Воспитанным человеком, с точки зрения Платона, следует считать того, кто в песне и пляске во время праздничного хоровода изображает прекрасное, обличает пороки. Согласно Платону, не должно быть никаких беспорядочных удовольствий, несмотря на то, что люди от рождения имеют склонность к празднованию и им, как и всем живым существам, «хочется двигаться и шуметь, скакать, прыгать, играть, издавать разные звуки, испытывая при этом удовольствие» [345. С.101]. Только организованный праздник способствует исправлению недостатков воспитания, другими словами, праздничное наслаждение должно согласовываться с требованиями закона и добродетели. Идеалом праздника для Платона служили праздники Египта: остававшиеся неизменными на протяжении тысячелетий, они рассматривались философом не только как показатель порядка и незыблемости жизненных основ государства, но и как действенный элемент воспитания его жителей.

Однако ошибочно полагать, что праздник ориентирован сугубо на прошлое: транслируя определенные идеи, праздник способствует

¹⁴ Платон трактовал мусические искусства весьма обобщенно, акцентируя внимание на том, что они являются результатом деятельности Муз, а не человеческой забавой, прихотью или удовольствием. В мусических искусствах – музыке, поэзии, риторике – Платон видел проявление закономерностей жизни, упорядоченность космического цикла [322]

Представление о мусических искусствах было подожжено в основу так называемого мусического воспитания – системы умственного, эстетического, нравственного воспитания в Древней Греции, включавшей литературное и музыкальное образование, знакомство с основами наук, изучение ораторского искусства, политики, этики, философии [См. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/world/m/Musicheskoe-vospitanie-26940.html>].

социокультурной адаптации в настоящем и дает импульс к дальнейшему развитию общества. Праздник эволюционирует в соответствии с историей того или иного общества, меняются лежащие в его основе ценности, но воспитательная функция не утрачивает своего значения, приобретая новые формы воплощения.

Во время праздника люди вступают друг с другом в общение, резко отличающиеся от будничного не только особой лексикой, но и невербальными способами общения – праздничной мимикой, жестами, танцами [460; 404 С.31-33]. Коммуникативная функция праздника обладает интегральным качеством, синтезирующим в себе общую культуру и ее специфические проявления.

Мы можем согласиться с выводами С.В. Черкасова о том, что для организаторов и спонсоров праздничных мероприятий главной целью коммуникативной функции является распространение информации рекламно-имиджевого характера, способствующей повышению престижа; для активных участников коммуникативная функция состоит в том, чтобы заявить о себе, оценить себя через сравнение с другими активными участниками, узнать что-то новое в сфере своей деятельности; для аудитории на празднике важно получение сенсорно насыщенной информации и свободное межличностное общение [506].

Е.В. Руденский выделил три краеугольных компонента, лежащих в основе праздничного общения. Первый – коммуникативный – носит характер зрелищной игры, которая демонстрируется в качестве примера для подражания. Для данного компонента важен «актер» – человек, нередко скрывающийся под маской, действия которого служат источником подражания. Вторым – интегративный – компонент направлен на взаимодействие: здесь уже нет разделения на организаторов и зрителей; лучшей формой интеграции называется праздничная игра. Третий структурный компонент праздничного общения – это перцепция, то есть восприятие, которое идет параллельно с коммуникацией и интеграцией.

Человек организован и погружен в праздник когда сопричастен всем трем компонентам [361. С.80-91].

Праздник действительно всегда был связан с игрой [292.]: Ле Гофф характеризовал и праздник, и игру как глубокую и бескорыстную радость [305. С.100]. Утрата праздником игрового элемента или превращения этого элемента в «фальшивую» игру самым ущербным образом сказывается на его содержании [305. С.206]. Двойственность праздника проявляется в том, что для успешной его организации необходимо соблюсти баланс спонтанности, важной для игрового компонента, и строгой регламентации, позволяющей сохранять праздничные традиции посредством четко оговоренных функций участников празднеств.

Французский мыслитель XVIII в. Жан-Жак Руссо полагал, что праздничное настроение, игра – синонимы свободного проявления «радости жизни» – могут возникнуть спонтанно, без особых усилий со стороны организаторов празднеств: «Воткните посреди людной площади украшенный цветами шест, соберите вокруг него народ – вот вам и празднество» [363. С. 186]. Тем не менее, Руссо не ставил задачу нивелировать различия между стихийно возникшими и подготовленными, спланированными праздниками¹⁵, ибо последние обладают большими возможностями не только для «поддержания порядка и добрых нравов», но являются эффективной школой гражданственности, обеспечивающей «безопасность, согласие и процветание» государства [Там же. С.172]. Как показала практика, обманчивые представления о легкости организации празднеств не позволяли подготовить достойные праздничные мероприятия.

Игровая функция праздника основана на органической связи праздника и игры, заключающейся в заинтересованности участников не конечным результатом, а самим процессом. М.С. Каган указал на кардинально противоположные подходы в изучении игровой деятельности человека:

¹⁵ Руссо являлся сторонником праздничных спортивных состязаний и танцевальных балов «для молодых людей обоего пола, достигших брачного возраста» в том случае, если они напоминают «большой семейный праздник», на котором каждой возрастной группе отведена особая роль, основанная на приличествующих возрасту развлечениях и демонстрации неизменного уважения старших [363. С.170, 174].

согласно известной теории И. Хейзинги [391. С.44], «игра является чуть ли не главным и высшим проявлением культуры», что расценивается Каганом как формалистический эстетизм. Другая крайность – «узкий утилитаризм, проявившийся, например, в том, что долгое время в советской научной-теоретической литературе игра игнорировалась как сколько-нибудь существенная культурная ценность» [305. С.205]. Игра – ключ к различным социокультурным аспектам.

Праздничная игра – особый инструмент социальной адаптации и взаимодействия как внутри группы, так и между группами. Включенность индивида в праздничную игру позволяет не только стимулировать его творческую активность, но является способом проверки степени вовлечения человека в различные социовозрастные объединения и группы. Посредством игры праздник обеспечивает внутреннюю сплоченность общества. И.А. Морозовым и И.С. Слепцовой подробно рассмотрены социорегулятивная и воспитательная функции праздника, в основу которых они положили праздничную игру. Играя, индивид постигает статусно-иерархические отношения, принятые в обществе, приобщается к его нормам и правилам [332. С.10].

Игра – эффективный способ релаксации, расслабления, раскрепощения, поэтому игровая функция праздника тесно связана с рекреативно-оздоровительной. Как справедливо отметили И. Демчук и О. Романов, праздник есть «отдых и способность быть в тонусе» [425. С.80]. В процессе праздничной игры человек теряет свой повседневный статус, свое «Я». Этот процесс имеет название психотехники перевоплощения, так как происходит реорганизация своего «Я» в «Я»-роль, новое праздничное «Я». Праздник выступает как способ отречения от повседневных забот и обязанностей, благодаря восстановлению физических и интеллектуальных сил человека, израсходованных в процессе труда.

Праздник – это особое время, способствующее оздоровлению психологического климата общества, поскольку праздничное настроение

воплощается в особой любви к жизни, в стремлении прекратить конфликты, в воодушевлении, радушии и оптимизме. Праздник задает равнодушное отношение индивида ко всему, что происходит вокруг него и в целом ко всему окружающему миру; погружение в атмосферу праздника позволяет на время забыть о проблемах – так, в общих чертах, воплощается рекреативно-оздоровительная функция праздника.

Размышления древнегреческого мыслителя Аристотеля о корреляции праздника и досуга не утратили актуальности: праздничный отдых, даруя человеку наслаждение, не является при этом простой забавой и доступным развлечением – в полной мере оценить его способен только человек, проделавший большой путь по самосовершенствованию [269. С.412]. Мы не можем не согласиться с Аристотелем, что народ неравноценно понимает смысл праздников, однако мы не ставим в прямую зависимость постижение сути праздника и праздничный отдых, релаксацию.

Состояние веселья и наслаждения является причиной гедонистичности праздника, осуществляемой на уровне любования, удовольствия, комплиментарного общения, и способствующей, в конечном итоге, релаксации. Праздничный отдых, дарующий оздоровление, обусловлен самой природой праздника – уходом в особый счастливый и гармоничный иллюзорный мир.

В настоящее время наблюдается повышение интереса именно к оздоровительной функции праздника в связи с возникновением так называемой праздникотерапии, основанной на благотворном психологическом влиянии праздника на людей с ограниченными возможностями и людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Праздникотерапия – уникальное явление, относящееся как к области медицины, так и культуры: сочетание реабилитационных и адаптационных технологий позволяет создать устойчивый положительный психологический настрой, способствует избавлению от страхов, создает условия для самовыражения и самореализации [422; 462; 420. С.30].

Праздник, являясь «формой эстетической и художественной деятельности, включенной непосредственно в ткань социокультурной реальности» [511. С.269], моделирует эстетическое отношение человека к миру. Эстетическая функция праздника удовлетворяет потребности человека в эмоционально-чувственном выражении своего отношения к наиболее значимым событиям и ценностям. А.И. Мазаевым дано обоснование связи праздника с искусством, что позволило ему характеризовать праздник как социально-художественный феномен [318. С.30]. Праздник «не создает вещей, что характерно для труда, и не творит произведений, как это делает искусство», но образует эстетически-гармоничную сферу, благодаря чему праздничное время «превращается в ценность культуры, становится истинным богатством человеческого существования» [Там же]. Э.В. Соколов считал, что по своему духу праздник наиболее всего ближе к творчеству, отличается от него лишь непременным присутствием торжественности и ритуализма [373. С.86], основной смысл праздника, с точки зрения исследователя, заключается «в торжественном, коллективном, художественном преобразовании жизни» [Там же]. Праздничная эстетика является средством обретения человеком созвучия с миром: праздник моделирует способы достижения гармонии.

Компенсаторная функция праздника связана с теми ограничениями, с которыми сталкивается человек в будни; праздник дарует запретные удовольствия, ликвидируя напряженность и дискомфорт, вызываемые чувством неудовлетворенности. Восстановлению психологического равновесия способствует проективная разрядка – способ снятия напряжения, который состоит в перенесении неудовлетворенных эмоций с одного реального объекта на другой реальный, его заменяющий, или иллюзорный [414. С.47]. Проективная разрядка используется тем чаще, чем хуже условия жизни, ниже благосостояние населения и уровень грамотности и выше социальная напряженность. Примером использования проективной разрядки могут служить сжигание изображений политических деятелей,

надругательство над символами власти противоположной стороны. Проективная разрядка доступна для понимания даже малограмотного населения. Значительный вклад в обоснование компенсаторной функции праздника внес психоанализ, в котором за аксиому принимается мысль, что чем более нормативна культура, тем большая роль в ней отводится созданию относительно безопасных, не нарушающих социальную стабильность, способов разрядки, в числе которых назывались празднества, игры, исповедь, юмор, обряды и т.д.

Я.Г. Шемякин свел функции праздника к двум основополагающим: ритуально-партисипативной, в которой проявляются социально-интегративные возможности праздника, и ритуально-смеховой, в которой находит свое отражение игровое, гротескно-смеховое начало праздничной культуры [490]. Различные виды праздников в разные эпохи в тех или иных культурах характеризуются различным соотношением выделенных функций: преобладание той или иной из них определяет историческое «лицо» праздника.

Функциональные особенности праздника по-разному проявляются в разные исторические периоды и в разных социокультурных ситуациях; благодаря им в празднике оформляются и приобретают относительную самостоятельность ключевые моменты жизни общества. Праздники несут особую функциональную нагрузку в переломные моменты развития общества. В празднике преломляются общественные, философские, культурные изыскания эпохи, находят отражение исторические события и изменяющиеся условия бытия. Функции праздника переплетены и взаимосвязаны, поэтому выделение одной из них разрушает восприятие праздника как комплексного, целостного явления культуры, упрощает природу данного феномена. Именно многообразие функций делает праздник незаменимым социокультурным явлением.

Проблема кризиса истинной праздничности. Принимая за аксиому тот факт, что человечество не может обходиться без праздников, исследователи

различных аспектов феномена праздника (психологического, философского, социального, идеологического) сходятся во мнении, что с течением времени наблюдается кризис истинной праздничности. А. Пиотровский называл праздники XX в. «ничтожными пережитками могучих некогда празднеств». Тотальной бытийной экспансией атрибутивных свойств праздника в повседневность, следствием чего является утрата праздником своей специфики и самодостаточности, характеризовал кризис праздничности Р. Генон, провозглашавший эпоху «непрерывного и зловещего карнавала» [417].

Работы знаменитых русских мыслителей конца XIX – начала XX века В.В. Розанова и П.А. Флоренского также затрагивали вопрос о кризисе праздничности. В.В. Розанов высказывал известную неудовлетворенность церковными торжествами, отправной точкой которой является отсутствие в них природы, поэтому неизменным условием возврата к подлинной праздничности, присущей древним людям, философ считал внесение природы в храмы. В качестве примера успешного слияния религии и природы Розанов приводил православный праздник Троицы, когда храмы украшаются живой зеленью и цветами [356. С.395]. Будучи служителем культа, П.А. Флоренский назвал первопричиной кризисных явлений нарушение заповеди о дне, свободном от работ: «Из гуманности мы не побиваем камнями за разрыв священной ограды субботы... Но зато мы перестали видеть солнце, жизнь потускнела и иссякла, и мир отравился скукой» [484]. Способом преодоления кризисных явлений праздника философы считали возврат к детскому восприятию мира, когда праздники воспринимались как нечто чудесное, радостное, надолго запоминающееся; обретя радость праздника, люди получают «обетование прощения и воскресения в новую жизнь» [356. С.395].

М. Фуко, в сфере научного интереса которого был феномен безумия и властные карательные структуры общества, писал о присущих современному празднику кризисных явлениях, объединив выводы по данным

проблемам. С точки зрения Фуко, праздники утратили свой политико-религиозный смысл, что заставляет человека прибегать к алкоголю и наркотикам «как способу протеста против общественного строя», чтобы создать «своего рода искусственное безумие» [388. С.15-17].

Е.Р. Меньшикова связывает кризис праздника с повышением благосостояния населения, в частности, с изобилием еды, что приводит к утрате праздником своей сакральности. Не имеющие опоры в мифах, современные праздники демонстрируют полное отсутствие сакраментальных апперцепций при полном арсенале праздничных ритуалов, которые Меньшикова свела к иронично-грустной формуле «песнопения – ряжения – хороводы – поедание – объедание – избиение». Праздник, ограничивающийся бессмысленным соблюдением обрядов и ритуалов, «заканчивается не торжеством единения, а расподоблением-распылением единичности», «унынием одинокого человека, отринутого племенем и лишённого защиты своего множественного покрова» [461. С.250-263].

М.И. Воловикова, С.В. Тихомирова, А.М. Борисова объясняют упадок праздника подменой его развлечением: описывая, по их выражению, настоящий праздник, они сравнивают его с растением, корни которого уходят в самые древние исторические пласты существования человека, а цветущая вершина достигает неба вечности. Опасение вызывает тот факт, что «рядом с настоящим праздником выросло другое растение, которое люди все чаще начинают принимать за праздник: почти лишённое корней, оно стелется по земле и не стремится достичь неба». Так образно было описано развлечение, не обладающее функциями истинного праздника, но угрожающее его вытеснением [281. С.49]. М.А. Слюсаренко утверждает, что состояние праздничности заменяется праздностью, бездельем, пустым времяпрепровождением [482. С.44].

Несмотря на кризисные явления, праздник был и остается ярким событием в жизни общества и каждого человека, значимой вехой истории: выступая как своеобразный раздел между прошлым и будущим, отделяя

устаревшее от перспективного, праздник вдохновляет надеждой на решение проблем, структурируя и организуя человеческую жизнь.

1.2. Формирование новой праздничной парадигмы в советской культуре первого послереволюционного десятилетия

Актуализируя формирование новой праздничной парадигмы в первое послереволюционное десятилетие, необходимо отметить, что советская власть активно использовала праздники, стремясь перечеркнуть старую культуру и сделаться гегемонами в новой.

Полагая, что в социокультурной среде могут зародиться силы, мешающие планам радикального переустройства общества [Подробно об этом: 266], советская власть стремилась установить контроль над ней с помощью тотальной идеологизации всех видов деятельности в этой сфере. Сочетая политику устрашения и запретов с праздничными технологиями, большевики старались упрочить свои позиции¹⁶. Желая видеть народ, объединенный победой над прошлым, консолидированный идеей построения коммунизма, советская власть вводила новые революционные праздники.

Становление «Красного календаря». Создаваемые праздники призваны были отразить существенные изменения в идеологии, культуре, социальном и политическом переустройстве общества. Отвергнув старое летоисчисление¹⁷, советская власть объявила народными праздниками совершенно новые даты – дни революционных побед, траурных воспоминаний, что положило начало «Красному календарю»: система революционных праздников начала оформляться уже зимой 1918 г., в первые месяцы существования новой власти. Неустойчивость праздничных дат была закономерным последствием введения новых праздников: например, День

¹⁶ Так считал, в частности, М. Рольф: «Террор и праздничная пропаганда шли рука об руку; оба метода были направлены на переплавку общества и создание нового мира с новыми – советскими – людьми» [357. С.253].

¹⁷ «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» неоднократно становился предметом исследования: так, Е.А. Каменцева, И.А. Климишин рассматривали его с точки зрения удобства нового летоисчисления [437; 310. С. 308], В.Д. Поспеловский анализировал данный декрет в русле борьбы советской власти с РПЦ [348. С.53]

Красной Армии в 1918 г. отмечался 15 августа [162], позднее он будет традиционно проходить 23 февраля.

Смысл включенных в «Красный календарь» праздников состоял в том, чтобы закрепить в памяти народа большевистские идеи, заново переживая революционные события; новые празднества призваны были обеспечить революционную преемственность и сделать революцию нормой существования.

Советская власть мыслила «Красный календарь» как составную часть идеологической работы и одновременно как фактор совершенствования социалистических форм общения, строительства нового быта и развития художественной самодеятельности. Провозгласив отход от мистического мировоззрения, большевики не смогли преодолеть отношение к календарю как к области сакрального: можно согласиться с Ж. Бодрияром, в том, что измерение времени «тревожит, поскольку привязывает нас к социальным обязанностям, но и действует успокоительно, поскольку превращает время в субстанцию и разделяет его на порции, словно некий предмет потребления» [275. С.5].

«Красный календарь» создавался методом проб и ошибок, поскольку советская власть искала оптимальный вариант его наполнения торжествами [163; 372. С.91-93; 452. С.400-412]; пристальное внимание власти к формированию «Красного календаря» удачно объяснено А.И. Щербининым: «Календарь находился на границе истории и памяти, превращая первую во вторую, задавая траекторию восприятия истории» [492. С.53]. В государственный праздничный канон был включен, помимо годовщин Октябрьской революции и Первой – двух главных большевистских празднеств, целый ряд праздничных дат, хотя они не всегда являлись выходными днями, например, Дни свержения самодержавия и Парижской коммуны, Международный женский день, День Кооперации и т.д. В спектр праздников «Красный календарь» включал такие даты, как, например, День

КИМа¹⁸, День Леса, День Советской пропаганды, Неделя профсоюзного движения и т.д.; по сути своей для большинства населения это были рабочие будни, однако они широко освещались в прессе, где именовались не иначе, как «праздниками».

В первые годы советской власти слова «праздник», «празднование» использовались в «Красном календаре» и для ознаменования событий, имевших в основе скорбные, трагические факты. 26 января 1924 г. было объявлено Днем траура в связи «с безвременной смертью В.И. Ленина» [28. Л.1]. Разрабатывая сценарий мероприятия, организаторы называют «празднованием» «траурное шествие с оркестром, музыкой и траурными знаменами» [26. Л.466]. Бальзамирование тела вождя, строительство Мавзолея на Красной площади столицы – все это поддерживало интерес населения к личности Ульянова-Ленина, поэтому в августе того же 1924 г. отмечался День покушения на В.И. Ленина (в Ярославле в этот день устраивались доклады и инсценировки) [27. Л.50].

В декабре 1927 г. в Ярославской губернии началась так называемая «Кампания пятидесятилетия смерти А.Н. Некрасова»: мероприятия, проводимые в ее рамках («утренники или вечера, посвященные Некрасову, в деревне и в уездных городах» и «торжественное заседание в театре имени Волкова» в Ярославле» [6. Л.54]), в отчетах организаторов также носили название «празднование» [Там же].

Для первых лет существования советской власти был характерен поиск новых, по возможности «революционных» (что в терминологии того времени означало имевших связь с революционными движениями разных эпох и, в особенности, с Октябрьской революцией 1917 г.) праздничных поводов, которые и должны были найти отражение в «Красном календаре». Праздники вводились в обиход решением власти, население страны в своем большинстве нуждалось в разъяснении их смысла и значения, поскольку первоначально они были чужды и непонятны рядовому обывателю. Поэтому

¹⁸ КИМ – коммунистический интернационал молодежи.

власть стремилась широко использовать идеологическую функцию праздников¹⁹: во многом благодаря советским праздникам жители узнавали о ключевых событиях политической, социальной, экономической, культурной жизни страны. Доклады о международном положении Страны Советов, о достижениях в различных областях народного хозяйства, об изменении политического курса и многом другом звучали на праздниках так же, как и доклады, касавшиеся непосредственной тематики праздников.

Например, в 1927 г. в доклад, посвященный празднованию Первого мая, советской властью предполагалось включить обширный перечень вопросов: « а) разоблачение политики империалистических держав в деле подготовки новой войны против СССР, б) укрепление международной солидарности рабоче-крестьянских масс, в) освещение достижений, трудностей и задач в области социалистического строительства в СССР и г) вовлечение широких трудящихся масс в дело осуществления постановлений XV партийного съезда и апрельского Пленума ЦК и ЦКК». При этом перед докладчиком ставилась задача «оттенить различие условий празднования Первого мая в СССР и в капиталистических странах» [35. Л.1].

Праздники, включенные в «Красный календарь», имели идеологическую детерминанту и являлись проводниками официальной идеологии. «Красный календарь» чутко реагировал на политические события, происходившие в стране: например, принятие Конституции СССР 1923 г. положило начало празднованию Дня Конституции, первоначально он проводился 6 июля – в «день, в который народы Союза оформили свое совместное свободное пребывание в Советском государстве» [27. Л.17]. Изменение в структуре «Красного календаря» проявлялись не только во включении новых праздников, но и в трансформации уже существующих, наделении их новым содержанием.

¹⁹ Е.А. Ермолин справедливо утверждал, что «первая задача власти в массовых акциях (к ним исследователь относил, главным образом, демонстрации и чистки – прим. авт.) – репрезентировать Учение [296. С.79].

Так, например, в 1919 г. День Красной армии был также объявлен Днем красного подарка с целью сбора средств на нужды красноармейцев [224; 225; 226; 234]. В 1923 г. Центральный комитет Международной организации помощи борцам революции (МОПР) объявил День Парижской коммуны (18 марта) своим праздником, что не могло не сказаться на особенностях празднования: прославление «подвига коммунаров» стало рассматриваться как повод еще раз напомнить о сложностях революционного времени, о необходимости сплочения перед угрозой со стороны врагов (в числе опасностей, грозивших делу революции, в 1920-х гг. традиционно назывались «белый террор», «фашистские зверства», «буржуазные палачи» [26. Л.424]), а также как способ собрать с населения средства для материальной помощи революционерам во всем мире. По задумке организаторов праздника каждый гражданин в этот день должен был задаться вопросом: «Что я сделал для облегчения участи десятков тысяч заключенных революционеров и их семей, брошенных буржуазией в тиски отчаяния и нужды?» [Там же].

Особенность «Красного календаря» проявлялась и в том, что советской властью был разрешен учет региональных особенностей при планировании торжеств. Как правило, в основе региональных праздников лежали события Гражданской войны: в Ярославле, например, 22 июля отмечался праздник, получивший название День ликвидации ярославского белогвардейского мятежа [Там же. Л.174].

Исследуя революционные празднества всех эпох, выделяя их характерные черты, Мона Озуф пришла к выводу, что после победы революции совершившие ее люди предполагали, что в новом мире «дни, похожие друг на друга, все до одного должны быть праздничные» [337. С.15], поскольку в нем нет места для конфликтов и конкуренции. Тем не менее, в потоке этих праздничных дней должны выделяться торжества «в память о некоем основополагающем событии, созидательном разрыве с прошлым, благодетельном крушении» [Там же]. Кроме того,

революционными праздниками могли считаться чествования героев и праздники природы (особенно связанные с сельскохозяйственным циклом). Все это в полной мере созвучно с представлениями власти о «Красном календаре» в Советской России.

Праздничные мероприятия, организованные в соответствии с «Красным календарем», вызывали интерес со стороны советской власти, поэтому она предпринимала попытки сбора и обобщения данных о проведенных праздниках. Николай Извеков одним из первых предложил не ограничиваться простым описанием советских праздников, не содержащим критического анализа, а применять научные подходы для их изучения. Н. Извеков выделил три основные проблемы при анализе празднеств: рабочие кадры, система учета и общее признание необходимости работы по изучению праздников [434. С.130]. Извеков справедливо отмечал, что советский праздник – явление новое, чуждое научному искусствоведению, «все еще живущему духом 19-го столетия» [Там же]. Унификация методов исследования должна была привести к четкой фиксации того, что было запланировано к проведению, а что воплощено на практике, реакции зрителей²⁰ и участников торжеств, что являлось бы помощью в подготовке последующих праздничных мероприятий. Таким образом, Извековым была поставлена задача проведения качественного анализа советских государственных празднеств, включавшего информацию как о финансировании мероприятий, количественных показателях (число демонстрантов, автомобилей, задействованных в постановках, лозунгов, «живых газет» и т.д.), о метеорологических данных, так и о настроении, царившем в день массового праздника.

Идеи, высказанные Н. Извековым, по большому счету не были новы: подобная информация содержалась в отчетах о реализованных на местах

²⁰ Извеков отмечал, что зритель праздника «резко отличается от «театрального» зрителя», поэтому с ним не должно связываться «представление о какой-то молчаливой массе, уставившейся глазами в одну точку»: зритель революционных празднеств включен в действие. Предполагалось установить, какой процент от жителей того или иного района участвует в демонстрации, какой является зрителем; установить социальный состав демонстрантов и тех, кто бойкотировал праздник. Данная информация называлась Извековым «самым ценным заключением» [Там же. С.137 – 138].

празднествах; тем не менее, стремление к унификации сбора данных о проводимых праздниках подтверждает не только процесс укрепления советской власти, но и подчеркивает ее неусыпный контроль над процедурой внедрения и популяризации «Красного календаря».

Праздники, входившие в «Красный календарь», были пронизаны пафосом разрыва со старыми праздничными традициями, который, с нашей точки зрения, ярче всего проявлялся в двух аспектах: провозглашении советской властью атеистической основы создаваемых праздников и в тесной связи новых праздников с зарождавшимся советским искусством. Для дальнейшего освещения становления советской праздничной парадигмы необходимо углубиться в упомянутые аспекты, поскольку именно они в значительной степени определили ее уникальность и позволили говорить о советских праздниках как о культурном феномене.

Антирелигиозный аспект советских праздников. Антирелигиозным аспектом предопределялись глубинные идеологические основы формирующейся праздничной культуры, поэтому исследование советских праздников первого послереволюционного десятилетия целесообразно начать с их акцентуации.

В первые годы своего существования советская власть вынуждена была включать религиозные праздники в число выходных дней; при этом на территориях, заселенных преимущественно мусульманским населением, проходили праздники, отличные от христианских и буддистских. В советский календарь официально были включены важнейшие религиозные даты, хотя и по новому стилю, что создавало дополнительные трудности в структурировании годового цикла.

По мере укрепления советской власти ряд религиозных праздников был исключен из числа нерабочих дней. Например, в Ярославской губернии с 1924 г. выходными днями перестали считаться следующие церковные праздники: Вознесение Господне, Духов день, Преображение, Успенье Пресвятой Богородицы; чтобы не лишать население законных дней отдыха,

вводились советские праздники, близкие по датам к отмененным: День Интернационала, День воспоминаний о расстреле рабочих ЯБМ, День ликвидации белогвардейского мятежа и добавлялся день к празднованию годовщины революции.

Создаваемый «Красный календарь» задумывался властью без религиозных празднеств, составляющих основу дореволюционного годового цикла: религиозность народа трактовалась как косность и невежество. Населению внушалось, что в основе советских праздников лежали конкретные исторические события и деяния реальных людей, в то время как религиозные торжества строились на тысячелетнем обмане Церковью верующих. Объясняя разницу новых революционных торжеств от религиозных, большевики утверждали, что церковные праздники – «символ покорности и смирения в ожидании награды на небесах за земные страдания», а советские – «символ организованной борьбы угнетенных с угнетателями» [17. Л.6].

Тем не менее, в первые месяцы существования советской власти большевики не решались на провокационные меры в борьбе за искоренение религиозных праздников, напротив, весной 1918 г. они были озабочены доставкой продовольствия к Пасхе. В Москве ради главного православного праздника происходила раздача окороков и колбас, доставленных из Сибири. В Ярославле было принято решение не останавливать работу мельниц ради празднования Первомая, с целью обеспечить население города и губернии мукой к Пасхе [212].

Большевики заимствовали из церковного обихода дефиниции праздников: так, Первомай 1918 г. был назван ими «Светлым праздником», как традиционно православные именуют религиозные торжества, а первая годовщина Октябрьской революции – Пролетарской Пасхой (большевики хотели подчеркнуть, что если Пасха является определяющим церковным праздником, то 7 ноября – главным светским праздником). Рождество 1919 г., объявленное большевиками крестьянским праздником, ознаменовалось

попыткой большевиков устроить праздник в деревне силами рабочих: «Какой бы труд не исполнял рабочий, - мы должны, мы обязаны для наших братьев-крестьян праздник Рождества организовать более радостно, чем когда-либо...» [174]. Организация религиозного праздника объяснялась тем, что Иисус Христос был первым социалистом, заповедовавшим старшему брату наставлять младшего: рабочие, чей культурный уровень и классовая сознательность высоко оценивались большевиками, призывались «служить ближнему своему» [Там же] в деле подготовки праздника.

По мере упрочнения позиций «Красного календаря» в связи с укреплением советской власти ужесточалась борьба с религией, широкое распространение в печати получил тезис об отмирании религиозных учений. В 1920 г. ученье Христа было объявлено «отжившим»: на смену ему власть пророчила ученье коммунизма и идею всеобщего братства народов [175; 193]. Религиозным праздникам не было места в советской праздничной культуре, поэтому во время церковных праздничных богослужений устраивались альтернативные мероприятия, например, посещение театра или экскурсии [23. Л.108].

На рубеже 1922-1923 гг. пресса освещала имевшую широкий размах борьбу с «примиренцами» в комсомоле и партии. «Примиренцем» называли того, кто был атеистом, но к религиозным праздникам относился как к красивым традициям, которые не мешают коммунистическому строительству. Журнал «Безбожник» давал отповедь приверженцам подобных взглядов, сравнивая следование традициям отцов и дедов с возвращением к обычаям первобытного общества, когда «предки жили в звериных норах и пещерах, питались человеческим мясом, прикрывали голое тело звериными шкурами, жили беспорядочными, стадными, групповыми семьями» [153. С.3].

Посещаемость антирелигиозных праздников нельзя трактовать как безусловную поддержку безбожников и отказ от религиозных устоев [453. С.166-168]: пораженное увиденным население проявляло вполне объяснимое

любопытство, но интерес не был идентичен одобрению мер и способов искоренения религии. Стоит согласиться с А.В. Баланцевым, сделавшим вывод, что от открытого выступления против антирелигиозных праздников население удержали ошеломление кощунственным поведением, смущение от собственного богоотступнического любопытства, слухи о возможных погромах и память о недавних репрессиях [495].

Весной-летом 1923 г. наметились тенденции к корректировке отношения советской власти к Церкви [471. С.27]. В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) признал: «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [64. С.115]. Несмотря на то, что организаторы праздника на местах давали высокую оценку таким формам антирелигиозной деятельности, им настоятельно рекомендовали ограничиться проведением демонстрации «с заранее подготовленными плакатами, подчеркивающими несовместимость религии и науки» [22. Л.53]. Планирование антирелигиозных мероприятий на все церковные праздники, «вплоть до Рождества Богородицы», было названо перегибами [Там же].

Борьба с мусульманскими религиозными праздниками проводилась более осторожно: подготовка к «комсомольскому байраму» была основательней, чем накануне антихристианских праздников. Участникам мероприятия объясняли происхождение человека и религии с научной точки зрения, указывали на противоречия шариата, на трагические вехи в истории религии. Провокационные меры по распространению атеистического мировоззрения среди мусульманского населения, такие как сожжение богов, были строжайше запрещены [24. Л.76].

Избрав тактику распространения научных знаний, призванных объяснить населению явления, которые раньше считались милостью или карой божьей, организаторы антирелигиозных праздников вернулись к практике публичных лекций, экскурсий, диспутов, популярных в начале 20-х

гг. и отрицающих демонстративное глумление над религиозными чувствами верующих. Советские агитаторы призваны были объяснить населению, что религия необходима лишь неграмотным, невежественным людям. «Комсомольская пасха» 1924 г. проводилась под лозунгом борьбы за новый быт и ликбез.

Комсомольцам вменялось в обязанность доказать населению, что священнослужители пользуются в корыстных целях безграмотностью народа, его верой в сверхъестественные силы и отсутствием знаний элементарных природных явлений²¹.

Однако практика публичных диспутов комсомольцев со священнослужителями не дала тех результатов, на которые рассчитывали большевики: плохо подготовленная молодежь, пытающаяся вести религиозные споры, была посрамлена церковнослужителями, осведомленными в вопросах теологии. Относительный успех имели только те антирелигиозные мероприятия, на которых освещались вопросы по землеустройству, лекции по агрономии и просветительские беседы врачей, направленные против знахарства и самолечения, но не было оскорбления религиозных чувств верующих²².

Советская власть с целью распространения атеистической праздничной культуры пыталась упрочить позиции «Красного календаря» в обществе главным образом в период религиозных праздников. Тем не менее, не все антирелигиозные акции были приурочены исключительно к церковным праздникам. Власть рассчитывала, что граждане со временем наполнят «Красный календарь» персонально значимыми праздниками, связанными с частной жизнью, например, свадьбой или рождением ребенка.

²¹ В журнале «Безбожник у станка» была опубликована частушка, советовавшая населению рассчитывать не на божественную помощь, а на достижения науки: «Плохо, поле не родит, / Не плошай, Ерема, / Не зови попа кадить, / Зови агронома» [154. С.20].

²² В помощь организаторам антирелигиозных мероприятий, часто проводимых во время церковных праздников, публиковались так называемые антирелигиозные сборники, содержащие материалы для громких чтот, инструкции по изготовлению костюмов, тезисы для докладчиков, статьи, описывавшие оригинальные мероприятия, проведенные на местах. Как правило, сборники выпускались накануне главных православных праздников – Рождества и Пасхи – и использовались для проведения мероприятий в рамках антирождественской и антипасхальной кампаний, инициируемых большевиками с целью «отхода от религиозного мировоззрения».

В дореволюционной праздничной культуре такие события традиционно сопровождалось религиозными обрядами, в первые годы существования советской власти создавались альтернативные светские праздники.

Праздник, получивший в «Красном календаре» название «Октябрины» или «Звездины» («революционные крестины») призван был заменить таинство крещения: предполагалось, что это будет первый в жизни советский праздник для рождавшихся граждан республики. Целью данного праздника был переход населения к атеистическому мировоззрению, к новаторским подходам в воспитании детей. Праздник Октябрин проходил под девизом отказа от использования святцев при выборе имени младенца; в моду входили революционные имена: Владилен (производное от Владимир Ленин), Пролетарка, Диамат (диалектический материализм), Кооперация, Ким (коммунистический интернационал молодежи).

Журнал «Безбожник» с первых лет существования Октябрин неоднократно обращался к их освещению, предвещая им широкое распространение и вытеснение ими церковного крещения в недалеком будущем. Для придания статьям об Октябринах большей убедительности, авторы ссылались на непонимание людьми старшего поколения отказа от религиозного обряда и красоты нового праздника. Октябрины трактовались как символ прекращения вмешательства РПЦ в дело воспитания детей, бывшего привычным для взрослого населения:

Ты, родитель, не серчай,

Внука Кимом величай.

Изменились времена,

Божья церковь не нужна [157. С.21].

Л.Д. Троцкий назвал Октябрины «несомненным шагом вперед» к новому быту, при этом он указывал, что «преувеличивать их значение никак не нужно, а тем менее допустимо бюрократизировать их» [147]. В 1924 г. в Ярославле обсуждался вопрос о «перегибах в устройении революционных крестин»: организаторам Октябрин вменялось в обязанность устраивать

праздник в честь появления нового члена общества, при этом запрету подвергалась практика принятия новорожденных в пионеры, комсомольцы, члены профсоюзов, в которой зачастую видели смысл нового праздника [22. Л.248].

В молодежной среде была актуальна проблема отказа от церковного венчания - получили распространение Красные свадьбы:

Без косматого попа

В длиннополой шубе

Будем свадьбу мы справлять

В комсомольском клубе [156. С.18].

В первые годы существования советской власти не отказывались от церковного таинства даже работники, занимающие ключевые посты: И. А. Бунин в 1919 г. описывал свадьбу милиционера, жившего с писателем в одном дворе: «Венчаться поехал в карете. Для пира привезли 40 бутылок вина... Сколько же оно стоит теперь, когда оно запрещено и его можно доставать только тайком?» [243. С.130].

«Красный календарь» должен был вытеснить религиозные праздники, поскольку последние, с точки зрения советской власти, основывались на психологии «раболепства и даже лакейской привязанности» [206]. В первое послереволюционное десятилетие советские идеологи последовательно развивали идею о том, что бывшим правящим классам были выгодны церковные торжества, поскольку они учили народ долготерпению, смирению, прощению. Особое негодование власти вызывал факт примирения буржуазии и рабочего класса на время религиозных праздников. Утверждалось, что религия была инструментом угнетения трудящегося населения, а священнослужители – проводниками буржуазной политики: «Если бы попы оставили свое занятие по умерщвлению и воскрешению бога, то буржуазия в два счета стащила бы этого картонного бога с картонных небес и бросила бы в сорный ящик, нерадивых попов разогнала бы, а новым велела сочинить более подходящего бога» [155. С.2].

Одним из частых публицистических приемов, используемых организаторами советских праздников для убеждения населения в преимуществе праздников, включенных в «Красный календарь», было упоминание «алкогольного дурмана», который назывался характерной чертой дореволюционных праздников: «При царском режиме буржуи и правительство были заинтересованы, чтобы при встрече какого-либо праздника рабочие были пьяны и были в вечной тьме, дабы этим самым затемнить классовое сознание рабочего класса и отвлечь его от культурной жизни...» [175].

Вытеснение дореволюционной культуры советской часто принимало форму ликвидации так называемых «пьяных праздников», к которым относились религиозные торжества: «Каждый такой праздник отмечается прежде всего громадной тратой средств на устройство праздничного обжорства и пьянства» [251. С.22].

Журнал «Безбожник», описывая «пьяную пасху» в городе, приводил данные о повышенной готовности работников здравоохранения и милиции. Такие меры были необходимы, поскольку после скудости пищи и длительного воздержания от распития алкогольных напитков, вызванных Великим постом, православные верующие приступали к праздничной трапезе, зачастую сопровождавшейся чрезмерным употреблением алкоголя²³.

Несомненно, что подготовка к Пасхе медиков заключалась, главным образом, в подготовке достаточного количества лекарств от желудочно-кишечных расстройств и обустройстве дополнительных мест в больнице; особенно много работы в праздничные дни было у хирургов и травматологов, которым приходилось излечивать людей после пьяных драк. По сообщениям советских пропагандистов, увеличивался объем работы и у «врачей по венерическим болезням, которые точно знают, что спустя положенное количество дней после воскресения христового к ним станут кучами являться

²³ Злоупотребление алкогольными напитками, в том числе и во время праздников, подробно исследовалось Н.Б. Лебиной, И.Б. Орловым [449; 467]

заразившиеся во время пасхального веселия больные сифилисом, гонореей и другими болезнями» [155. С.2].

В деревнях главным негативным последствием чрезмерного употребления алкоголя были пожары: «редкий год проходит в волости без сгоревших изб, а то и целых деревень» [Там же].

Атеистическая пропаганда достигала апогея в том случае, если праздник, включенный в «Красный календарь», совпадал с церковным; организовывались специальные кружки по подготовке так называемых низовых докладчиков и ораторов, целью которых была агитация за отказ от религии. Докладчики избирали оптимистичный тон сообщений, доказывая, что народ делает верный выбор в пользу участия в революционных торжествах, а не в церковных службах: «В этот день попы будут умышленно звонить в колокола, звать народ в церкви. Но рабочий класс, который сознает всю ложь религиозного дурмана, пойдет не в церковь, а на улицу пойдет с красными знаменами для того, чтобы показать международному капиталу свою силу...» [33. Л.46].

Несмотря на активную антицерковную пропаганду, масштабного снижения уровня религиозности населения не произошло, что не могло не волновать партийных работников. А.М. Коллонтай, озабоченная социальным составом верующих («... это не только спасающие души старики и старушки, не только отсталая часть рабочего класса – жены рабочих, не только наивные подростки, дети; нет, тут и бородатый рабочий, и красноармеец, и юноша пролетарского вида, и бойкая смышленная работница в платочке, лицо которой мелькает и на пятничных митингах» [80. С.251]), посещавших храмы, призывала к интенсификации разоблачения религии.

Коллонтай считала, что советской власти следует противостоять священнослужителям, заманивающим прихожан в храмы красивыми облачениями, искусным хоровым пением, ярким освещением, то есть тем, что с ее точки зрения до революции использовалось только по двенадцатым праздникам, а теперь нашло широкое применение в каждодневных

церковных службах [Там же]. Альтернативой празднично организованных богослужений могли служить «лекции по астрономии, философии, естествознанию, дарвинизму, монизму» [Там же. С.153], лекции, иллюстрированные опытами, кинематографическими снимками, «волшебным фонарем».

Распространение атеистической праздничной культуры встречало сопротивление, тем не менее антирелигиозная пропаганда приносила свои плоды: подрастало поколение, воспитанное воинственными безбожниками, отдающее предпочтение советской культуре. Целенаправленно искореняя традиционную культуру, власть призывала население отмечать революционные праздники, посвященные победам над классовыми врагами трудящихся и над силами природы. Ценностью новых праздников советская власть объявила то, что в их основе лежало поклонение не мифам, а реальным людям, пострадавшим за строительство коммунизма [21. Л.32]. Стремление адептов «Красного календаря» ликвидировать церковные праздники во многом стимулировало их творческую активность, поиск новации в организации торжеств, поскольку взамен религиозной праздничной культуре необходимо было создавать привлекательную советскую праздничную культуру.

Таким образом, поощряемая властью и во многом ей инициированная нетерпимость к религиозным праздникам служит причиной изрядной доли агрессии, присущей советским праздникам первого послереволюционного десятилетия. Для того, чтобы разрушить дореволюционную праздничную парадигму, жизнеспособность которой, несмотря на звучавшие заверения, не вызывает сомнений, требовался огромный энтузиазм населения, который власть пыталась поддерживать и, в некоторых случаях, даже искусственно возбуждать. Неслучайно организация праздников была вверена отделам агитации и пропаганды: догматическая часть праздников, представленная речами и докладами, изобиловала призывами к разрушению «старого мира»

путем отказа от религиозного мировоззрения [См., например, 22. Л.53; 24. Л.75; 35. Л.54].

Советская власть стремилась включить в «Красный календарь» систему праздников, отвергавшую «религиозный дурман», что повлияло на организацию ранних советских праздничных мероприятий. Однако самой властью признавался факт подражания церковной обрядности, повсеместно возникавший, поскольку новая светская (советская) обрядность только зарождалась, не было готовых шаблонов, а праздничные традиции только предстояло создать. Так, Л.Д. Троцкий в 1923 г. писал по этому поводу: «Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, ... уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их» [132].

В целом, сущность и тематику праздников, включенных в «Красный календарь», во многом обуславливала положенная в их основу нетерпимость к религии и, как следствие, к дореволюционным праздничным традициям. Антирелигиозный аспект оказал ключевое влияние на советские праздники первого послереволюционного десятилетия.

Искусство на службе у новой праздничной культуры. Как уже было отмечено выше, еще одним определяющим фактором распространения влияния «Красного календаря» нами признается тесная связь и взаимообусловленность праздников и искусства [456]. Принимая за аксиому необходимость трансформации структурообразующих элементов дореволюционной культуры, власть столкнулись с проблемой внедрения нового искусства [подробно об этом: 290; 418; 451], способного удовлетворить эстетические потребности населения.

Большинство населения страны, в связи с резким снижением уровня жизни, вызванного войнами и революциями начала XX в., могло прикоснуться к области искусства только во время праздника; вместе с тем,

как справедливо отмечали И.М. Бибикова и Н.И. Бабурина, первая половина 20-х гг. характеризовалась небывалым творческим подъемом: общество ставило перед работниками искусства новые цели, и они работали не за страх, а за совесть [262].

Советское изобразительное искусство достигло определенных успехов в оформлении праздничных площадок²⁴. Тем не менее эксперименты художников-новаторов далеко не всегда находили отклик и понимание со стороны празднующего народа.

Одним из важных направлений в изобразительном искусстве во время советских государственных праздников было создание образа положительного героя – примера для подражания. Как отметила Л.И. Акимова, советские художники, изображая «тех, кто всегда идет в авангарде, увлекает за собой вперед всех честных и преданных делу строительства коммунизма людей», никогда не возводили в ранг прекрасного «утонченность психического склада» [265. С.11]. Наиболее распространенным средством наглядной агитации во время праздников был плакат, обращенный к широким народным массам, зачастую не готовым к восприятию классического музейного искусства.

Для первых лет советской власти характерна организация масштабных театрализованных праздников [304]. Н.К. Крупская отмечала, что «в демонстрациях, процессиях – всюду, где выступала масса, было очень много естественной революционной театральности, которая с помощью искусства как резонатора, усиливающего все коммунистическое, все коллективистское, бодрое, все прекрасное, рождает новое образное, именно документально-художественное действие» [Цит. по: 475. С.228].

²⁴ Интересно проследить, как менялось мнение обывателя о праздничном украшательстве столицы, бывшей экспериментальной площадкой художников-декораторов. Н.П. Окунев в личном дневнике писал в мае 1918 г.: «Посмотрел я сегодня на ... первомайские «убранства», какая во всем безвкусица, видно, что тут поработали футуристы, друзья министра искусств А.В. Луначарского». Но Окуневым дана совершенно другая характеристика оформлению города к празднику первой годовщины Октябрьской революции: «... маленькие деревянные палаточки, в коих торгуют съестными припасами, каждая из них своим особенным неповторяющимся рисунком так весело, цветисто и оригинально раскрашена, что хочется поаплодировать тем художникам (хотя бы и футуристам)» [248. С.176, С.233].

К написанию сценария торжеств, постановке праздничных действий власть стремилась привлечь профессионалов – театральные деятели, поэтому после революции появлялось множество идей преобразования театра, долженствующих повлечь за собой коренные изменения в проведении торжеств [432].

Вс. Мейерхольд²⁵, «зажженный идеей Театрального Октября» [300. С.19], ставил целью переоценку всех театральных дореволюционных достижений, «преодоление гипноза мнимых традиций, прикрывающих собою неприятие новых форм, вредную косность, а зачастую и вражду к принципам коммунистического строительства» [Цит. по 308. С.34]. Театральный Октябрь призван был политизировать театр, поскольку Мейерхольд считал «... разговоры об аполитичности искусства абсурдными» [390. С.60]. На основе «подлинно марксистского подхода к искусству», с точки зрения Мейерхольда, должен был сформироваться пролетарский самодеятельный театр, говоривший языком народного балагана: «Будущий театр сложится из элементов физической культуры, радости, простоты, солнечности, отдачи и порывов к всеобщему братскому всемирному единению» [Цит. по 362. С.100]. Негативные оценки Театрального Октября были связаны, в первую очередь, с умалением заслуг профессиональных актеров, а также с неприятием реформаторской деятельности самого Мейерхольда. К.Л. Рудницкий считал, что «реальным воплощением Театрального Октября оказались только его (Мейерхольда) спектакли «Зори» и «Мистерия-Буфф» [Там же. С.259-260]. Движение Театральный Октябрь было свернуто, но еще долго прослеживалось в работах своего родоначальника и его последователей.

В. Керженцев, осмысливая проблему организации советских праздников, считал «исключительно заманчивой задачей» возрождение народных празднеств, ибо они в полной мере отвечали его видению нового

²⁵ Всеволод Мейерхольд был режиссером празднования первой годовщины Октябрьской революции: 7 ноября 1918 г. состоялась премьера спектакля «Мистерия Буфф» Маяковского.

театра, основанного на взаимосвязи разнородного комплекса искусств, являющихся синтезом «красочных волн с звуковыми, живописи с музыкой и пением, танца с декламацией, акробатических упражнений и хоровода, марионеток и тира, цирка и атлетики, балагана и митинга» [309. С.64]. Пестрота празднества должна была служить цели активизации толпы, способствовать включению каждого человека в определенный вид праздничной деятельности: при таком многообразии выбора каждый человек мог избрать способ празднования себе по душе.

Призывая возродить народные празднования, Керженцев делал существенную оговорку, что под словом «народные» он подразумевает пролетарские или крестьянские праздники, поскольку в годы острых социальных конфликтов и революционной борьбы «нелепо говорить о каких-то внеклассовых действиях и особенно о торжественных празднествах, объединяющих все слои и группы населения» [Там же. С.65].

Вяч. Иванов занял своеобразную и не до конца четкую позицию между двумя крайними взглядами на пути революционной культуры – между теми, кто пропагандировал совершенно новое пролетарское искусство, порывающее со всем культурным наследием, и теми, кто видел просвещение угнетенных классов в более широком насаждении прежде существовавших культурных форм [Подробно об этом: 408].

В использовании большевиками больших открытых площадок для празднования нашли отражение идеи Иванова о введении государственных хоров, исполняющих торжественные гимны по поводу официальных событий, которым требовались значительные пространства для создания динамичного зрелища. С точки зрения Иванова, толпа, вышедшая на открытое пространство, сливается в согласный хор. Вяч. Иванов разделял представления А.Н. Скрябина о том, что в новом действе не должно быть зрителей, а только участники. Под «соборностью», где исчезает пассивность народа, Иванов подразумевал равно физическое и духовное единение людей.

Р. Берд считал, что Иванов предвосхитил не только развитие народных празднеств в начале 1920-х гг., но и их превращение в официальные парады с четкой и predetermined идеологической нагрузкой [Там же].

В полемику с Вяч. Ивановым вступил А.В. Луначарский, считавший, что «никак нельзя ждать, чтобы толпа сама по себе могла создать что-нибудь, кроме веселого шума и пестрого колебания празднично разодетых людей» [Цит. по 408]. Первостепенной задачей Луначарский считал не номинальное объединение людей, а воспитание зрителя, его подготовку к восприятию советских торжеств. Празднества, даже будучи зрелищами традиционного типа, являлись воплощением мировоззренческих, социокультурных и эвристических начал складывающейся советской культуры, поэтому их главной целью, с точки зрения Луначарского, была трансляция большевистских идей. Праздник – «школа под открытым небом» - являлся средством политической пропаганды и агитации. Зрители, как и участники торжественных мероприятий, на революционных празднествах приучались, как считал Луначарский, к соблюдению определенного порядка и ритма. Таким образом, Луначарский критиковал не первые советские празднества, в организации которых принимал участие Вяч. Иванов, а «расплывчатый коллективизм» [129. С.265], под которым понималось бездумное предоставление массам творческой свободы.

Н.Н. Евреинов – известный театральный режиссер и теоретик нового искусства – видел развитие праздника в ином ключе: он полагал необходимым добиться такого эффекта, при котором, несмотря на вовлечение в праздник огромного количества людей, каждый будет получать отклик в своем сердце. Евреинов развивал идею «кинетофона», позволяющего для каждого зрителя создать «свой собственный театр»: главенствующей для Евреинова оставалась зрелищность, зачастую подразумевавшая пассивное восприятие ее зрителем, абсолютную отрешенность зрителя от действия [295. С.295].

Развернувшиеся в первые послереволюционные годы дискуссии о преобразовании театра, поиск наиболее эффективных способов эмоционального воздействия на зрителя и попытки выявить оптимальные формы празднования объяснялись не только тем, что общество ставило перед театром новые задачи, но и небывалым творческим подъемом: именно им во многом определялись праздники, вошедшие в «Красный календарь». Относительная свобода творчества, продолжавшаяся непродолжительное время [Подробно об этом: 252], способствовала претворению в жизнь грандиозных массовых празднеств, зрелищная часть которых была основана на синтезе театрального, музыкального, изобразительного искусств.

Организаторы советских праздников первого послереволюционного десятилетия уделяли особое внимание самодеятельному творчеству народных масс, поскольку оно идеально укладывалось в тезис большевиков о доступности культуры для широких кругов населения. Уже в 1919 г. лестные отзывы в центральной прессе получили самодеятельные «концерты, носившие домашний характер, - «кто во что горазд» - без нарочитой подготовки», организуемые по случаю праздников [223]. Поощрялись спектакли любительских трупп на революционную тематику, несложные в постановке пьесы печатались в брошюрах, газетах. В качестве альтернативы театральным постановкам предлагались так называемые «живые картины». Однако нельзя не согласиться с выводом Э.М. Кустовой о том, что самодеятельности «отводилось все более узкая и утилитарная роль, сводимая к функции вспомогательного средства и так же предполагающая тщательное планирование и контроль» [447].

Ш. Плаггенборг отмечал, что праздники «можно назвать высшей формой репрезентации культуры, так как при их проведении соединяются в одно целое, в ансамбль разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировки» [344. С.64]. Власть, мыслившая праздничное искусство как один из способов советизации страны, стремилась обеспечить высокую посещаемость устраиваемых мероприятий: с этой целью была

организована работа передвижных агитбригад, отвечавших за бодрый темп и ритм советских праздников.

Одним из результатов социокультурных новаций революции и советской власти в области вводимых празднеств было то, что государство стало возлагать надежды на организующую и мобилизующую роль искусства, низведенного до института политики и призванного сплотить массы вокруг вождей и постулатов идеологии: искусство было поставлено на службу новой праздничной культуре.

Дифференцированное использование советской властью функций праздников. Два основополагающих аспекта советских праздников первого послереволюционного десятилетия – антирелигиозная основа и тесная связь новых праздников с искусством – во многом определили их функции.

Так, эстетическая функция праздника была приравнена к агитационно-пропагандистской, сведена большевиками к специальному государственному заказу в области искусства. Художник Юрий Анненков считал, что большинство ленинского партийного окружения, «не отличавшегося интеллектуальными качествами», сводило культуру «к вульгарному реализму «верного отображения советской действительности» [268. С.62]. По мнению Анненкова, непродуманное отношение к культурным реалиям во многом определялось отношением Ленина к искусству. Анненков вспоминал слова Ленина, высказанные во время сеанса (художник рисовал портрет Ленина): «... искусство для меня это ... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его – дзык, дзык! вырежем» [Там же. С.269].

Несомненно, что среди деятелей искусства, разделявших идеологию большевиков, были талантливые и одаренные люди, но контроль со стороны власти и директивные указы о том, каким должен быть итог их творчества, привели к искажению эстетической праздничности.

Отрицание дореволюционной культуры, имевшей в основе религиозное мировоззрение, имело последствием не только создание не имевшего

прецедентов праздничного искусства, но и утрату, сознательное разрушение культурных памятников прежних поколений. Д.С. Лихачев, бывший современником первых шагов большевиков в культурной политике, свидетелем расцвета и упадка советской культуры, сожалел о непродуманном отношении к народному искусству. Он считал, что все «праздники, все обычаи, все правила поведения создают единое искусство; каждый предмет, каждая песнь, выхваченная из обряда и быта, теряет наполовину значимость и красоту» [320. С.247]. Мы можем предположить, что верно и обратное утверждение: насильно внедренное праздничное искусство не могло быть органичным для народа, привыкшего видеть опору в дореволюционных традициях.

По замыслу власти, праздники должны были стать своеобразной «школой под открытым небом», в этом виделось их главное предназначение, поэтому суть и облик государственных праздников определяли, помимо эстетической, идеологическая и воспитательная функции.

Власть стремилась к тому, чтобы «Красный календарь» отражал изменения, происходившие в послереволюционном обществе; праздники являлись своеобразной площадкой для трансляции идей, изменения в политике находили в них отражение.

Примером того, как идеологическая и воспитательная функции превращают праздник в «школу под открытым небом» является праздник по случаю годовщины Октябрьской революции в 1921 г., использованный властью для объяснения сущности НЭПа и популяризации его идеи. Обращение к рабочим, крестьянам и красноармейцам, выпущенное накануне праздника, было построено в форме развернутых, идеологически четких ответов на заблуждения и жалобы обывателей. Доказывалось, что «Октябрьская революция – дело мозолистых рук всех рабочих и крестьян России», поэтому неуместно «винить под влиянием тяжелой повседневной нужды за Октябрьский переворот коммунистическую Партию», поскольку «все были участниками Красного Октября» [15. Л.43]. На стенание «... не

легче от того, что все вместе дураками были, и мы, и коммунисты глупость сделали, а теперь, когда жрать нечего, раскаиваемся, да поздно», следовал ответ, что, не произойди Октябрьская революция, голод принял бы еще большие масштабы, поскольку Россия стала бы колонией Западных держав [Там же]. Как пример неустанной заботы советской власти об улучшении экономической обстановки в стране показан переход к НЭПу, при этом власть старалась создать видимость того, что НЭП, несмотря на кажущуюся очевидность, – «это не полный отказ от лозунгов Октябрьской революции, ... заветы Красного Октября не забыты», звучал призыв рабочим и крестьянам «новую экономическую политику ... проводить в жизнь, бороться на фронте труда так же героически, как на баррикадах в октябре 17-го» [Там же].

Акцентуация внимания на идеологической и воспитательной функциях праздников, возложенные на них властью ожидания скорого изменения праздничной культуры в целом, характерные для первого послереволюционного десятилетия, позволяют нам считать советские праздники этого периода исключительным культурным явлением.

Советская власть пыталась оказывать влияние и на другие функции праздников, особенно остро стоял вопрос с привлечением населения к создаваемым празднествам, то есть с использованием интегративной функции. В первые послереволюционные годы понятие праздничного времени имело двойственное значение: праздник был слит с современностью, то есть с настоящим временем, одновременно он был связан и с будущим. Праздники должны были являться прообразом нового мира с царившими в нем довольством, радостью, стабильностью, официальные праздники, изображая реальность, которую еще предстояло создать, приоткрывали дверь в новый мир, однако обещанное светлое будущее предназначалось не для всех.

Интегративная функция праздников использовалась организаторами ограниченно: устраиваемые праздники не выражали всеобщности интересов, право на радость получали лишь избранные. Советская власть сознательно

ограждала доступ к своим праздникам: находя в раздражении своих противников лишней повод для острот и веселья, она стремились не допускать на торжества так называемых «лишенцев», то есть людей, обвиняемых в неприятии революции, за которыми не признавали прав и свобод (не только многочисленных заключенных, но и, например, священнослужителей, кулаков). «Лишними» на праздниках были и те категории населения, которые могли смутить обывателя и не вписывались в создаваемую картину всеобщего ликования (асоциальные личности, проститутки, калеки, беспризорники, попрошайки, то есть те, кто вызывал неприязнь или жалость и сбивал праздную толпу с бодрого ритма).

Вместе с тем праздники служили средством популяризации советской идеологии среди тех граждан, которые не определились в своих политических предпочтениях, были аполитичны: транслируя революционные ценности, праздники служили делу советизации населения. Эффект идеализации революции, наблюдавшийся во время официальных праздников, создавал необходимое для борьбы со старыми социокультурными традициями народное единство.

Тяготение к массовости сочеталось со стремлением к упорядоченности. Считалось, что праздник – своеобразное общественно-ритуальное действо [413. С.210], поэтому он должен оказывать дисциплинирующее воздействие на участников: каждый должен следовать роли, отведенной ему в ходе праздника.

Случаи принуждения населения к участию в революционных праздничных мероприятиях (Н.П. Окунев так описывал способы формирования праздничной толпы: «Приказано не торговать, не учиться, не работать, а идти на Красную площадь», результатом чего выступает «хоть подневольный, но всенародный праздник» [248. С.109, 175]), очевидно, имели место в том случае, когда власть была уверена в своих силах противостоять возможному недовольству со стороны участников торжеств. Такое принуждение может быть рассмотрено как попытка привлечения

новых adeptов революционной культуры, «выкованных» из аморфной и недружелюбной массы, поскольку праздник был способен сплотить участников, создать единое праздничное пространство, настроение, не оставляя никого равнодушным. В этом случае праздник приводил к увеличению общественной поддержки власти.

Советские праздники несли в себе заряд огромной разрушительной силы в отношении дореволюционных порядков, поэтому они не были приняты той частью населения, которая с болью переживала ломку традиций и устоев. В обстановке нестабильности политической власти, враждебности со стороны значительной части населения, большевики встали на путь защиты своей праздничной культуры, поэтому открытые, явные приверженцы дореволюционной культуры изгонялись из праздничного сообщества.

Таким образом, мы можем говорить о стремлении власти к упорядоченной массовости, которая бы не таила в себе угрозы для вводимых в обиход новых праздников.

Стремление к контролю над обществом со стороны власти привело к утрате советскими праздниками истинного игрового начала, что негативно отразилось на игровой функции праздников: включение игры в сценарий празднества осуществлялось при условии крайней примитивизации ее правил. В революционных праздниках не было предусмотрено места для игровой импровизации²⁶: организаторы озаботились тем, чтобы каждый участник четко осознавал свою роль в празднике и дисциплинированно выполнял возложенные на него праздничные обязанности, поэтому приоритет отдавался спортивным играм с оговоренными правилами²⁷.

²⁶ Мы согласны с Ф. Хайеком, объяснявшим это тем, что при коммунистической власти «... спонтанность или непроясненность задач нежелательны, так как они могут привести к непредвиденным результатам, противоречащим плану» [389. С.163]

²⁷ По свидетельству Б. Бажанова (в 1923 г. - личный секретарь Сталина), сразу после Октябрьской революции «физическая культура понималась как какое-то полезное для здоровья трудящихся масс и для их дрессировки, почти обязательно массовое и скопом производимое размахивание руками и ногами..., от физкультурной скучищи дохли мухи». Бажанов ставит себе в заслугу, что он сумел разглядеть то, что делает физкультуру яркой и интересной, а именно ее соревновательную составляющую. Поэтому был совершен переход от физкультуры к спорту. Бажанов удовлетворенно отмечал: «Дело двинулось быстро, клубы росли,

Основной объем негативных характеристик советских праздников связан именно с утратой первоначального – «природного» в терминологии И.Н. Лавриковой [448. С.192] – смысла, который неразрывно связан с искренней радостью, порожденной игрой. Праздничную игру советская власть заменила зрелищностью и театральностью, но эта замена не была равноценной.

Организаторы советских праздников осознавали проблему утраты истинной стихийной праздничности, но полагали возможным научить людей радоваться, не выходя за рамки дозволенного. Советская власть называла свои праздники принципиально новыми не только с точки зрения лежащих в их основе поводов, но и с точки зрения практического воплощения: считалось, что сознательность участников праздников будет неуклонно возрастать, если установить четкий регламент торжеств, исключить неуместные проявления творческой созидательной энергии и выработать отношение к празднику не только как ко дню отдыха, но и как к обязанности продемонстрировать сплоченность народа под знаменами партии.

Сознательное отношение к праздникам, участие в становлении канонов торжеств должны были исключить чрезмерность в проявлении праздничных чувств, победить такие неприглядные стороны празднеств как распитие алкоголя, пьяные драки; подразумевалось, что общение во время советских праздников будет основано на взаимном уважении: коммуникативная функция праздников также держалась властью под контролем.

С целью снятия социального напряжения организаторы советских праздников активно использовали метод проективной разрядки, понятный даже малограмотным людям. Праздники редко обходились без упоминания «врагов революции», на которых перекладывалась ответственность за неудачи и просчеты советской власти; например, в 1918 г. во время празднования Дня свержения самодержавия статья в «Правде» так описывала

массы с энтузиазмом увлекались спортом. Летом 1924 года была устроена первая всероссийская Олимпиада (по легкой атлетике), которая прошла с большим успехом» [242. С.78].

поведение контрреволюционеров в этот день: «Притаились, гады, строят козни, выжидают удобный момент, чтобы напасть на Советскую Русь, нанести ей удар в спину, свалить ее и начать свой дикий танец на трупе великой русской революции» [221]. «Известия Ярославского губернского военно-революционного комитета», описывая праздник Красной Армии в 1918 г., с радостью отмечали, что на митинге не выступало «ни одного меньшевика, ни одного эсера» [162], поскольку «предателям» пришлось бы «со стыдом и позором» уйти с советского праздника [Там же].

Грозя противникам отмщением, организаторы устраивали зрелищные расправы над портретами и изображениями своих политических и идейных противников: сжигание царских портретов, разрыв на части «Колчака» и «Врангеля», «буржуев», «нэпманов»²⁸ и «попов» должны были не только помочь участникам праздника «выпустить пар», но и выступали средством запугивания и подчинения. Свои праздники власть называла смотром строя людей, принявших революцию, грозной силой, способной дать отпор внешними и внутренними врагам.

Использование властью компенсаторной функции советских праздников изучал Ханс Гюнтер, опиравшийся на теорию архетипов К.-Г. Юнга: выводы, к которым пришел исследователь, кажутся нам убедительными. Гюнтер проследил формирование в глубинной структуре советской культуры 20-30-х гг. так называемой Большой семьи, состоящей из архетипов «отца» (вождя), «Родины-матери» и героических «сыновей и дочерей», а архетип врага воплощал непрерывную угрозу счастливому существованию Большой семьи [423. С.743-784]. Гюнтер находил признаки паранойи партийного руководства в основе сложившихся к началу 30-х гг. клише о врагах [Там же].

В процессе становления советской праздничной культуры мы можем выделить три стадии. Уже к окончанию Гражданской войны сложился канон

²⁸ Отношение власти и обывателей к нэпманам подробно исследуются И.Б. Орловым [338; 466]: в указанных работах затрагиваются аспекты как участия нэпманов в официальных празднествах, так и конструирования образа нэпмана как врага революции.

государственных праздников, который в практически неизменном виде будет сохранен до распада Советского Союза [435]. Фаза большевизации культуры, ставшая возможной с наступлением относительного порядка и организации жизни, характеризовалась стремлением власти к стандартизации праздничных практик и началом экспансии советской праздничной культуры. К концу 20-х гг. под лозунгом консолидации культурных сил советской властью сворачивается самостоятельная культурная деятельность на местах, что не могло не отразиться на организации торжеств, отныне лишенных даже весьма ограниченного плюрализма. Стадия огосударствления праздничной культуры, начавшаяся в ходе подготовки к десятилетнему юбилею советской власти, определялась ужесточением контроля над торжествами со стороны партии, а также стремлением в короткие сроки установить одобренные властью праздники на тех территориях, где их влияние было еще слабо.

Несмотря на критику и недовольство значительной части населения, усилиями власти была создана новая советская культурная парадигма, основанная на атеистическом мировоззрении, отличающаяся чрезмерной идеологизацией и стремлением к искоренению альтернативных культурных явлений. Праздники, созданные в первое послереволюционное десятилетие, предопределили дальнейшее развитие праздничной культуры в СССР, их основополагающие элементы оказали значительное влияние на государственные торжества в странах социалистического лагеря, и даже после распада СССР, несмотря на глубинные политические преобразования, в России наблюдалась устойчивость советских праздничных традиций, интегрировавшихся в новый официальный канон праздников [Подробно об этом 433; 436; 438; 446].

Выводы по главе 1. Рассмотрев праздник как социокультурный феномен, можно сделать следующие выводы:

1. В социально-культурной жизни любого народа праздник – особый период, уходящий своими корнями в сферу сакрального, неразрывно связанный с формированием представлений о течении времени: праздничные

даты являются важными вехами в жизненном цикле как отдельного человека, так и народа. Уникальность праздника как социокультурного феномена во многом определяется тем, что, с одной стороны, праздник – это время удовольствий, изобилия, отдыха, веселья, а с другой – бездумной расточительности, снятия моральных запретов, грубых шуток, оргий.

2. Праздник всегда был включен в сферу интересов власти, однако попытки поставить праздник в подчинение идеологии приводят к утрате истиной праздничности. Власть стремится интегративную, идеологическую, воспитательную, коммуникативную, эстетическую, игровую, рекреативно-оздоровительную и компенсаторную функцию праздника для упрочнения своего положения и легитимизации в обществе. Взаимообусловленность функций праздника позволяет анализировать его как комплексное явление культуры. Общество не отказывается от праздников, несмотря на то, что с конца XIX в. отмечается кризисное состояние и утрата истинной праздничности.

3. Формирование «Красного календаря» положило начало активным поискам идейного содержания праздников, призванных упрочить советскую власть. Разрушение традиционной праздничной культуры было предопределено не столько введением новой революционной символики и атрибутики, сколько чрезмерным контролем советской власти за проводимыми торжествами. Отношение власти к празднику определялось, с одной стороны, стремлением создать качественно новые формы праздника, что подтверждается многочисленными праздничными новациями первого послереволюционного десятилетия и их взаимосвязью с искусством. С другой стороны, попытки власти задавать вектор развития праздничной культуры ставили праздник в крайне зависимое положение от идеологии, вели к утрате многообразия функций праздника, его одностороннему развитию.

4. Советские праздники назывались властью высшими проявлениями социокультурных достижений; вместе с тем власть искала возможность

скрыть за праздниками страшную реальность. Мы согласны с Д. Рейли, считавшим, что это удавалось сделать за счет популистских методов, к которым он отнес организацию «незамысловатых развлечений в сочетании с бесплатными угощениями, а то и амнистию дезертиров и уголовников» [474]. Искоренение консервативных дореволюционных ценностей, ломка устоев, которые поддерживались большинством населения, насаждение атеизма привели к неоднозначному отношению современников к советским праздникам. Негативную оценку получало выставление на показ социокультурных достижений, признаваемых советским народом сомнительными, нежелание организаторов праздников прислушиваться к желаниям населения. Вместе с тем, советской власти за первое послереволюционное десятилетие во многом удалось создать новую праздничную парадигму, оказывающую влияние и на современный праздничный ландшафт.

Глава 2. Традиции и новации в организации советских праздников первого послереволюционного десятилетия

В праздничной культуре всегда находили отражение изменения, происходившие в общественно-политической, социально-экономической, культурной и религиозной сферах жизни общества, преломлялся социально-исторический опыт поколений. Важной частью культуры неизменно являлись государственные праздники, в которых апробировались все праздничные новации. Целью данной главы является выявление традиционных и инновационных элементов советских празднеств; анализ социально-культурных и экономических условий организации советских праздников; выявление особенностей подготовки и проведения праздников для женщин, детей и деревенских жителей.

2.1. Праздники в контексте становления и укрепления советской власти

Устраиваемые советской властью первые праздничные мероприятия призваны были вовлечь население в создаваемую социокультурную среду, помочь осознать новые функции и роли. Праздники способствовали стимулированию творческой активности населения, создавали устойчивый позитивно-эмоциональный эффект нововведений. Новая власть, понимая значимость праздников, использовала их для укрепления своих позиций как в столице, так и в провинции [444. С.44-48].

Установление советской власти в Ярославской губернии встретило серьезное сопротивление. Ярославское восстание (в советской историографии – Ярославский белогвардейский мятеж) – одно из наиболее масштабных и организованных выступлений против советской власти – трагическая страница в истории города. Одним из способов преодоления враждебности населения власть мыслила устройство в губернии новых

революционных торжеств, которые призваны были преодолеть недоверие к ней и консолидировать общество вокруг нее. Поэтому, несмотря на разруху и нищету, являвшиеся следствием подавления мятежа, в Ярославле проводились все без исключения советские праздники, что и в столице²⁹.

В Ярославской губернии за подготовку праздников был ответственен Отдел агитации и пропаганды (агитпроп) губернского исполнительного комитета: создавалась так называемая Праздничная комиссия, которая в свою очередь делилась на три секции (иногда они именовались «подкомиссии») – организационную, агитационную и художественную. Организационной секцией разрабатывался сценарий праздника и осуществлялась общая координация сил, задействованных в подготовке праздников; агитационной секцией подготавливались тексты докладов, звучавших во время праздничных мероприятий, а также курировались статьи в региональных периодических изданиях, посвященные устраиваемым праздникам. Художественная секция была ответственна за праздничное оформление, украшение улиц и площадей, выпуск плакатов, кроме того, в ведение секции на время праздника поступали все театры и кинотеатры губернии; данная секция иногда носила название «удовольственной», поскольку отвечала за неофициальную часть праздников, наступавшую после демонстраций и митингов, и знаменовавшую собой праздничный отдых и развлечения [1. Л.2-3; 167; 164; 166; 167; 168; 187; 190].

Неприятие частью населения советских празднеств было вызвано, с одной стороны, отрицанием ценностей, лежащих в их основе, а с другой – недостаточной осведомленностью о событиях, положенных в основу революционных праздников. Для преодоления этих сложностей

²⁹ Еще в начале 20-х гг. в отчетах агитационного отдела Ярославского губкома затруднения, препятствовавшие «выполнению боевых заданий», под которыми в данном случае подразумевалось проведение митингов, в том числе и по поводу праздничных дат, объяснялись «вечной заботой о куске хлеба и пуде картошки»: организаторы хотели снять с себя ответственность за «вялое» отношение ярославцев к некоторым проводимым праздничным мероприятиям, «далеко не нормально состоявшимся», пояснив, что зачастую приоритетным был вопрос об обеспечении удовлетворительных условий жизни, поэтому «оторвать их (жителей губернии – *примеч. авт.*) от горячей работы невозможно, даже для воспитательных целей [13. Л.8]. Решено было бороться с таким положением вещей путем более тщательной подготовки и организации революционных праздников [14. Л.5].

агитационно-пропагандистским отделом к организации праздников привлекалась широкая сеть государственных организаций и учреждений, способных придать празднествам должный масштаб (например, задумав грандиозное празднование десятилетия Октябрьской революции, ярославский агитпроп задействовал к его подготовке «все политические и культпросвет организации»: Истпарт³⁰, Комсомол, Отделы народного образования (губернский, уездный и городской), профсоюзные организации под началом Профсоюзного бюро, клубных работников, редакции газет, ярославское отделение Государственного издательства, губернские и уездные отделы работниц и крестьянок, кооперативные организации, армейское командование, при этом ответственность «за несвоевременную или слабую подготовительную работу» возлагалась на лица, возглавлявших названные учреждения [35. Л.20]). Активное использование методов пропаганды и тесная связь с идеологией способствовали тому, что во время торжеств формировался положительный образ новой власти и ее начинаний.

Основные опасения ярославских устроителей праздников в первые послереволюционные годы были связаны с обеспечением порядка и недопущением выступлений противников советской власти, которых в губернии было немало, поскольку режим не являлся прочным. С целью предотвращения возможных контрреволюционных актов в день первого советского праздника газеты поместили не только разъяснение о мире и добре, которые несет Первомай, но и предостережения тем, кто попытается нарушить запланированный ход праздника: «Великий праздник 1 мая есть праздник трудового народа, праздник красоты и мира, а потому все граждане призываются к спокойствию, точному исполнению распоряжений советской власти. Всякие контр-революционные призывы, провокаторские выстрелы или попытки к погрому будут сурово преследоваться и беспощадно подавляться...» [212].

³⁰ Истпарт – комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

Невзирая на все трудности подготовки праздников организаторы стремились создать яркое, динамичное, запоминающееся действо.

Особое беспокойство организаторов первых послереволюционных празднеств вызывал поиск специалистов по оформлению убранства города; желающим принять участие в украшении советских учреждений гарантировалось вознаграждение. Часть расходов по украшению города в ознаменование Первомая 1918 г. жителям Ярославля пришлось взять на себя, так как Постановлением Губернского Исполнительного Комитета на пленарном заседании 25 апреля владельцам домов вменялось в обязанность «приобрести и вывесить флаги, утвержденные Центральной Советской властью, а именно красные флаги с надписью “Российская Федеративная Социалистическая Советская Республика”», при этом «3-этажные дома вывешивают 5 флагов, 2-этажные каменные – по 3 флага, 2-этажные деревянные – по 2 флага, 1-этажные каменные – 1 флаг, величиной не менее 3-х аршин в каждом флаге» [166].

В 1926 г. на праздничное первомайское оформление губернской праздничной комиссией было выделено достаточно средств, чтобы «украсить следующие здания: фабрики, заводы, государственные и кооперативные предприятия и учреждения, магазины кооперативов, учебные заведения и школы, театры, кинотеатры, Дома Советов, Дома Союзов и Дворцы Труда, пожарные депо и больницы», при этом декораторов просили не ограничиваться флагами и лозунгами, а использовать «портреты вождей, звезды и цветные лампочки» [33. Л.55].

В Ярославле членами художественной праздничной секции в ряде случаев использовался такой прием: улицы и площади города, после необходимых оформительских работ, становились декорациями определенного исторического периода, а горожане, следуя оговоренному маршруту, могли совершить своеобразное путешествие во времени, перенестись из одной эпохи в другую. Так, празднование девятисотлетнего

юбилея Ярославля, проводимое в 1924 г.,³¹ было организовано, в духе времени, на основе сопоставления трех исторических периодов развития города: феодального, капиталистического и советского [30. Л.2], а в честь десятилетия Октябрьской революции «город своим украшением отражал следующие периоды: а) июльские дни 1917 года, б) Октябрь 1917 года, в) период гражданской войны, г) период НЭПа, д) 10 лет Октябрьской революции» [40. Л.11].

В Рыбинске празднования крупных государственных праздников проходили перед зданием биржи – одной из красивейших построек города. С 1914 г. рядом с биржей стоял памятник Александру II, однако после декрета СНК «О памятниках Республики»³² от 12 апреля 1918 г. он был демонтирован, а оставшийся после демонтажа скульптуры царя постамент активно использовался оформителями советских праздников. Например, по случаю празднования 1 мая его увенчали вазой с зелеными ветвями, помимо этого, сам постамент был декорирован венками из зелени и красной материей. В начале 1920-х гг. на постаменте была установлена скульптура «серп и молот», и в честь праздника 1 мая 1921 г. ее также украсили зеленью, что, с нашей точки зрения, не только не улучшило ее эстетический облик, но и придало всей композиции несколько неряшливый вид [Приложение 1; Приложение 2]. Подобным образом украшалась по случаю праздников и пятиконечная звезда, сменившая на постаменте серп и молот.

Созданные за короткий промежуток времени памятники революционным деятелям выступали определяющими ориентирами праздничного ландшафта городов начала 20-х гг. Например, уже в 1918 г. у здания отдела народного образования в городе Пошехонье-Володарск был установлен бюст А.В. Луначарского работы Н. Тальянцева, в День советской

³¹ Тысячелетие Ярославля отмечалось в 2010 г.

³² Декрет, появившийся в середине апреля 1918 г., инициировал подготовку к празднованию 1 мая, поскольку вопрос о праздничном виде населенных пунктов рассматривался руководством страны на высшем уровне, в частности, праздничным комиссиям поручалось «спешно подготовить декорирование» городов. Предельно ясно высказывалось «желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы» (под ними подразумевались «памятники царям и их слугам») [62. С. 55; подробно об этом - 441].

пропаганды 1919 г. праздничный митинг проводился именно у этого памятника [Приложение 3].

По мере укрепления советской власти, небрежность в праздничном оформлении стала караться: работники агитационно-пропагандистского отдела следили за тем, чтобы украшения соответствовали тематике праздника, были аккуратно выполнены. Например, в 1927 г. строгий выговор был объявлен работникам клуба им. III Интернационала «за плохо организованную декоративную работу: сцена представляла старую декорацию – два старых стола, накрытых какой-то зеленой «тряпкой» [40. Л.4], что портило впечатление от празднования юбилея революции.

Кульминацией новых государственных праздников считались демонстрация и митинг. Со времени первой русской революции 1905 года демонстрация воспринималась населением как протестное шествие, однако большевики сумели придать ей иной смысл: предполагалось, что властями будет осуществлен смотр сил пролетариата и солидарного с ним крестьянства. Самым торжественным моментом называлось прохождение демонстрантов мимо трибуны с первыми лицами государства, когда акт единения народа с властью достигал своей кульминации. Демонстрация сочетала в себе черты крестного хода и военного парада: можно согласиться с А. Байбуриным и А. Пиир, объяснявшими это своеобразной «привычкой к массовым шествиям и воспитанной многими поколениями готовности принимать в них участие» [406. С.242]. Из практики военных парадов были заимствованы не только лексика (сборный пункт, маршрут движения, марш, строй), но и принципы организации демонстрации (построение, движение колоннами) [491. С.208].

Придать торжественность демонстрации, еще раз подчеркнуть суть праздника должны были лозунги, под которыми шагали демонстранты. На любом празднике обязательно присутствовали лозунги-здравницы, прославляющие партийных лидеров (в первые годы особенным почетом пользовались Ленин и Троцкий, по мере укрепления властных позиций

Сталина его имя все чаще встречается в лозунгах) и новые органы власти – Советы; лозунги-приветствия иностранного пролетариата, мировой революции. Лозунги-призывы менялись в зависимости от праздничного повода: в международный день работниц они звали женщин на борьбу со старым бытом, в котором они якобы занимали угнетенное положение; в день Красной Армии организовывался набор добровольцев; в день годовщины революции лозунги призывали теснее сплотить ряды в борьбе за завоевания Октября. В годы Гражданской войны атрибутом праздника был лозунг-поддержка красного движения, например «Под Красное Советское знамя против черного знамени Колчака, генералов, капиталистов, помещиков» [227].

Бравурный тон лозунгов и праздничных отчетов, касавшихся экономического положения страны, использовался организаторами для освещения успехов, однако чем ближе приближалось время десятилетнего юбилея советской власти, тем радужнее обрисовались перспективы государства. Например, в 1926 г. утверждалось, что «транспорт, промышленность, сельское хозяйство, банковский оборот почти достигли довоенного уровня» [33. Л.13], а 7 ноября 1927 г. было объявлено, что данный уровень превзойден и перед страной стоит новая задача – «догнать и перегнать богатейшие страны капиталистического мира» [35. Л.19].

Тем не менее, даже самые оптимистичные праздничные лозунги не могли скрыть суровой действительности, поэтому большевики, как правило, не обходили молчанием негативные моменты экономического развития страны [445. С.252]. В период праздника лозунги, под которыми шагали демонстранты, отражали реальные проблемы, однако им придавался вид целевых установок: «Удешевим, упростим, оздоровим наш государственный и хозяйственный аппарат. Сократим непроизводительные расходы» [36. Л.49]; «Мы – за превращение страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины» [35. Л.105].

Обычно лозунги, составленные организаторами праздников в Москве, заранее печатались в центральных газетах [222; 227; 228; 229; 160; 161; 230], на местах составлялись вариации, что создавало видимость единства населения по всей стране [493. С.141]. Лозунги, разрешенные к использованию ярославским демонстрантам, то есть одобренные местными устроителями торжеств, также печатались в газете [209; 211; 212; 169; 178; 179; 180; 188; 238; 200; 205], чтобы у оформителей было время на их подготовку.

В 1918 г. в Рыбинске в честь первой годовщины Октябрьской революции был изготовлен огромный транспарант с лозунгом «Да здравствует пожар мировой революции. Да здравствует всемирный совет рабочих крестьянских и красноарм. депутатов» и подписью «Исполн. Ком. Рыбинского Совдепа». Выделяясь своими размерами, возвышаясь над толпой, он стал объектом пристального внимания фотографов, поэтому является центральной композицией фото митинга у здания исполкома, отчетливо виден на фото митингов на Сенной площади (площадь Стеньки Разина) и у здания биржи [Приложение 4; Приложение 5]. Кроме того, этот же транспарант использовался во время демонстрации в честь первой годовщины создания Красной армии в 1919 г. и на митинге в честь двухлетия Октябрьской революции [Приложение 6; Приложение 7].

В первые послереволюционные годы длительность демонстрации и митингов достигала шести и более часов [подсчитано по: 211;190], что позволило А.В. Захарову справедливо назвать их «вытягивающими душу» праздничными мероприятиями [427. С.26]. Например, демонстрация в ознаменование первой годовщины октябрьского переворота в Ярославле началась в 9 часов утра, когда демонстранты разных районов города направились к месту общего сбора, а завершилась в 15 часов 30 минут, когда участники митинга получили разрешение разойтись. Очевидно, что участие в столь продолжительной демонстрации не могло пройти бесследно для здоровья демонстрантов, в числе которых были дети, проводших весь день на

холодном осеннем воздухе. Организаторов не смущала и тяжелая санитарно-эпидемическая обстановка Ярославля: не принимая во внимание факт широкого распространения инфекционных заболеваний, они устраивали массовое скопление людей в одном месте [168; 181].

В период, когда проходили траурные мероприятия в связи с кончиной В.И. Ленина, в европейской части России стояли сильные морозы, поэтому ярославцам во время митинга приходилось жечь костры, чтобы согреться – очевидно, митинг был долгим, несмотря на то, что собравшиеся испытывали неудобство [Приложение 8].

Демонстрация в честь десятилетия Октябрьской революции, неофициально считавшаяся генеральной репетицией десятилетнего юбилея советской власти, по словам самих организаторов, не выглядела торжественно: «на площади получилась ходьба, так как мешал холод» [36. Л.116]. Назвав «справедливым» недовольство рядовых участников по поводу томительного ожидания на холоде полного сбора колонн демонстрантов, организаторы посчитали необходимым в будущем «устранить медлительность сбора и строже придерживаться намеченного времени» [Там же. Л.121].

Участников демонстрации не устраивали и некоторые другие моменты, в частности, «недостаточное участие членов партии в общей демонстрации, в ее организованных рядах», а также плохая слышимость ораторов и «затянутость речей»³³ [Там же].

Предполагалось, что к десятилетней годовщине Октября указанные недостатки будут исправлены, однако в отчетах о проведении ноябрьской демонстрации 1927 г. откровенно говорится о ее чрезмерной длительности: «... очень многие, не выдержав, ушли раньше времени..., долго ждали митинга, задержалось шествие колонн на площади и пр.» [40. Л.4]. Таким

³³ Анализируя негативные моменты праздничных демонстраций, прошедших в Советской России, В. Жемчужный пришел к выводу о неподготовленности городской среды к проведению подобного рода мероприятий – «жизнь города оказывается никак не налаженной», и указывал на необходимость «реорганизации» обычной жизни города «для наилучшего обслуживания самой демонстрации»: «Это значит, что нужно приспособить для обслуживания демонстрантов работу городского транспорта, общественного питания, детских учреждений и т.д.» [426. С.47-48].

образом, с нашей точки зрения, организаторы демонстраций в Ярославле зачастую совершали одну и ту же ошибку, стремясь придать торжественный и даже помпезный характер митингам и демонстрациям: в погоне за количеством выступающих, за обилием речей, приветствий и поздравительных телеграмм, они не уделяли должного внимания их качеству, зачастую затягивали церемонию, которая становилась однообразной и скучной.

К участию в демонстрациях широко привлекались армейские части, что позволяло организаторам создать видимость порядка и дисциплинированности: военные расходились, только получив приказ. Непременное присутствие солдат на митингах и демонстрациях было объяснено А. И. Пиотровским тем, что средой, «где определились и выросли первые серьезные попытки зрелища,... явилась Красная Армия» [343. С.44]: в этом виделось продолжение сложившейся практики. О.В. Цехновицер, ратуя за проведение демонстраций «по военному образцу», когда штатское население берет пример с красноармейцев и подчиняется «точному руководству и плановой организации», видел в этом залог «повышения «праздничности» демонстрации» [261. С.14-15].

Оценивая участие армии не только в парадах, но и в демонстрациях и митингах, мы можем согласиться с выводами Ш. Плаггенборга о их несомненной военизации: с одной стороны, армейские части способствовали более организованному проведению демонстраций, а к числу негативных сторон активного привлечения красноармейцев относится утрата инициативы среди населения, приведшая к заорганизованности демонстраций [344. С.298].

По случаю годовщин Красной Армии проводились парады – торжественные прохождения войск, требовавшие большей организованности, слаженности действий от участников, нежели митинг: помимо красноармейцев, к участию в параде допускались милицейские кадры, штатским гражданам отводилось место зрителей. Более официальные

по своей сути, чем демонстрации, военные парады – в силу сложности их организации – нечасто проводились в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие.

По случаю парада 23 февраля 1921 г. здание, перед которым проходило торжественное построение, было украшено молодыми елями – достаточно аскетично, поскольку, очевидно, сама атмосфера официальной части военного праздника не предполагала излишеств и буйства красок [Приложение 9]. Скромность праздничного убранства города не повлияла на посещаемость праздника: он был привлекателен для ярославцев, что подтверждается большим количеством зрителей (даже взрослые люди забирались на пожарные лестницы, чтобы лучше видеть парад). Солдаты в военной форме³⁴, державшие равнение под звуки духового оркестра, оружие, символизирующее отпор врагам и защиту населения, флаги, на полотнища которых были нанесены праздничные лозунги – все это, с нашей точки зрения, создавало торжественную обстановку, придавало празднику строгий, официальный вид; но в этой подчеркиваемой официальности прослеживается попытка организаторов придать праздникам энергию, четкость, уверенность.

Перед организаторами первых советских парадов стояла опасность, что они превратятся в пародию на дореволюционные парады, поэтому акцент делался не столько на смотр военной мощи, сколько на демонстрации готовности защищать идеалы революции.

К официально-догматической части советских праздников, наряду с демонстрациями, митингами и парадами, относились и выступления пропагандистов с докладами и лекциями: в Ярославской губернии само знакомство населения с новыми праздничными поводами и датами состоялось во многом благодаря своевременно подготовленным докладам [208]. Праздничные доклады звучали на площадях, в клубах, с театральной сцены, перед киносеансами, но особенно часто – во время торжественных

³⁴ Обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство красноармейцев было без перчаток, несмотря на то, что праздник проходил зимой; горожане, собравшиеся посмотреть парад, как правило, держали руки в карманах, это позволяет сделать вывод, что солдатам было некомфортно в связи с непродуманностью формы.

праздничных заседаний членов различных организаций и учреждений³⁵; в первое послереволюционное десятилетие они были длительными (стандартный доклад был рассчитан на 40-50 минут [35. Л.1]), поэтому перед докладчиками стояла задача так преподнести материал, чтобы заинтересовать слушателей, не дать ослабнуть их вниманию. Успех или провал докладов, звучавших во время праздника, напрямую зависел и от умения выступавших держаться на публике, убедительно и доступно излагать материал; неслучайно ярославский отдел агитации и пропаганды, подготовив тезисы докладов, искал в преддверии праздников «способных товарищей» [21. Л.8], которые способны были донести их суть до населения³⁶: к выступлениям с докладами привлекались члены партийных организаций, работники образования, здравоохранения и социального обеспечения [40. Л.10], т.е. те граждане, у которых был опыт публичных выступлений.

Тематика докладов, звучавших на праздниках в Ярославской губернии, была обширной, однако они неизменно касались вопросов о преимуществах советского строя: по своей сути, это была многократно повторяемая речь власти о самой себе в пользу нового миропорядка. В Ярославской губернии «широкая разъяснительная работа», которая включала в себя подготовку докладов «во всех школах политграмоты, кружках, курсах и т.д.» [35. Л.24] имела место и при подготовке праздничных мероприятий, посвященных десятилетию советской власти: несмотря на многочисленные доклады, представленные публике в период с 1917 по 1927 г., власть не собиралась отказываться от них. Праздники без доклада не являлись бы «школой под открытым небом», что обесценило бы их в глазах власти [407. С. 55-56]. Устраивая праздники, включенные в «Красный календарь», организаторы на

³⁵ Как подтверждение принятия населением Ярославской губернии вводимых властью праздников в отчетах о проведении десятилетней годовщины Октябрьской революции фиксировалось, что на торжественных заседаниях «присутствовали, главным образом, взрослые рабочие», а «отношение к докладам было очень внимательное» [40. Л.4].

³⁶ Весьма положительные отзывы с мест о работе докладчиков поступили в праздничную комиссию в ноябре 1921г.: «самое отрадное» настроение участников праздничных митингов и демонстраций объяснялось тем, «что докладчики сумели разъяснить сущность Октябрьской революции и как рабочие, так и крестьянские массы поняли задачи партии и соввласти» [21. Л.29].

каждый праздничный повод подготавливали информацию о «важнейших достижениях советских хозяйственных и общественных организаций и учреждений, характеризующих рост элементов социализма и нового быта» [39. Л.2].

Как правило, темы докладов перекликались с лозунгами, под которыми проводился праздник: советская власть добивалась унификации праздничных мероприятий, поэтому по всей стране звучали аналогичные доклады – разъяснение смысла и значения праздников тесно переплеталось с освещением основных событий внутренней и внешней политики³⁷. В день очередной годовщины Октябрьской революции звучал обязательный доклад «Наши достижения за 5 (7, 9...) лет Октября»: для того, чтобы придать ему доказательность и наглядность, агитаторы создавали его по материалам Ярославской губернии³⁸.

Заблаговременно составленные ярославским отделом агитации и пропаганды доклады, посвященные кооперативному движению, позволили организаторам Международного дня кооперации в 1926 г. выйти из сложного положения: в праздничных мероприятиях в каждом из районов Ярославля пожелали принять участие 200-250, хотя праздничная комиссия ориентировалась на то, что таких людей будет не менее тысячи [34. Л.49]. В отчете о проведении данного праздника отмечалось, что «собравшаяся публика была чисто случайная», то есть не имеющая отношения к кооперативному движению, поэтому прибывшие на места члены праздничной комиссии не посчитали необходимым проводить запланированные праздничные мероприятия, но выступили с докладом «О значении Международного дня кооперации и задачах советской кооперации»

³⁷ Организаторы празднования десятилетия Октябрьской революции на фабрике «Красный Перевал» отмечали, что «со стороны рабочих имеется значительный интерес к вопросам разногласия в партии», которые не были отражены в докладе. Доклад, звучавший на фабрике во время праздника, был признан неудовлетворительным, а «партийным товарищам» поступила просьба «сделать на эту тему у них доклад на общем собрании» [36. Л.44].

³⁸ В целевой установке «Плана агитационно-зрелищных мероприятий в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции» подчеркивалась необходимость при подготовке докладов «особое внимание... обратить на то, чтобы были ярко выражены... местные события и местные достижения нашего социалистического строительства» [35. Л.20].

[Там же]. Такое вольное изменение сценария не вызвало нареканий со стороны губернской праздничной комиссии, поскольку официально-догматическая часть праздника была организована без замечаний.

Менее официальные по содержанию, но близкие по форме проведения к докладам были так называемые вечера воспоминаний – еще одна форма ознаменования праздничных дат. Вечера воспоминаний были популярны в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие, поскольку не требовали значительных расходов на организацию, но, при условии тщательной подготовки, способствовали укоренению советской идеологии [259. С.11]. Например, вечер воспоминаний, организованный по случаю четвертой годовщины Красной Армии в 1922 г., на котором, помимо непосредственных выступлений, обсуждались злободневные вопросы, имел следствием, с точки зрения организаторов праздника «поднятие настроения и бодрости в сердце красноармейцев [21. Л.39]. На «Вечере воспоминаний об Октябре» в 1926 г. на фабрике «Рольма им. Кутузова» перед 500 собравшимися (в основном это были представители уездного исполкома, Красной Армии, Профсоюзного бюро, ростовских кооперативов) выступали 16 докладчиков: «Вечер прошел хорошо, по его окончании был концерт революционного содержания» [36. Л.116].

Вечера воспоминаний были одними из главных праздничных мероприятий в День ликвидации Ярославского белогвардейского мятежа: в 1924 г. агитационно-пропагандистским отделом при планировании этого праздника было разослано указание: «Накануне, то есть 19 июня с.г., по всем предприятиям и учреждениям устроить вечера воспоминаний..., привлечь на эти вечера участников подавления мятежа» [29. Л.41]. Устроенные в этот день вечера воспоминаний позволили ярославцам, с точки зрения организаторов праздника, должным образом настроиться на восприятие пьес «Наймиты буржуазии» (разыграна на площади Мира «самодеятельной группой» работников коммунального хозяйства) и «Баржа с арестованными

коммунарами»³⁹ (разыграна «водниками», то есть работниками водного транспорта, на Волге) [Там же].

Несмотря на кажущуюся легкость подготовки вечеров воспоминаний, данное мероприятие порой вызывало споры и производило неоднозначное впечатление. В 1927 г. на заседании праздничной комиссии по случаю юбилея Октябрьской революции товарищ Шалыгин, возглавлявший губернский отдел народного образования, доложил о запланированных на праздник торжественных заседаниях учащихся, на которых приглашенные «участники Октябрьских дней выступят со своими воспоминаниями» [35. Л.32], на что председатель комиссии Колесникова посчитала необходимым «дать конкретные указания как нужно проводить воспоминания», поскольку «из опыта прошлых лет в этой области ничего не вышло» [Там же. Л.33]. Опасения председателя праздничной комиссии по поводу идеологической выдержанности подготавливаемых вечеров воспоминаний основывались на убеждении, что «большинство из учительского персонала в момент Октября было настроено против советской власти» [Там же], поэтому предоставлять слово всем учителям, особенно в присутствии учащихся, было недопустимо: могла прозвучать критика власти. Таким образом, воспоминания, звучавшие на праздничных мероприятиях, были заранее проверены и скорректированы членами праздничной комиссии.

Неразрывная связь советских праздников с идеологией приобретала зримое воплощение в субботниках – праздниках организованного бесплатного труда на благо страны и общества. Призыв к борьбе на трудовом фронте – Все силы на восстановление народного хозяйства! – был облечен в форму субботника.

Первое мая 1920 г. решением правительства объявлялось всероссийским субботником, задачей которого было преодоление «громальной разрухи» [93. С.123] во всех сферах хозяйства; немаловажен был

³⁹ Другое встречавшееся в планах и отчетах празднования название данной пьесы – «Жизнь коммунаров на барже».

и воспитательный эффект – долгая нестабильная обстановка в стране отучила людей работать систематически, трудовая дисциплина снизилась, процветали праздность и халатность, не случайно призывы к укреплению дисциплины звучали регулярно и с газетных страниц, и с трибун⁴⁰. Заостренное внимание организаторов на идеологии нового праздника подчас приводило к неуместному выбору работ: например, в Петрограде ломали красивейшую решетку Зимнего дворца, и ее обломки долго затрудняли движение, поскольку не были своевременно утилизированы [442. С.100]. В Ярославле, где по-прежнему были видны следы разрушений – печальные последствия уличных боев, прошедших в июле 1918 г. – организаторы субботника посчитали необходимым переоборудовать под клуб здание церкви кадетского корпуса.

Первомайский субботник 1920 г., проведенный в Ростове Великом, служит примером продуманного подхода к выбору работ и тщательной организации мероприятия: в этот день участниками субботника было отремонтировано 520 сажень⁴¹ железнодорожного пути и проложено 30 сажень узкоколейной ветки, разгружено 9 вагонов дров (при этом часть дров была распилена и отвезена к государственным учреждениям, больницам и баням); проводилась и «санитарная очистка города», то есть уборка территории, починка ограждений и фонтана в городском саду и ассенизационные работы [9. Л.2]. Ростовский первомайский субботник должен был частично решить продовольственную проблему, поэтому производились сев ржи (высеяно 110 пудов⁴²) и подготовка картофеля для посадки, также изготавливалась смесь из сухих овощей (450 пудов) [9. Л.2]. Так называемые «земельные» работы проводились, в основном, на территории сельскохозяйственной школы: в саду были разбиты цветники и установлены парники, а в огороде «вырыты канавы, установлена метеорологическая будка, посажены деревья, посажена морковь, свекла, пастернак на 15-ти

⁴⁰ Одним из главных лозунгов всероссийского первомайского субботника был призыв: «Дружным трудом укрепим основу мировой революции – народное хозяйство Советской России» [10. Л.5].

⁴¹ 1 сажень – 2,1336 метра.

⁴² 1 пуд – 16,38 кг.

грядах, сделана изгородь из колючей проволоки, снят план с участка» [Там же]. С целью повышения безопасности города проводились работы по обеспечению должного хранения артиллерийских снарядов⁴³; для улучшения коммуникации были «установлены столбы для телефонной сети на расстояние полутора верст⁴⁴» [9. Л.2 об.]. В целом, ростовский первомайский субботник был одним из самых результативных мероприятий подобного рода во всей губернии в первое послереволюционное десятилетие.

Субботники могли получить особое название в том случае, если они организовывались как отклик на конкретное событие, например, только в Рыбинском уезде в июле 1920 г. были проведены «Коммунистический субботник в честь протеста против нападения белополяков», «Коммунистический субботник помощи пахарю» и «Коммунистический субботник в честь Второго конгресса III Интернационала» [Приложение 10].

Привлекая население Ярославской губернии к субботникам, организаторы убеждали, что время старых, дореволюционных праздников, воспринимаемых главным образом как дни отдыха и забвения, прошло; звучал призыв не сидеть в праздник, сложа руки, «ибо не может хозяин бастовать в своем хозяйстве» [199]. Уже в первые годы проведения субботников в Ярославле сложился их церемониал: перед началом работ проводился митинг, сдавался рапорт, затем под звуки оркестра участники расходились по рабочим местам. Во время работы, если позволяли условия, исполнялись революционные песни; работа могла быть приостановлена, например, для того, чтобы участники субботника заслушали приветственные телеграммы или просмотрели короткое («летучее» в терминологии того времени) представление артистов на злобу дня [196]. Заканчивался субботник подведением итогов, угощением трудящихся, а затем начиналась неофициальная часть праздника: прогулки, танцы, посещение театров и киносеансов.

⁴³ Во время субботника «погружено 2400 пудов Артгруза, уложено снарядов 8000 пудов, уложено снарядов в штабеля 2900 пудов, перевезено 300 пудов, уложено трофейных снарядов 1000 штук, уложено линейных снарядов 882 пуда, перенесено 200 пудов» [9. Л.2].

⁴⁴ 1 верста – 1066,8м.

В уездных городах Ярославской губернии (Рыбинске, Данилове, Мышкине, Ростове, Угличе), как и в самом Ярославле, перед участниками первых субботников стояли задачи по улучшению санитарного состояния населенного пункта, пришедшего в упадок за время войн и революции; не менее важным было решение топливной и транспортной проблем: ни один субботник первых послереволюционных лет не обходился без распилки дров, разгрузки вагонов, ремонта транспортных средств [9. Л.2-3]; осуществлялись и профилактические работы (например, промывка котлов, чистка моторов [192]), которым зачастую не находилось места во время трудовой недели⁴⁵.

Отчетность о результатах субботника в губернии направлялась в центральную комиссию в Москву: результативность субботников не была регулярной, она зависела, в первую очередь, от вида проводимых работ и классового состава участников: так называемые «старые» специалисты добивались лучших показателей, чем молодежь, не привыкшая к систематическому труду⁴⁶.

Оценки самой идеи проведения субботников со стороны советской власти были хвалебными, отмечались сплоченность, единство целей участников, в тяжелое время взявших на себя обязанность бороться с последствиями войн и революций. В.И. Ленин назвал субботник победой над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом [95. С.21]. А.В. Луначарский назвал участие в коммунистическом субботнике

⁴⁵ Как справедливо заметил Л.Д. Троцкий, «плохое шоссе вызывает расходование в десять раз больших сил и средств, чем сколько их нужно для починки самого шоссе. Так же точно по мелочам разрушаются машины, фабричные здания, жилые дома» [134]. Троцкий сетовал на то, что населению не хватает внимания к хозяйственным «мелочам и деталям», причиной чего он называл отсутствие «хозяйственного и культурного воспитания» [Там же]. Призвав к борьбе с «небрежностью, неряшливостью, безразличием, неаккуратностью, неисполнительностью, личной распушенностью, бесхозяйственностью и расточительным озорством», Троцкий указал на то, что надо четко разграничивать «недостаток внимательности», приводивший к кризисным экономическим явлениям, затрате значительных средств, и «злостное озорство» в основе которого лежало сознательное желание нанести ущерб советскому хозяйству [Там же]. Заостряя внимание на актуальности проблемы, Троцкий пришел к выводу, что для искоренения явлений, тормозивших преодоление разрухи, необходим «большой подход; настойчивый, неутомимый, с применением всех методов: агитация, пример, увещание и кара» [Там же]. В статье сквозь строки отчетливо читался призыв перенести рачительное отношение к хозяйству, складывавшееся на время субботников, в повседневную практику.

⁴⁶ Ю.В. Готье, принимавший участие во всероссийском субботнике, оставил такие заметки о нем: «У нас в Музее чистили сад, разбрасывали остатки снега от стены книгохранилища; делали, конечно, очень мало, а больше болтали, а молодежь просто веселилась» [246. С.402].

высочайшим героизмом [130. С.21]. Идейный противник большевиков В.В. Шульгин оставил уничижительную характеристику субботников: «Субботник – это последнее слово социалистической изобретательности» [250. С.398].

Идея сочетания праздника и ударного труда, пропагандируемая во время субботников, встретила сопротивление у основной части населения Ярославской губернии [18. Л.63], так как в праздник граждане предпочитали отдыхать и веселиться, а не выполнять каждодневную работу. Субботники проводились, но они не сумели стать достойной альтернативой привычному праздничному времяпрепровождению, население относилось к ним скорее как к необходимости, чем как к празднику торжества труда.

Во время советских праздников, с целью привлечения к ним населения, вниманию ярославцев были представлены лучшие режиссерские разработки, доступные для постановки в пострадавшем от мятежа провинциальном городе: агитационные автомобили, с которых разбрасывали листовки, посвященные торжественному событию; красочные плакаты и стенгазеты, развешанные на улицах города; световые и пиротехнические представления; «живые картины» - пантомимы, разыгрываемые профессиональными артистами или любителями.

Примером оригинальной режиссуры праздника служит прошедший в Ярославле в 1921 г. праздник III Интернационала, проведенный по сценарию главного режиссера Волковского театра Эрманса. Праздник, проходивший под открытым небом, начинался с того, что на Советскую площадь в час дня выезжал «автомобиль-площадка, на возвышении которого – аллегорическая группа – ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ III КРАСНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [16. Л.36]. Под звуки оркестра к автомобилю стройными рядами подходили дети, с которыми заранее были проведены репетиции, давали в руки актерам разноцветные ленты и, под музыку Интернационала, ходили по кругу (Эрманс назвал это хождение «каруселью») [Там же]. После «карусели» детей на украшенных баржах катали по Волге, а потом отвезли на

территорию упраздненного Толгского монастыря, где для них была подготовлена развлекательная программа.

Наиболее сложной в постановке, но запоминающейся частью сценария была постановка мистерии «Рождение» III коммунистического Интернационала». К 17 часам в Полушкиной роще, где проходили народные гуляния, устанавливалась трехъярусная башня, на верхнем ярусе которой помещались изготовленные их папье-маше, тряпок и соломы «чудовища-Империалистический капитализм и II Интернационал». Второй ярус башни занимали актеры, изображавшие министров, чиновников, бюрократов, банкиров. Нижний ярус башни представлял собой клетку и символизировал тюрьму, в которой томились заключенные рабочие. Представление начиналось с того, что актеры, размещенные рядом с башней, начинали разыгрывать процесс изготовления разнообразных изделий, которые по мере их готовности отбирались «чиновниками», спускавшимися со второго яруса, и «скармливались» или почтительно подносились «чудовищам». «Гром, звуки интернационала – восставший народ стаскивает чудовищ и бросает их тела на площадь. Появляется фигура III Интернационала. Под приветственные крики народа III Интернационал занимает место чудовищ на самом верху башни – под звуки интернационала разбегаются министры и чиновники – их места занимают рабочие, раскрыв двери тюрьмы» [Там же].

После мистерии разыгрывались короткие агитационные пьесы «Разруха», «Петрушка» и «Рабочий дворец», затем организовывались народные гуляния [Там же].

Праздники, устраиваемые советской властью, сохраняли архаичные традиционные элементы, которым власть придавала новый смысл. Примером может служить организация банкета или раздача так называемого «угощения», следовавшие за торжественной частью праздника⁴⁷,

⁴⁷ Организация бесплатных обедов, частая в ранние голодные послереволюционные годы, не прекратила своего существования и по мере улучшения экономической ситуации. Так, в 1926 г. по случаю девятой годовщины Октябрьской революции в I (ныне Кировском) районе Ярославля был устроен бесплатный обед для 160 безработных, «и за это оказанное им внимание слышались хорошие отзывы о Соввласти и благодарности администрации» [36.Л.119].

восходившие своими корнями к традиции общей ритуальной трапезы, а также народное гуляние⁴⁸. Организаторы праздничных увеселений в первое послереволюционное десятилетие часто придавали им форму экскурсий: распространены были пароходные экскурсии по Волге⁴⁹, если позволяла погода – устраивались поездки в лес⁵⁰, организовывались экскурсии и в специально подготовленные к праздникам силами Красной Армии «военные лагеря» [34. Л.7]. Нередко во время народных гуляний организаторы праздников устраивали спортивные состязания и так называемые «массовые игры», например, 1 мая 1927 г. в Ярославле и уездных городах проводились соревнования по стрельбе⁵¹, а также праздновавшим гражданам предлагалось сыграть в лапту, городки и футбол [32. Л.7].

С нашей точки зрения, именно увеселения придавали советским праздникам неповторимость и делали их привлекательными для населения, это подтверждают и официальные отчеты о проведенных праздничных мероприятиях: «художественные постановки и другие развлечения привлекали максимум внимания публики в сравнении с докладами и торжественными заседаниями» [34. Л.50]. В 1926 г. жители Ярославской губернии выражали недовольство по поводу того, что празднование годовщины Октябрьской революции в этот год было ограничено одним днем, поскольку у населения не было возможности посетить все праздничные развлекательные мероприятия [36. Л.120]. Стремление граждан принять участие в увеселениях, недоступных в будни, привело к тому, что,

⁴⁸ Для того, чтобы организовать «гуляния трудящихся» в саду на Первомайском бульваре в честь Дня Кооперации в 1924г., власть расходовала средства на постановку инсценировки (50 рублей), оплату работы оркестрантов (50 рублей) и постановку киносеанса на открытом воздухе (25 рублей) [29. Л25]. Подтверждением того, что жителям Ярославской губернии нравились праздничные гуляния, пусть даже и не организованные специальными комиссиями, служат детские воспоминания В. Осипова о масленичных увеселениях, имевших место в Тутаеве в годы НЭПа. Речь идет о праздничном катании на лошадях, устраиваемых по инициативе населения в силу сложившейся еще до революции традиции: «о количестве конных экипажей можно судить по такому факту, что перейти улицу порой не было никакой возможности» [468. С.45]; даже к вечеру горожане не спешили расходиться по домам, они прогуливались в центре у магазинов и прочих торговых точек. Эти прогулки народ называл так: «Иду столбиться» [Там же].

⁴⁹ Например, в 1923 г. более 600 работников кооперативных учреждений, празднуя День Кооперации, совершили экскурсию по Волге из Ярославля до села Воздвиженское и обратно[24. Л.4].

⁵⁰ В 1926 г. в лесу, расположенном недалеко от Ярославля, прошла праздничная маевка.

⁵¹ Стрелковые тиры организовывались в «местах наибольшего скопления публики», устанавливалась минимальная цена за выстрел, окупающая лишь стоимость патрона. Фамилии лучших стрелков вывешивались в тирах – это был своеобразный приз за меткие выстрелы [35. Л.57].

постфактум оценивая праздник, «большинство» рядовых участников сошло во мнении, что «празднуя – только хуже устаешь» [Там же]. Власть приняла во внимание указанный «недочет», и праздничная комиссия постановила «во избежание нервирования масс» тщательнее вести подготовку к празднованиям, учитывая временные рамки праздников [Там же. Л.121].

Население ожидало праздничных выплат, премий, дававших возможность потратить средства, чтобы отметить праздник, поскольку это была привычная практика в дореволюционные годы. Призывы разумного расходования средств на организацию праздничных мероприятий, звучавшие со стороны власти перед каждым праздником, сталкивались с желанием людей, уставших от долгих лет нищеты, широко отметить праздник. В 1922-23 гг. прошла череда пятилетних юбилеев советских организаций, потребовавшая крупных затрат.

Отмечая «пятилетие рабоче-крестьянской Милиции РСФСР» 12 ноября 1922 г., большевики разъясняли населению, что «голодный и неодетый милиционер – плохой страж государственного достоинства и порядка» [23. Л.59], и призыв «Побольше заботы о рабоче-крестьянской Милиции» [Там же] понимался и как указание организации достойного праздника. В Ярославле и губернских городах праздник начинался с парадов, церемониал которых подразумевал внушительность, масштабность действия, достигаемых, главным образом, за счет массовости – «... вся Милиция городов, в том числе административно-хозяйственный и канцелярский состав управлений» [Там же. Л.57] должны были принимать участие в параде, исключения строго оговаривались: «Не выходит на парад лишь суточный наряд, сокращенный по возможности до минимума, а также больные, арестованные и отпускные кадры» [Там же. Л.57].

После парада праздник продолжался в клубах, причем клубным работникам советовалось «приспособить украшения после празднования пятой годовщины Октябрьской революции ко дню годовщины рабоче-

крестьянской Милиции, соответственно изменив лозунги с надписями» [Там же. Л.58]. В клубах проводились торжественные заседания, на которых звучали доклады о значении милиции в советской стране⁵², а также устраивались вечера воспоминаний о непростом времени появления милиции и о героях-милиционерах [Там же. Л.58]. Заканчивался праздник спектаклем, концертом и кинематографическим сеансом.

21 июля 1923 г. в Ярославской губернии отмечался День Советской медицины. В газете «Северный рабочий» были опубликованы тематические статьи «Пять лет советской медицины» Востокова (заместителя заведующего Губернского здравоохранительного отдела), «Дорогу предупредительной медицине» Курочкина (врача, общественного деятеля, с 1920 по 1930 г. – депутата Ярославского горсовета), «Задача создать здоровое и сильное поколение – будет выполнена» Опочинского (заведующего отделением Охраны Материнства и Младенчества). В этот день, как отмечалось в отчете о проведении праздника, в Волковском театре «состоялось торжественное заседание при полном участии всех медицинских работников города Ярославля и представителей Губкома, Губисполкома, Губпрофсовета, представителей Губотделов Союзов, фабзавкомов, Страхорганов и других советских партийных и профессиональных организаций» [8. Л.20]; собравшимся был заслушан доклад «О пятилетию Советской медицины» и составлен текст «приветственных телеграмм Ленину, ВЦИК, ЦКП и наркому здравоохранения Семашко» [Там же. Л.21].

Торжественные заседания медицинских работников, открываемые докладом «О пятилетию Советской медицины», прошли и в других городах губернии. В Рыбинске состоялось «чествование героев труда на поприще медицины» [8. Л.20 об.], ростовские доктора заслушали дополнительные доклады «О задаче предупредительной медицины», «О значении школ

⁵² Доклады должны были отразить три основные проблемы: борьба со взяточничеством в рядах милиции, борьба с неграмотностью среди милиционеров и проблема укомплектования состава; доклады имели непосредственную связь с лозунгами, под которыми проводился праздник: «Взятка – неграмотность. Победим неграмотность среди милиционеров – победим взяточничество», «Рабочий и крестьянин, идите в ряды красной милиции. Безработный, есть место в рядах рабоче-крестьянской милиции» [Там же. Л.59].

медицинских сестер», «О костном туберкулезе» [8. Л.20 об.]. Торжественные заседания заканчивались концертами или «гуляньями» (в Ростове и Тутаеве) [Там же]. Интересно отметить, что в Мологе в День Советской медицины в сфере внимания находились не только медицинские работники, но и больные: «в этот день было улучшено питание в советских больницах» города [Там же. Л.18].

Для ярославцев был открыт способ привлечения средств на устройство праздников: присвоение революционного названия организации сулило торжественный банкет по этому поводу. Например, в Ярославле прошли празднования, посвященные гимназии им. К. Маркса, больнице им. Семашко и т.д. [Там же. Л.20-21]. Празднование юбилеев захлестнуло всю страну [357. С.66], и возродило волну слухов о «пирах коммунистов», по поводу которых Н.П. Окунев еще в 1919 г. писал: «Любят все-таки и *товарищи* пожить сладко!» [248. С.248].

Жители Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие часто отмечали праздники – как включенные в «Красный календарь», так и организованные по собственной инициативе (прообраз современных корпоративных праздников) – в рабочем коллективе: например, 5 июня 1926 г., накануне Дня Кооперации, в Доме работников просвещения устраивался «праздничный закрытый БАЛ для членов Рабпроса» [5. Л.56]. Для создания праздничного настроения организовывался «обильный буфет», приглашался «оркестр духовой музыки и тапер», устраивались танцы; цена входного билета варьировалась от 25 копеек для работников ДРП (Дома работников просвещения) до 50 копеек для членов Рабпроса [Там же].

Совместное проведение праздников двумя учреждениями снижало расходы на его организацию, поэтому широко практиковалось⁵³; однако препятствовать ему в период послереволюционного восстановления экономики могли весьма неожиданные причины. В ноябре 1926 г. под

⁵³ Например, в честь пятилетия Октябрьской революции особая праздничная программа создавалась «своими силами» «для членов РКП, РКСМ и членов Профсоюзов» [23. Л.96]. ЯрЦРК «Единение – сила» совместно с губженотделом отмечался праздник десятой годовщины Октября [40. Л.29].

угрозой срыва оказалось празднование девятой годовщины Октябрьской революции, планируемое совместно Ярославской губернской совпартшколой и Педагогическим техникумом, поскольку не удавалось достичь договоренности, следует ли устраивать «чай с закусками»: совпартшкола, в здании которой предполагалось организовать праздничное мероприятие, не согласна была предоставить «нашу столовую, нашу посуду» [36. Л.90], кроме того, курсанты не хотели «делать чай и другое... за неимением средств» [Там же]. На заседании школьного совета Яргубсовпартшколы т. Кашников призывал «не допускать раздвоенности», под которой понимались разногласия сторон: «если уж делать вместе, так, чтобы были удовлетворены одинаково все» [Там же]. В результате праздник решено было проводить, чаепитие устраивать за счет сокращения затрат на декорирование помещения [Там же. Л.91].

Власть воспринимала желание жителей отпраздновать советские торжества, затратив на это свои материальные средства, как показатель распространения новой праздничной культуры. В преддверии десятилетнего юбилея советской власти особую тревогу высказывали ярославские железнодорожные рабочие, которым Правление дороги отказывалось выдать заработную плату на три дня раньше положенного срока. Железнодорожники опасались, что дефицитные в будни товары и развлечения будут им недоступны. Недовольство рабочих дошло до того, что они пригрозили не явиться на праздничную демонстрацию, после чего Правление пошло на уступки, деньги к празднику были выделены, инцидент был исчерпан [40. Л.4 об.].

Таким образом, необходимым условием успешной организации праздника являлось тщательно выверенное соотношение обычаев, бывших наследством дореволюционной праздничной культуры, и новаций в проведении торжеств: при этом праздники для взрослых были ориентированы скорее на устои, такие как «гулянье» с его традиционными элементами. В детской и молодежной среде проходили апробацию новые

праздничные разработки, например, спортивные состязания, призванные подготовить молодежь к службе в рядах Красной Армии, или антирелигиозные мероприятия: «комсомольская пасха», «комсомольское рождество».

В целом, за десять лет, прошедших с октября 1917 г., в жизни Ярославской губернии (области) праздники становились достаточно значимыми вехами: практически во всех сферах общественной жизни по мере укрепления советской власти стала отчетливо прослеживаться ориентация на праздничные даты. По случаю праздника торжественно сдавались в эксплуатацию строительные сооружения⁵⁴, благоустраивались территории⁵⁵, открывались выставки⁵⁶, организовывалось чествование героев

⁵⁴Если в первые годы установления советской власти в Ярославле сдача в эксплуатацию строительных сооружений была приурочена лишь к главным праздникам – Первому мая и годовщине Октябрьской революции, – то в 1926 г. только в ознаменование Дня Кооперации в городе состоялось торжественное открытие двух магазинов, двух детских площадок в Перекопском районе, и, кроме этого, была произведена закладка двух жилых домов [34. Л.49]. В честь десятилетия Октябрьской революции, помимо открытия столовых и больниц, кинотеатров и клубов, состоялся долгожданный запуск городской электростанции «мощностью 50 киловатт с возможностью расширения в дальнейшем до 120 киловатт» [40. Л.3-4, 11].

⁵⁵Помимо уборки и праздничного оформления площадей и улиц, о которых было сказано выше, к советским праздникам наводился порядок на братских могилах, поскольку они были одним из ключевых пунктов проведения митингов, особенно в День ликвидации ярославского белогвардейского мятежа [29. Л.39; 30. Л.2].

⁵⁶Многочисленные выставки - отчеты о проделанной работе были подготовлены советскими организациями и учреждениями к десятилетию Октябрьской революции. Библиотеки Ярославля совместно с Государственным издательством организовали книжную выставку-ярмарку (литература была подобрана в соответствии с тематикой праздника: «Октябрь, партия, история Октября, профсоюзы и Октябрь, хозяйственное строительство СССР» и т.п. [6. Л.26]. Выставка, состоявшая из «следующих разделов: организационный, тарифно-экономический, культурная работа и исторический» [Там же] была подготовлена во Дворце Труда профсоюзными организациями. Большая работа была проделана Ярославским Государственным Областным Музеем – каждый отдел представил свою экспозицию: естественно-исторический отдел устроил выставку под названием «Природа Ярославского края»; историко-бытовой отдел подготовил выставочные материалы по археологии, этнографии и архитектуре края, им же были устроены «уголки А.Н. Некрасова и Ф.Г. Волкова» и подобраны экспонаты для выставки «Народное творчество в области деревянной резьбы, металла и глины»; отделом древнерусского искусства демонстрировались «древнерусская живопись и художественные ткани», а также «художественное серебро из храма XVII столетия». В Ярославской Художественной Галерее выставлялись «картины русских художников за два последних века: академики, передвижники, «Союз художников», «Мир искусства», левые течения, скульптура, акварель, рисунки, гравюры и художественная мебель» [Там же. Л.25]. Так называемая «Губернская Юбилейная выставка по Народному Образованию к X годовщине Октябрьской революции» была основана на сравнении дореволюционной и советской школ (вот лишь некоторые из пунктов сравнения: «количество учебных заведений, бюджет народного образования, учебно-плановая и программная работа, эволюция учебника и наглядных пособий, отношение населения к школе, организация детской жизни, самообразование учителя, борьба с беспризорностью, дошкольное воспитание, политико-просветительская работа, ликвидация неграмотности» [7. Л.1-7]. Целью выставки было наглядно продемонстрировать «повышение качества народного образования» после Октябрьской революции, поэтому данную выставку отличало обилие плакатов, диаграмм, фотодокументов, красочно оформленных выписок из циркуляров; однако организаторы, по отзывам посетителей, оставленным в «Книге для записей впечатлений», чрезмерно увлеклись «бумажным материалом» и не сумели «навести в нем порядок» [Там же. Л.25-35]. Особые нарекания вызывали подготовленные диаграммы – как «за отсутствие масштаба» (то есть, по сути, неправильное оформление), так и за казенную сухость подачи информации: «масса материала в

и победителей соревнований⁵⁷, осуществлялись карательные акции⁵⁸. Спланированные праздничные мероприятия преподносились населению как доказательство передового характера советской системы.

Первые годы существования советской власти в Ярославской губернии характеризовались активизацией работы среди женщин: процесс вовлечения женщин в создаваемую праздничную среду имел свои особенности, поэтому нам представляется необходимым подробнее осветить данный аспект распространения советских праздников в первое послереволюционное десятилетие.

В это период на страницах периодической печати, в популярных брошюрах находили отражение дискуссии об обеспечении бытового равенства женщин и мужчин, праве женщин на гражданский брак, аборт, свободный развод. Для решения «женского вопроса» создаются Отделы по работе среди женщин (женотделы), проводятся многочисленные конференции, делегатские съезды, начинают работу комиссии по улучшению условий труда и быта. Именно женотделы были ответственны за подготовку праздников для женщин, с одной стороны, а также за организацию участия

виде диаграмм ... могла быть заменена фактическим материалом». Тем не менее, посетители выставки отмечали, что она «наглядно показывает достижения наших школ за последнее время»: «здесь мы видим, что нам дал Октябрь в этой области» [Там же].

В целом, необходимо отметить, что ярославцы в дни праздников могли посещать все выставки абсолютно бесплатно, а организаторы стремились к их разнообразию, чтобы в праздники каждый мог выбрать культурное мероприятие себе по душе. Посещение выставок как способ празднования в первое послереволюционное десятилетие расценивалось как неоспоримое доказательство повышения культурного уровня населения [38. Л.8].

⁵⁷ В 1921 г. в Ярославской губернии к Первому мая было приурочено чествование «героев войны и труда – особо выдающихся рабочих на Трудовом Фронте», в Данилово в качестве поощрения им «подносились почетные отзывы и выдавались предметы из одежды и обуви» [17. Л.9, 11]. С 1922 г. чествование «Красноармейцев – ярославских героев Гражданской войны» проходило, как правило, в дни празднования годовщин Октябрьской революции. В 1922 г. данное мероприятие было организовано следующим образом: 7 ноября в 19 часов в Волковском театре было открыто торжественное заседание, на котором присутствовали «члены РКП, РКСМ, ГПУ, Милиция и Профсоюзы»; для чествуемых красноармейцев было определено почетное место – «на сцене за Президиумом». Военный комиссар со сцены сообщал биографию каждого красноармейца и под аплодисменты вручал подарок (к сожалению, в отчете о проведении праздника не указано, какой именно подарок преподносился - *прим. авт.*) [23. Л.96]. Так же к праздничным датам подводились итоги т.н. «социалистических соревнований»: в сценарий празднования включалось награждение победителей (например, в честь десятилетней годовщины Октябрьской революции был премирован победитель конкурса «Лучший рабочий») [35. Л.35].

⁵⁸ В Ярославской губернии так же, как и по всей стране, организаторы праздников стремились включить в празднование элемент устрашения, с одной стороны, чтобы продемонстрировать карающую силу советской власти, с другой, сплотить граждан, напомнив им о врагах, препятствовавших прогрессивному развитию страны. В Ярославской губернии (области) во время праздников устраивались показательные суды (например, над кооперативными растратчиками [34. Л.49] или «по разбору дел растраты, бесхозяйственности и проч.» [Там же. Л.7]).

женщин в праздничных мероприятиях, предусмотренных «Красным календарем», с другой.

Сам факт участия женщин в советских праздниках считался показателем их признания населением губернии; праздничными комиссиями фиксировалась даже незначительная инициатива женщин в деле ознаменования новых праздничных поводов: например, в 1923 г. ярославской прессой отмечалось вручение властям города женщинами-делегатками «грамоты» - поздравления в честь празднования юбилея коммунистической партии [216]. В 1926 г. организаторы празднования девятой годовщины Октябрьской революции посчитали необходимым «отметить участие работниц фабрики «Рольма», которые сложились по 10 копеек и сшили знамя», под которым проходила колонна демонстрантов [36. Л.116].

Идеологическая нагрузка, возлагаемая организаторами на праздники, в первые годы существования советской власти для женщин предусматривалась едва ли не в большем объеме, чем для мужчин: предполагалось, что праздники «должны быть широко использованы для массовой агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся женщин» [15. Л.32].

В феврале-марте 1921 г. в период подготовки к Международному дню работницы Ярославским Губернским женотделом по инициативе заведующей Фомичевой было выпущено около 200 «плакатов с лозунгами», касавшихся положения женщин в советском обществе [20. Л.6]: так в губернии было положено начало визуальному оформлению утверждения власти о непрерывном улучшении рабочих условий и быта женщин, в то время как доклады и статьи на эту тему имели место с первых лет установления советской власти⁵⁹.

⁵⁹ Уже в 1919 г. организаторы праздника во время доклада, посвященного Дню работницы, подчеркивали необходимость «показать работницам, крестьянкам и всем женщинам неимущего трудового класса, как тесно связана судьба женщин с победой коммунизма»: улучшение условий жизни, «облегчение тягот креста материнства и постылой кабалы домашнего хозяйства» преподносились не только как цель советского государства, но отмечались конкретные, пусть и незначительные шаги в этом направлении (например, открытие в Ярославле двух детских площадок) [Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – 1919. - №79].

Одним из признанных специалистов в области «женского вопроса» была А. М. Коллонтай, выстраивающая свой образ «новой женщины», свободной от предрассудков и старой «ханжеской» морали. Главным делом женщин, по мнению Коллонтай, должно стать служение обществу, при этом их предназначение как жен и матерей отодвигалось ею на второй план.

Реальные условия жизни в Ярославской губернии диктовали другие требования: в условиях нестабильности, разрухи советской власти приходилось апеллировать к материнским чувствам женщин, например, для борьбы с беспризорностью или в деле улучшения условий проживания в детдомах [195].

Организуя праздник, посвященный женщинам, - Международный день работницы - советская власть ориентировалась на двойные стандарты. С одной стороны, она призывала женщин активно включаться в борьбу с противниками революции: «Победу над царем-голодом даст победа на красном фронте» [76. С.277]. Женщин призывали становиться сестрами милосердия⁶⁰, проводить дополнительные работы с отчислением заработка в пользу красноармейцев. Работниц и крестьянок привлекали также к борьбе «с хозяйственной неурядицей, голодом, холодом, болезнями, разрухой транспорта» [160]. Так называемому «бескровному фронту труда» придавалось большое значение в процессе восстановления народного хозяйства, от женщин требовали классовой сознательности, выносливости, способности преодолевать трудности [159; 199; 205; 219; 220].

С другой стороны, большевики мыслили День работницы и как праздник материнства [454. С.33]. В этот день Женотделы, ответственные за подготовку торжественных мероприятий, организовывали праздник для тех, кто был лишен материнской заботы. В 1921 г. воспитанники ростовских детских домов получили в подарок от женщин обед «лучшего качества с хлебом» [15. Л.27]. В 1923 г. в Ярославле женщины в преддверие 8 марта

⁶⁰ В честь десятилетнего юбилея Октябрьской революции на фабрике «Красный Перевал» «состоялся парад рабочей роты в количестве 120 человек и торжественная передача в распоряжение рабочей роты от комсомола отряда красных сестер в количестве 25 человек» [40. Л.23].

отработали сверхурочно, направив выручку на благотворительные цели: так был дан старт кампании по охране материнства и детства [24. Л.211]. Задачу по привлечению средств решали подписные листы и кружечный сбор [Там же]. Организуя подобные мероприятия, большевики ожидали от женщин качеств, традиционно приписываемых слабому полу: сострадания и милосердия, нежности и заботы.

Создаваясь в условиях необходимости привлечения женщин к активной социальной деятельности [494. С.147; 449. С.30-32], праздники являлись одним из самых продуктивных способов трансляции образа «новой женщины», служили поводом для самовосхваления власти. Подчеркивалось, что только после Октябрьской революции женщины смогли реализовывать себя в общественной жизни: по справедливому утверждению Н.Н. Козловой, во время советских праздников государство «добровольно-принудительно предлагало женщинам осваивать новые социальные горизонты» [439. С. 40]. Активное участие в политической, культурной и социальной сферах пропагандировали Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, И.Ф. Арманд, К. Цеткин, Р. Люксембург, ставшие примером для подражания женщин, принявших революционные идеи.

В дни праздников особый акцент делался на раскрепощении женщин. Термин «раскрепощение» означал, главным образом, самостоятельность в принятии решений и свободу от предрассудков. Уже в 1921 г. ярославским женотделом был подготовлен доклад «Достижения и дальнейший путь к раскрепощению трудящихся женщин в Советской России», который был представлен слушательницам на крупных фабриках города во время празднования годовщины Октябрьской революции [15. Л.32].

Считалось, что одним из главных достижений революции стало высвобождение женщин из рабского состояния, в котором она пребывала на протяжении столетий: «Капитал говорил работнице: будь рабой в доме, в семье, на фабрике и в государстве. Коммунизм говорит ей: будь товарищем везде» [174]. Избирательное право считалось первым шагом по улучшению

положения женщин, поскольку они уравнивались в правах с мужчинами, а советские праздники рассматривались властью как способ пополнения партии женщинами-коммунистками. Увеличение количества женщин, состоящих в партии, объяснялось советской властью повышением сознательности. В 1924 г. в связи со смертью В.И. Ленина основным лозунгом 8 марта был определен призыв «Помните и выполняйте заветы Ильича о работнице и крестьянке» [22. Л.252]. В этот день «честным и революционно стойким работницам» Ярославля предлагалось вступить в коммунистическую партию, чтобы «идти по путям, предложенным товарищем Лениным» [Там же].

Акцентируя внимание на успехах, организаторы праздников рисовали радужные картины: «Пьяный муж с его тиранией отошел в область предания. Понемногу рушатся все другие оковы, которые по рукам и ногам связали работницу» [195]. Женщинам внушали, что коммунизм спасает их от проституции: «Гражданка советской республики не должна быть предметом купли и продажи» [189].

Внедрение Международного дня работниц, наравне с другими советскими праздниками, встречало сложности; женщинам приходилось объяснять суть праздника: «Что празднуют работницы в этот день? ... Работница и крестьянка празднуют свое освобождение от ига капитала, от власти помещиков и капиталистов. Они отмечают свое полноправие» [160]. Подчеркивая равноправие мужчин и женщин, большевики опасались «угрозы феминизма», поэтому постоянным пунктом праздничных резолюций было напоминание о том, что у трудящихся женщин нет целей, отличных от мужских: классовые интересы пролетариата должны возобладать над личными, «мещанскими».

С установлением советской власти в Ярославской губернии накануне праздника 8 Марта в крупных населенных пунктах, а также на фабриках и заводах проходили торжественные собрания женщин, в отчетах о которых фиксировалось не только количество собравшихся, но и царившее на них

настроение. Своеобразным подтверждением воодушевления женщин считалось принятие праздничных резолюций, одна из первых резолюций гласила: «Считать день 8 Марта действительно праздником работниц в международном масштабе, принимать всем участие в праздновании, что и будет международной солидарностью пролетарок всего мира» [25. Л.26]. Данная резолюция интересна тем, что была заранее составлена в губернском женотделе, а тот факт, что она была принята без изменений на всех предприятиях города, считался безусловной заслугой женотдела, вовремя проведшего агитацию среди работниц.

В Ярославской губернии срыв торжественных мероприятий, посвященных Дню работницы, наблюдался в 1922 г. : «На станции Всполье митинг и спектакль не состоялся, из работниц никто не пришел за исключением небольшого количества ребятишек» [Там же. Л.31]. Не состоялись запланированные праздничные мероприятия и на фабрике «Факел», губернская праздничная комиссия указала несколько причин этого: «не сделано объявления своевременно, а так как фабрика не работает, то из работниц никто знать (о проведении праздника – *прим. авт.*) не мог» [Там же]; кроме того, обвинены были непосредственные организаторы Дня работницы на фабрике, поскольку подготовка к проведению праздника «началась фактически с 3-го марта с.г.» [Там же], за столь сжатые сроки невозможно было подготовить качественное празднование⁶¹. Не упускался из вида губернской праздничной комиссии и слух, что подготавливаемый праздник будет посвящен детям – «небольшая кучка ребятишек», собравшихся 8 марта на фабрике, подтвердила его [Там же. Л.31].

Тем не менее, можно говорить, что канон празднования Международного дня работницы стал складываться с первых лет существования советской власти. Первоначально выходной в этот день в

⁶¹ Отдел агитации и пропаганды Яргубисполкома в еще в начале февраля 1923 г. обращал внимание всех лиц, задействованных в подготовке праздничных мероприятий, «на то обилие юбилеев и Дней, которые мы должны провести в Марте месяце, и, главным образом, в 1-ой его половине» [25. Л.1] (речь шла о Дне работницы, тридцатипятилетнем юбилее РКП, сорокалетней годовщине смерти Карла Маркса, и Дне Парижской коммуны – *прим. авт.*). Таким образом, обвинения в срыве намеченных праздничных мероприятий, прозвучавшие в адрес организаторов Дня Работницы на фабрике Факел, вполне обоснованы.

Ярославской губернии не устраивался, но работы заканчивались в 12-14 часов [19. Л.15], после чего устраивались митинги, концерты, спектакли и другие праздничные мероприятия, на которых традиционно звучали доклады о роли женщины в революционном движении и тех улучшениях, которые привнес Октябрь в жизнь женщин. В праздничных концертах, посвященных Дню работницы, зачастую принимали участие воспитанники детских домов (считалось, что таким образом они смогут отблагодарить женщин за заботу о них) и школьники: предполагалось, что женщинам «отрадно смотреть на детское творчество» [20. Л.55]. Кроме того, организаторами праздничных концертов поощрялось желание самих работниц «выступить со своими литературными произведениями (стихотворениями, рассказами)» [15. Л.32] или другими номерами самодеятельности, поскольку выступления на публике рядовых гражданок идеально демонстрировали достижения в деле раскрепощения женщин и повышения их культурного уровня.

Организаторы мыслили День работницы в том числе и как смотр сил: женщинам объясняли, что нельзя прекращать борьбу за преодоление угнетенного состояния: «Русская работница завоевала себе права, но не завоевала еще их себе зарубежная подруга, не завоевал рабочий класс всего мира» [195]. Широкое распространение в Ярославской губернии (области) в этот день получил обмен делегатами: крестьянки отправлялись поздравлять женщин в город, а работницы – в деревню, при этом принимающая сторона разрабатывала культурную программу на время праздника: например, «бесплатные спектакли с чаепитием во время антракта» [37. Л.244].

Первый заметный след в истории женского праздника в Ярославской губернии оставил День работницы 1923 г. К этому дню приурочивалось открытие пошивочных мастерских, позволивших сократить безработицу среди женщин; специальные школы грамоты выпускали 400 подготовленных учениц; на фабрике «Красный Перекоп» открывалась выставка кройки и шитья, привлекавшая внимание женщин, отвыкших за годы войн и революций

от модных и красивых фасонов; было улучшено питание в детских домах и домах престарелых [24. Л.211].

Непосредственно 8 марта 1923 г. в Ярославле было проведено семь торжественных заседаний, а в уездных городах – двадцать. Кульминационным моментом данных заседаний было чествование Героинь Труда: в Ярославле «героев (то есть Героинь Труда – прим. авт.) было выделено по всем предприятиям 50 человек» [Там же]; в уездах почетного звания Героини Труда удостоились двадцать две работницы [Там же]. По подсчетам организаторов праздника, около 13 000 женщин принимали участие в торжественных заседаниях, митингах и праздничных увеселениях⁶², посвященных Дню работницы в Ярославле, по уездам это число достигло 22 000 [Там же]. Организаторы праздника учли недочеты предыдущего года, и День Работницы получил высокую оценку горожан.

В начале ноября 1923 г. губернским женотделом решено было отпраздновать пятилетний юбилей Всероссийского съезда работниц и крестьянок. Праздник был намечен на 18 ноября, поэтому не хватало времени на его тщательную подготовку: постановлено было ограничиться «торжественными заседаниями с делегатками и с широкой женской массой членов партии и комсомола» [22. Л.193], а в отдаленных уездах разрешено было отложить празднование на неделю и отметить данный юбилей 25 ноября [Там же]. В череде пятилетних юбилеев, отмечающихся в Ярославской губернии, праздник, подготовленный женотделами, выглядит наиболее банальным, казенным, виной чему послужило отсутствие сценария и сжатые сроки подготовки к празднованию.

В 1927 г. празднование десятилетней годовщины Октябрьской революции затмило 8 марта: в начале ноября в честь открытия губернского Съезда работниц и крестьянок была организована выставка, иллюстрировавшая диаграммами и плакатами «рост (то есть увеличение

⁶² Увеселения, подготовленные ко Дню работницы в 1923 г.: «бесплатные спектакли, концерты с декламациями, в детских домах были устроены детские вечера» (речь идет о детской самодеятельности – прим. авт.. [24. Л.211]).

количества числа – прим. авт.) женщин, работающих в Советах, рост пайщиков-женщин, рост женского коопактива» [40. Л.30], что должно было подтвердить повышение культурного уровня и социальной активности женщин, а также «рост бытовых единиц», под которыми подразумевались детские сады, столовые, школы кройки и шитья и другие объекты, призванные сделать жизнь женщин легче [Там же]. Открытие женских консультаций в Угличском и Пошехонском уездах и на фабрике «Красный Профинтерн», родильных отделений в Рыбинском уезде и на фабрике «Заря Социализма», молочной кухни на фабрике «Красный Перевал», яслей на фабрике «Красные Ткачи» также было приурочено к 7 ноября [35. Л.34]. Обычно же такие своеобразные подарки ярославнам преподносились в День работницы, который в том году ознаменовался лишь торжественными собраниями, концертами и киносеансами [37. Л.230, 278].

В целом, праздничная культура, создаваемая советской властью для женщин, отличалась противоречивостью и непоследовательностью. С одной стороны, она определялась отрицательным отношением власти к социальному неравенству женщин и решимостью преодолеть это неравенство. Праздники использовались для вовлечения женщин в процесс формирования нового общества, где нет места угнетению по половому принципу. Праздники служили поводом для пополнения рядов партии за счет женщин, что являлось доказательством демократической направленности большевистской политики.

Участие женщин в праздничных мероприятиях не ограничивалось торжествами ко Дню работницы: организаторы всевозможных митингов, демонстраций и субботников⁶³ регулярно привлекали женщин к празднованиям, что позволяло разрушить представления о непригодности женщин для активной политической, социальной и культурной деятельности.

⁶³ В Ярославской губернии женщины участвовали в субботниках с самого начала их проведения, например, во время всероссийского первомайского субботника женщины направлялись в приюты и детские дома, «где ими была произведена уборка и пошивка белья» (в ростовском Куприяновском приюте, например, было сшито 30 рубашек и 30 наволочек – прим. авт.) [11. Л.12; 9. Л.2] Организаторы субботников отмечали, что «на фабриках и заводах женщины участвуют и в общих коммунистических субботниках», и выполняют ту же работу, что и мужчины [9. Л.23].

Например, уже в 1921 г. в честь годовщины Октябрьской революции губернским женотделом подготавливались вечера воспоминаний работниц и крестьянок об установлении советской власти в Ярославле, при этом перед женотделом стояла задача не только разыскать способных докладчиц, но и заблаговременно проверить тексты их выступлений и при необходимости внести соответствующие коррективы [15. Л.32]. В 1927 г. в рамках празднования десятилетия Октябрьской революции в клубе им. Томского проводился вечер воспоминаний «старого» (очевидно, первого) состава «слушательниц школы кройки и шитья для женщин – кооператоров» [40. Л.29].

С другой стороны, опасения большевиков, связанные с «угрозой феминизма», формировали скептическое отношение к решению женского вопроса: проявление политической и социальной самостоятельности женщин строго контролировалось. Это привело к появлению довольно неопределенных, противоречивых директив по вовлечению женщин в новую праздничную культуру [458. С.21-40], а также к распространению шаблонов торжественных мероприятий. Несоответствие лозунгов о раскрепощении и реализуемых на практике мероприятий приводило к критике женотделов, в ведении которых находилась подготовка праздников.

Несмотря на неоднозначное отношение к женским праздникам, недостатки организации и трудности в проведении торжественных мероприятий, женщины в первое послереволюционное десятилетие играли заметную роль в праздничной культуре Ярославской губернии. Участие женщин в праздниках наравне с мужчинами способствовало распространению идеи гендерного равноправия. Советская власть, создавая праздник для женщин – День работницы – мыслила его как смотр сил женской части пролетариата: зародившись в тяжелое время, этот праздник носил ярко выраженный военизированный характер, однако со временем был адаптирован под вкусы женщин, стал одним из любимых дней развлечений и отдыха.

2.2. Особенности организации советских праздников для детей и молодежи

В первое послереволюционное десятилетие советская власть уделяла значительное внимание организации детских и молодежных праздников: это было время создания новых праздничных канонов, поиска правильных, с точки зрения господствовавшей идеологии, форм праздничной деятельности.

Праздники, по замыслу их организаторов, должны были служить задаче советизации юных граждан. И если доступ на празднества для взрослых был закрыт для неугодных советской власти (например, зажиточных крестьян, священников), то на детей это правило не распространялось: считалось, что дети подлежат перевоспитанию, поэтому социальное положение ребенка не играло роли в первые послереволюционные годы, к участию в празднике допускались все дети.

В Ярославской губернии накануне праздника Первого мая в 1923 г. каждое пионерское звено получило задание «собрать пролетарских детей – не пионеров – на отрядный или районный городской праздник: целью этого праздника является пропаганда среди детей подготовки к демонстрации» [26. Л.357]. Пионеры подготавливали концертную программу, основное внимание уделяя «живым и увлекательным движениям» - имитации движения строем во время демонстрации. После выступления звучало приглашение для всех собравшихся детей принять участие в праздничной демонстрации в ознаменовании Первого мая [Там же].

К организации физических упражнений, входивших в программу праздничных выступлений детей, привлекались красноармейцы. На фотографии, сделанной во время детского праздника, группа мальчиков выполняет упражнения с гимнастическими палками (возможно, символизирующими, в духе времени, штыки) перед собравшимися зрителями, среди которых как дети, так и взрослые. Фотографу удалось

запечатлеть трогательный момент: самый маленький участник праздника – ребенок, по всей вероятности недавно научившийся ходить, – тянется к гимнастической палке, которую держит в руках красноармеец [Приложение 1].

Одним из распространенных пропагандистских приемов в первое послереволюционное десятилетие было описание участия в большевистских праздниках детей, искренне радовавшихся достижениям республики, несмотря на то, что их родители были противниками советской власти: предполагалось, что этот пример проиллюстрирует верный выбор подрастающим поколением дальнейшего культурного развития.

Организаторы праздников для детей и юношества не скрывали, что им приходится работать со «сложным контингентом» [22. Л.203], главным образом потому, что молодежь «испорчена с малых лет: курит, пьет, ей с детства пришлось испытать всю тяжесть жизни, и холод, и голод, подвергнуться развращенному влиянию улицы, окончательно расстроив здоровье» [217. С.72]. Обеспокоенность тем, что «немало детей пролетариев» вышло «из-под родительского глаза» [Там же] (то есть опеки, заботы – *примеч. авт.*) и начало жить по законам улицы и рынка, приводила к указаниям власти охватить праздничными мероприятиями как можно большее количество детей и молодых людей, предоставив им альтернативу праздному и пагубному времяпрепровождению. Предполагалось, что праздники помогут молодым людям расставить приоритеты и стать достойной сменой их отцов-пролетариев.

Для разработки праздников создавались комиссии, обеспечивавшие организацию торжественных мероприятий на региональном и местном уровне, и в том, как воплощались в жизнь в провинции столичные праздничные формы, отражался процесс советской стандартизации. Но вместе с тем сохранялись и развивались местные особенности, и в этом проявлялась многомерность культурной жизни в первые послереволюционные годы.

Для детского и юношеского возраста в «Красном календаре» предусматривались свои регулярные праздники, главными из которых были признаны День ребенка и Международный юношеский день (МЮД) [255] – праздник, организуемый, главным образом, для пионеров и комсомольцев.

Впервые День ребенка в Ярославской губернии был проведен в 1920 г. под следующими лозунгами: «Воспитание здорового духом и телом поколения – фундамент строительства новой жизни» и «Здоровье детей – дело рук самих рабочих» [10. Л.5]. Данный праздник во многом использовался для пропаганды среди детей здорового образа жизни. Накануне Дня ребенка проводились субботники, участники которых привлекались к улучшению санитарно-гигиенической обстановки в детских домах, что, по мнению организаторов, это способствовало «оздоровлению детей» [Там же]. Забота о здоровье подрастающего поколения выразилась и в том, что в День ребенка было улучшено питание в школах I ступени и в детских домах: в голодное время, каким были первые послереволюционные годы, «обед с мясом» был редким явлением в жизни детдомовцев [Там же]. В качестве подарка воспитанники детских домов Ярославля получили обувь, соответствовавшую наступившему теплому времени года: для изготовления подарка в срок в городе были «мобилизованы сапожные мастерские» [Там же. Л.6]. Праздничным развлечением для детей в этот день были спектакли и киносеансы, а также катание на карусели и участие в хороводах [Там же].

В Угличе День ребенка прошел 8 августа 1920 г.: праздник был организован как для воспитанников детского дома, так и для городских детей. По случаю праздника воспитанники детского дома были одеты в парадную одежду: девочки в белые передники и платочки, а мальчики – в белые рубашки, на груди детей и воспитателей было украшение в виде банта [Приложение 12]. Юные горожане, допущенные к участию в празднике, выглядели не столь нарядно, многие дети были босиком. Основные праздничные мероприятия прошли в исторической части города, а фотография участников праздника сделана возле бюста Карла Маркса –

одного из самых первых памятников революционной эпохи в Угличе. Одним из главных лозунгов праздника был призыв «Дорогу вперед юным коммунарам», транспарант с этим лозунгом возвышался над воспитанниками детского дома: жизнь лишенных семьи детей преподносилась как подготовка к жизни в коммуне.

В Ярославской губернии Международный юношеский день стал заметной праздничной вехой с 1923 г.: в этот год МЮД решением губернской праздничной комиссии был объединен с Днем допризывника. В демонстрации и праздничном митинге, состоявшемся на площади Мира, принимали участие воспитанники детских домов, школьники, отдельными колоннами шли пионеры, комсомольцы (оговаривалось, что «комсомольцы до 30 лет включительно участвуют в демонстрации в рядах комсомола, а старше – в ярославском батальоне ЧОН» [21. Л.156]), красноармейцы и «допризывники, объединенные с парадом ЧОН 52 полка и спортсменами» [Там же]. Во время остановок демонстрантов устраивались выступления, подготовленные Бюро Юных Пионеров, свое мастерство показывали спортсмены, организовывалось также торжественная процедура вступления «выделенных пионеров» в комсомол [Там же. Л.151].

В 1924 г. участников демонстрации⁶⁴, посвященной Международному юношескому дню, приветствовали «делегаты от рабочих, от женотделов, представители партийных, профессиональных и советских организаций» [29. Л.55].

На молодежь был ориентирован и праздник День допризывника, главной целью которого была популяризация службы в Красной Армии. Официальной частью праздника могли быть так называемые «парады допризывников» - смотр будущего пополнения «Красной Армии». Для юношей это был первый парад в их жизни: участие в параде армейского

⁶⁴ Состав участников остался практически неизменным: «комсомольцы, рабочая молодежь, детские коммунистические группы имени товарища Ленина /организация Юных Пионеров/ с вовлечением детей из детдомов, школ I ступени, при участии: Красной Армии, допризывников, организаций физической культуры, учащихся школ II ступени и Техникумов» [29. Л.55].

командования не позволяло относиться к нему как к игре или развлечению – это было торжественное мероприятие [Приложение 13].

Подрастающему поколению отводилось привилегированное место в общем строю во время основных советских праздников: мы во многом согласны с утверждением исследовательницы Моны Озуф, что само участие детей в революционных праздниках рассматривалось организаторами как залог их успешного проведения [337. С.27-32]. В Ярославской губернии, как и по все стране, дети и молодежь обязательно принимали участие в торжественных демонстрациях, устраиваемых в честь государственных праздников. В предпраздничные дни выпускались прокламации, призывавшие детей и молодых людей демонстрировать «... свою готовность быть сменой борцам революции», показать «... всей стране, всему миру Вашу организованность, выдержанность и подготовленность» [33. Л.12]. В Ярославле первого мая 1919 г. колонна, состоявшая из мальчиков и девочек, державших в руках живые или искусственные цветы, прошла «с Театральной площади на Волжскую набережную, мимо Дома Народа, к Некрасовскому бульвару, на Красную площадь, на Гражданскую улицу, на Духовскую, на улицу Свободы, на Советскую площадь» [183].

Маленькие дети не могли пройти весь маршрут демонстрации бодрым шагом, держа равнение, предусмотрев это, организаторы использовали для перемещения детей автомобили, идущие со скоростью движения колонн демонстрантов, тем самым являясь их продолжением. Как правило, использовались грузовые автомобили: в их открытый прицеп тесными рядами устанавливались сидения для детей. Автомобили украшались, а дети, проезжавшие в них, могли держать транспарант с лозунгом или флаг. Перемещение на грузовом автомобиле давало детям еще одно преимущество: они могли наблюдать за ходом праздника с возвышения, что позволяло лучше видеть праздничное действо.

На фотографии празднования Октябрьской революции начала 20-х гг [Приложение 14] на переднем плане - грузовой автомобиль с детьми,

остановленный в центре большой лужи. Дети смотрели выступления на митинге, поэтому они стояли спиной к фотографу, и только находившийся у левого борта грузовика маленький ребенок, в силу возраста неспособный понять смысл праздника, смотрел прямо в объектив.

В праздничной демонстрации, посвященной девятой годовщине Октябрьской революции принимали участие дети, начиная с трехлетнего возраста: губернская комиссия по подготовке праздника была озабочена поиском подходящего транспорта, который бы провез маленьких детей по намеченному маршруту. Губернский отдел народного образования, ответственный за выбор из числа детдомовцев участников демонстрации, настаивал на том, что грузовая машина для этой цели не подходила, поскольку детям не обеспечивалась должная безопасность. Проблема разрешилась после того, как легковой автомобиль, находившийся в ведении ярославского отделения Советского торгового флота, поступил в распоряжение праздничной комиссии – именно на этой машине маленькие ярославцы (с трех до восьми лет) и совершили поездку по маршруту демонстрации [36. Л.103, 105].

Официальной частью праздников для детей в Ярославской губернии также считались доклады и лекции: подрастающему поколению объяснялось значение всех праздников, включенных в «Красный календарь». Дети и молодые люди, принимавшие участие в общегородской праздничной демонстрации, заслушивали выступления ораторов наравне со взрослыми, но в пионерских клубах, школах и детских домах ставились и отдельные доклады, составленные с учетом возрастных особенностей слушателей. Даже самые маленькие дети в праздники попадали в поле зрения агитаторов, например, в честь праздника Октябрьской революции в 1926 г. в ярославском детском саду «Елочка» для детей звучал доклад «Почему мы празднуем Девятый Октябрь» [Там же. Л.118].

Как показала практика, дети обращали пристальное внимание на украшение городских улиц, поэтому ответственные за проведение праздника

лица постарались придавать им торжественный вид: «Всюду развешивались красные флаги, дома и здания, в которых помещаются общественные учреждения и организации, были обвиты гирляндами из хвои, красной материи, на многих были вывешены плакаты с бодрящими лозунгами, выставлены портреты вождей пролетариата – тт. Ленина, Троцкого, Маркса и др., на площади возвышались красивые мачты, на бульварах и на Советской площади были поставлены нарядные палатки» [183]. Большим сюрпризом для юных ярославцев были устраиваемые по большим праздникам салюты и фейерверки.

Но не только зрелищность привлекала юных горожан, не меньшую роль играло желание принять участие в праздничных состязаниях, выиграть призы, а в тяжелые годы гражданской войны возможность получить угощение, которое часто состояло из горячего сладкого чая с булкой. Статья в газете «Юный коммунар» в октябре 1919 г., сообщая о празднике в честь закрытия детской губернской площадки, подробно описывала меню праздничного вечера: «... для детей и руководительниц устроено угощение: горячий суп с хлебом, яйца, детям был выдан шоколад и ландрин» [237]. В ознаменование второй годовщины Октябрьской революции в Ярославле «во всех школах детям приготовлено было угощение» [191]. В 1924 г. в честь Дня Кооперации воспитанникам детских домов организовали праздничное чаепитие в буфете парохода, на котором совершалась экскурсия по Волге: каждый ребенок получил стакан чая, булку из белой муки, 1/4 фунта колбасы и 1/8 фунта сыра, все угощение стоило 30 копеек на человека [29. Л.25].

Развлекательные мероприятия, устраиваемые в дни советских праздников, были привлекательны для детей и подростков, что иногда создавало проблемы организаторам праздников. Например, заведующий управлением театрами Л.В. Харитонов в докладной записке председателю праздничной комиссии по проведению праздника в честь Октябрьской революции в 1926 г. отмечал, что «опыт прошлых кампаний показал, что

когда кино предоставляется вечером для взрослых, то всегда на 75% попадают в кино дети» [36. Л.16]. Праздничные киносеансы, не предназначенные для детской аудитории, становились для детей скучными и непонятными, поэтому они начинали шуметь, что мешало взрослым зрителям. Праздничной комиссией было принято решение строже пресекать «передачу детям билетов родителями» [Там же].

Тем не менее, было бы ошибкой говорить, что кинотеатры в праздничные дни обслуживали лишь взрослое население – днем устраивался показ кинокартин для детей, например, в 1926 г. в День Кооперации подростки могли посмотреть фильмы «Красные дьяволята» и «Оливер Твист» [34. Л.50], а в честь десятилетнего юбилея Октябрьской революции для детского киносеанса был отобран фильм «Династия Романовых», призванный сформировать у подрастающего поколения «ненависть к царизму» [40. Л.9].

Иная ситуация, по сравнению с кинотеатрами, наблюдалась в праздничные дни в театрах: в том же 1926 г. председатель губернской комиссии по организации девятилетней годовщины революции Колесникова с горечью отмечала, что «дети мало бывают в театре», и еще на этапе планирования праздничных мероприятий были внесены изменения в репертуар театра им. Ф.Г. Волкова – пьеса «Цемент», подготавливаемая труппой к 7 ноября, признавалась сложной для восприятия ее детьми, поэтому режиссеру театра вменялось в обязанность постановка детского праздничного спектакля [35. Л.30].

Организовывая детские праздники, большевики учитывали потребность ребенка в игровой деятельности. Игра является эффективным средством формирования личности, морально-волевых качеств, в ней реализуется стремление воздействовать на мир, поэтому при подготовке праздничных мероприятий значительное место занимала разработка игр, при этом приоритетными были подвижные, а не интеллектуальные игры. Отмечалось, что подвижные игры благотворно влияют не только на

физическое развитие ребенка, но и на его психику; даже самые простые из них развивают силу, выносливость, ловкость, сообразительность, вырабатывают волю, характер, находчивость.

К играм, которые были представлены на праздниках, предъявлялись особые требования. Во-первых, в них должен был присутствовать элемент неожиданности, необычности, новизны, что позволяло создать позитивный настрой у детей, вовлечь их в игровую деятельность. Связь праздничных игр с идеологией, о которой пойдет речь ниже, позволяла наполнять даже хорошо знакомые игры новым содержанием, что являлось гарантией видимой неповторимости игр, их разнообразия. Во-вторых, должен был использоваться воспитательный потенциал игры. Играя, дети учились выстраивать коллективные взаимоотношения; учились подчиняться командным решениям с одной стороны, а с другой – быть лидерами, капитанами. В-третьих, игры должны были служить физической подготовке подрастающего поколения, в которой виделся залог будущей успешной военной службы. Яркое тому подтверждение – рекомендации, разработанные к играм, проводимым на Международной Детской неделе: предполагалось, что даже явиться для участия в них дети должны определенным образом подготовившись и настроившись: «один отряд идет, весь одетый в самодельные противогазы, другой – вооружившись луками и стрелами, третий – с самодельными ружьями...» [254. Л.44].

При организации праздничных мероприятий желательна была ориентация игр «на злобу дня». В 1921 г. режиссер Волковского театра Эрманс, разработавший сценарий «праздника Третьего Конгресса III Интернационала»⁶⁵, включил в него подвижные игры и конкурсы, ориентированные на молодых людей. Перед Эрмансом стояла задача «придать политический характер» таким мероприятиям, как «1) лазание на столбы, 2) бег с препятствиями, 3) хождение по краю доски, 4) бой мешками» [16. Л.36], на первый план выходила не спортивная составляющая конкурсов,

⁶⁵ Так назывался праздник в официальных отчетах [16].

а их идеологическая подоплека, которая появилась только благодаря стараниям режиссера. Со столбов сбивались аллегорические фигуры белогвардейцев, капитализма, голода; на препятствиях, которые преодолевали соревновавшиеся, было написано «разруха», «саботаж»; по узкому краю доски проносили эмблему с надписью «Мировая революция». По сценарию Эрманса, бой мешками должен был проходить между «красными» и «белыми», однако не ясно, как данная игра воплощалась на практике, поскольку о победе «белых» над «красными» во время советского праздника не могло быть и речи. Спорным остается вопрос и о том, как проходило деление участников на «красных» и «белых», имела ли место необъективность судейства или «белых» изображали артисты, в нужный момент уступавшие первенство «красным» [Там же].

Удачно разработанными, с нашей точки зрения, были игры, представленные ярославским губернским бюро юных пионеров, для праздников в летних лагерях. Названия многих игр повторяли известные лозунги того времени: «Крепи кооперацию», «Долой неграмотность». Такие игры, сопровождавшиеся предварительным разъяснением, давали детям возможность на эмоциональном уровне прочувствовать важность этих призывов, вызвать симпатию к ним. Не удивительно, что, играя, дети старались догнать и поймать как можно больше «несознательных неграмотных» и привести их в специально обозначенный на игровой площадке «ликпункт», или перескочить через высоко натянутую веревку, держа за руку «крестьянина», чтобы пополнить ряды «кооператоров». Не оставалась без внимания организаторов праздника и международная обстановка.

Ненависть к фашизму помогала сформировать игра «Спасай от фашистов»⁶⁶, а игра «Китай восстал» знакомила детей с революционной ситуацией в Китае, вызывала сочувствие к угнетенному китайскому

⁶⁶ Уже в 1922г. советская власть утверждала, что «одна из важнейших задач коммунистической партии состоит в организации сопротивления международному фашизму», поскольку «фашисты... образуют вооруженные с ног до головы контрреволюционные боевые организации».

населению. Организаторы привнесли момент ролевых игр, что сделало подвижные игры еще более увлекательными⁶⁷. Однако не все праздничные игры содержали в себе идеологическую или политическую составляющую. Дети в ярославских пионерских лагерях с удовольствием играли в «Главрыбу» (этим почетным в среде ребят званием награждался самый быстрый и ловкий из всех участников, изображающих рыб, которого не смогли поймать «рыбачки»). Особую прелесть этой игре придавал соревновательный дух [254. С.41-58].

Для многих детей, переживших ужасы первой мировой и гражданской войны, участие в игре само по себе было праздником, это понимали организаторы мероприятий, поэтому они старались вовлечь в игровую деятельность как можно больше детей. Подготавливая праздники для пионеров, организаторы приглашали на них так называемых «неорганизованных», то есть ребят, не состоящих в пионерской организации, и, как правило, проживающих в сельской местности. Праздник был редким явлением в жизни этих детей, вынужденных работать наравне со взрослыми, поэтому даже после работы они находили в себе силы участвовать в праздничных подвижных играх.

Для юношей организовывались спортивные праздники, которые в большей степени, нежели подвижные игры, были ориентированы на результат, победу. Спортивные праздники служили пропагандой здорового образа жизни, поэтому организаторы устраивали не только состязания, которые могли привлечь любителей спорта, но и популярные спортивные инсценировки, привлекающие своей красочностью и юмором. Например, в Ярославле в Международный юношеский день в 1927 г. прошла инсценировка «Спорт за границей»: на сцене появился «спортсмен-

⁶⁷ Так, например, в игре «Китай восстал» дети организовывали три круга. Находящиеся во внешнем круге изображали китайских и помогающих им советских революционеров; следующий круг изображал злобных китайских полицейских, целью которых было сохранение существующего режима; наконец дети во внутреннем круге изображали угнетенное китайское население. Цель «революционеров» - прорваться к «угнетенным», этому препятствуют «полицейские». Но если «революционеры» прорвались к угнетенным, то они вместе начинают преследовать «полицейских». Осаленный «полицейский» должен встать на колени. Игра шла до тех пор, пока все «полицейские» не оказывались на коленях [254. С.41-58].

барчонок», увешенный медалями, которому слуги делали массаж, а когда советский спортсмен вызвал его на поединок, он испугался, отказался от состязания и убежал [Там же. С.105].

Спортивное общество «Спартак» рекомендовало к постановке несложные инсценировки, например, «Дружба с солнцем»: «Выбираются несколько черных от загара, стройных ребят. На сцене-площадке разыгрывается маленькая сценка между ними и хилыми, белыми ребятами, скулящими на плохое самочувствие» [256. С.105]. Выступления юных спортсменов общества «Спартак» организовывалось во время советских праздников на открытом воздухе, являлось их украшением [152; 342]; с нашей точки зрения, удачно было подобрано место выступления юношей и девушек рыбинской группы «Спартака» [Приложение 15]: сложная в исполнении трехуровневая «пирамида» была продемонстрирована зрителям на живописном берегу Волги.

Так называемые «парады физкультурников» в первые послереволюционные годы могли быть частью праздничной демонстрации, равно как и официальной частью спортивных праздников. В 1922 г. в рыбинском параде физкультурников принимала участие, главным образом, молодежь города: молодые спортсмены, разбитые на группы, каждая из которых имела свою собственную спортивную форму, прошли по историческому центру города [Приложение 16]. Подобные парады, сочетавшие торжественность и зрелищность, популяризировали занятия спортом, рассматривавшиеся как подготовка к несению воинской службы в Красной Армии. Спортсменам регулярно напоминали об угрозе капиталистического нападения, и спорт для них был одной из форм подготовки к защите Родины.

Для детей устраивались специальные спортивные состязания, например, прошедший в июне 1923 г. «Морской конкурс» является примером хорошей организации спортивных праздников для пионеров. Ярославское звено «Безбожник» и любимское звено «Спартак» состязались в

обустройстве лагеря в походных условиях, в умении оказывать первую помощь пострадавшим, в добывании огня, в ориентировании на местности. Были устроены соревнования по прыжкам, бегу на 60 и 750 метров, коллективной гребле «на расстояние более $\frac{1}{2}$ версты», плаванию «на 90 шагов» [4. Л.107].

В Ярославской губернии, как и по всей стране, субботники, наряду со спортивными торжественными состязаниями, объявлялись праздниками будущего, дети и молодежь обязательно привлекались к участию в них. Например, в первомайский субботник 1919 г. в селе Курба было решено устроить «праздник деревонасаждения»: дети обсадили березками здание Исполкома и маленький участок перед ним, а также здание почты. После работы детям было предложено угощение, состоявшее из чая с молоком и сахаром, а потом для них был организован концерт в Народном доме [184]. Субботники использовались и для того, чтобы сделать жизнь детей лучше: как уже отмечалось, женщины, принимающие в них участие, направлялись в Дома матерей, Дома ребенка, где они стирали, мыли, шили и даже укладывали дрова в поленницы – это была реальная помощь детям.

Необходимо отметить, что приоритетной составляющей праздников было воспитание подрастающего поколения как граждан советского государства [489]. Тезис о недопустимости религиозного мировоззрения среди детей и юношества повлек за собой борьбу с посещением ими храмов [502]. С целью отвлечения внимания молодых людей от церковных торжеств советской властью устраивались так называемые «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха», ставшие апофеозом антирелигиозной пропаганды. Кульминацией этих праздников во многих крупных населенных пунктах стало «сожжение богов»: по всей стране пылали костры из икон, облачений священников, предметов культа.

В Ярославле «комсомольское рождество» проводилось в 1923 г. В каждом из городских районов была своя программа праздничного вечера, состоящая из антирелигиозной лекции, театральной постановки (ставились

пьесы «Молитва Богу», «Ночь на Рождество», «Три Христа») и танцев [24. Л.8]. Заключительным этапом празднования объявлялся карнавал с последующим «сожжением богов». Карнавал устраивался ночью, организаторы рассчитывали время его проведения и маршрут таким образом, чтобы участники антирелигиозного шествия встретились с верующими, идущими крестным ходом по случаю великого праздника. Атрибуты карнавала носили провокационный характер: в руках безбожников были православные иконы, самостоятельно выполненные рисунки с изображениями святых («антирелигиозные иконы»); специально изготовленные из соломы чучела, которые должны были олицетворять святых, были одеты в праздничные облачения священников. Организаторы поощряли участников в маскарадных костюмах. Перед непосредственным «сожжением богов» ответственные лица произносили речи. В отчете комиссии по проведению комсомольского рождества в Третьем районе Ярославля читаем: «... т. Степанов в коротких словах говорит, что раз мы собираемся сжечь богов, то уже не должны больше верить во все божества, и тут же под марш оркестра, песни и пляску маскированных чучело, изображающее бога, поджигается и сгорает» [Там же. Л.40].

«Сожжение богов» привлекло значительное количество участников, так, в Первом районе Ярославля на комсомольском рождестве присутствовало 600 человек; по сведениям Второго Яргоррайкома «карнавальная манифестация» растянулась приблизительно на $\frac{1}{2}$ версты, и театр, вмещающий около 1500 человек, был переполнен» [Там же. Л.39]; в Третьем районе в антирелигиозном вечере приняло участие не менее 500 человек [Там же]. Однако, как следует из отчета в Агитпроп Губкома, «при сожжении бога присутствовало 300 человек, часть разошлась по домам еще до сожжения». Ответственные лица постарались дать логическое объяснение этому факту: «Многие были пришедши целыми семьями с малыми детьми, конечно, не допускаю мысли, что эта публика, ушедшая раньше, пошла в церковь» [Там же. Л.40]. Организуя такое провокационное мероприятие, как

«сожжение богов», большевики настаивали на фиксации общественного мнения о проводимом карнавале. Согласно отчету, результатом «сожжения богов» во втором районе Ярославля стало то, «что у попов сорвана заутреня, мнение от этого в массах осталось таково: что одни говорят, что раз сожжение и ничего не было, значит богов не было, а другие говорят, что от комсомольцев отступился и сам бог» [Там же. Л.39].

Скептическое отношение части ярославцев к «комсомольскому рождеству» выдают строки отчета в Губкомиссию, сообщающие о мнении о данном мероприятии тех, кто не присутствовал на празднике. На вопрос, почему они не приходили, был получен ответ: «Да мы ведь не думали, что кто-нибудь на вашем вечере будет» [Там же. Л.40]. Были попытки противостоять богохульному мероприятию, организаторы с горечью констатируют тот факт, «что все наши плакаты... были в одну ночь решительно везде сорваны» [Там же. Л.39].

С целью предоставить детям альтернативу посещению праздничных богослужений в храмах, большевиками разрабатывался план мероприятий на каникулы. Например, в 1924 г. ярославским пионерам предлагалось провести рождественские праздники в отряде, причем в первый день назывался «большим клубным днем», потому что устраивалось сразу два антирелигиозных вечера: комсомольский и пионерский. На второй день был запланирован воскресник по расчистке от снега клубного двора, а в третий день пионерам предлагалось посетить детские дома и провести там «большую общественно-трудовую работу», которая включала в себя «колку и пилку дров, починку белья и мебели, игры с маленькими детьми и так далее» [27. Л.84-85].

Для воспитанников детских домов силами пионеров подготавливались небольшие сообщения или беседы о рождестве, при этом докладчики «должны были твердо усвоить, что сейчас переходим от «антипоповщины» к научно-религиозным формам пропаганды [Там же]. Примечателен тот факт, что верующие в дни рождественских праздников по традиции также

стремились помочь тем, кто попал в трудную жизненную ситуацию, в том числе и детям-сиротам, так что советская власть в некоторой степени соревновалась с верующими в оказании помощи.

Одной из самых любимых детьми праздничных традиций был обычай украшать рождественскую елку [177], однако борьба власти с религиозным мировоззрением детей не могла не сказаться на ней. Негативное отношение большевиков к елкам выразил в сатирическом стихотворении эмигрантский поэт Валентин Горянский:

Скоро будет Рождество –
 Гадкий праздник буржуазный,
 Связан испокон веков
 С ним обычай безобразный:
 В лес придет капиталист,
 Косный, верный предрассудку,
 Елку срубит топором,
 Отпустивши злую шутку.
 Тот, кто елочку срубил,
 Тот вредней врага раз в десять:
 Ведь на каждом деревце
 Можно белого повесить!

(1919 г.) [Цит. по: 367. С.79].

В первые годы после революции в Ярославской губернии елки еще не были под повсеместным запретом, хотя они постепенно становились атрибутом новогоднего праздника, а не Рождества⁶⁸. Запрет на елки лишал зимний праздник главного атрибута, поэтому он не воспринимался детьми: «...были случаи, когда «они ставили в центр залы импровизированную елку (швабру) и водили хороводы» [365. С.91].

⁶⁸ К.И. Чуковский 25 декабря 1924 г. оставил в дневнике запись: «... был поражен: сколько елок! На каждом углу самых безлюдных улиц стоит воз, доверху набитый всевозможными елками... Но «Красная газета» печатает: в этом году заметно, что рождественские предрассудки – почти прекратились, на базаре почти не видно елок – мало становится бессознательных людей» [249.С.300].

Пионерские отряды стремились проявить изобретательность, украшая елки на новый лад. Рекомендовалось использовать световые лозунги – изречения вождей пролетариата, смастерить игрушки, отражающие достижения отряда, «одним словом, на оборудование елки надо обратить особое внимание, поставив дело так, чтобы она была действительно «Красной елкой» [27. Л.84-85]. Однако не были забыты и традиционные елочные самодельные украшения: из бумаги клеились цепи, вырезались снежинки, из ваты делалась имитация снега.

К содержанию праздничных программ, устраиваемых в дни религиозных праздников, предъявлялись особые требования: власть призывала к переходу от развлечений и отдыха к критическому осмыслению детьми политической ситуации, сложившейся в стране советов. Например, в 1925 г. организаторам пионерской елки предлагалось в доступной для детского восприятия форме отразить международное положение СССР, особое внимание уделив «деятельности Керзона, Макдональда и других типов» [Там же. Л.85]. Традиционное исполнение детьми колядок запрещалось организаторами елок с 1924 г.: так, в 1923 г. разрешено было «колядование пионеров только в клубах со сбором в пользу детей Германии» [22. Л.229].

Заключительным этапом новых революционных праздников для детей являлись вечера в клубе пионеров [подробно об этом: 366; 231; 477; 478]. Приготовления к ним начинались с «приведения в должный порядок» помещения клуба; в статье, посвященной празднованию второй годовщине комсомола в одном из клубов Ярославля, так описывалась атмосфера подготовки к празднику: «Накануне... в секретариате весь день стоит «дым коромыслом»: все приходят, уходят, опять приходят и так без конца. У всех есть свое дело, «безработных» нет, даже самые злостные лентяи и те работают – стыдно будет, если праздник провалится» [207].

В качестве праздничного оформления рекомендовалось устройство в видном месте «уголка Ленина»; также в первые годы после Октябрьского

переворота в ярославских клубах для детей устраивались «уголок Троцкого», «уголок Либкнехта». Чтобы придать помещению торжественный вид, его украшали флажками, лозунгами, портретами вождей, даже еловыми и сосновыми ветками, если не было средств на приобретение праздничных аксессуаров.

Праздничное убранство помещений описывалось в газетных статьях, освещавших советские торжества, при этом положительных оценок авторов добивались необычные декорации: чем причудливее были украшены клубы, тем больше на них заострялось внимание. В первые послереволюционные годы важна была не столько эстетика декораций, сколько их аллегоричность, понятная даже малограмотным посетителям. Например, похвалу заслужило оформление зала для празднования второй годовщины рабфака на фабрике «Красный Перекоп»: «по одну сторону от зрителей – станок, по другую по рельсам на всех парах мчится паровоз, а перед ним – красные слова плаката, высоко в воздухе парит крылатый конь – Рабфак» [215. С.33].

В День советской пропаганды в г. Пошехонье-Володарск в клубе имени Карла Либкнехта для детей устраивалась книжная выставка «Мир сказок»: выставочный стенд достигал потолка, при его оформлении были задействованы плакаты, изображавшие героев сказок, лозунги⁶⁹, напечатанные на длинных бумажных листах, еловые ветви [Приложение 17].

Неизменным атрибутом клубного праздника была стенгазета, привлекающая внимание всех присутствующих, так как использование ее в качестве наглядного пособия было новацией в подготовке праздничных мероприятий. Залогом успеха стенгазеты была яркость и красочность выполнения, обращение к злободневным темам, доступность языка. Одним из достоинств стенгазеты была относительная легкость изготовления, незначительные материальные затраты, гарантирующие в условиях скромного финансирования детских и юношеских праздников ее

⁶⁹ Лозунги, используемые клубными работниками для привлечения внимания детей к книжной выставке: «От сказок – дружба с книгой на всю жизнь», «Из книги познаешь себя и весь окружающий мир», «Дети! Читайте сказки», «Кто не читал сказок – не был юным», «Сказки – первая духовная пища для юных читателей!».

повсеместное распространение как средства агитации. В Рыбинске с 1918 по 1924 гг. вниманию населения были представлены стенгазеты, обновлявшиеся достаточно регулярно: «Двигатель», «Красный набат», «Юный водник», «Клич Комсомольца», «Провод», «Красный колокол», «Хлястик», «Возрождение», «Заря печати», «Юный текстильщик», «Молодой безбожник» [214].

Помимо стенгазет, организаторы праздников в Ярославской губернии устраивали так называемые «живые картины», что также объясняется доступностью их выполнения. Например, в честь праздника шестой годовщины Октябрьской революции в ярославских клубах прошла постановка «живой картины», построенная на сравнении жизни пионеров в Советском союзе и Германии. Кульминацией «живой картины» была инсценировка свершившейся в Германии революции по большевистскому образцу [22. Л.202-203].

Пробуждению чувства гордости за свою Родину, которого добивались разработчики «живых картин», способствовало сопоставление реалий советской и дореволюционной действительности, демонстрируемое на торжественных вечерах. Так, в день десятилетней годовщины Октябрьской революции учреждения Ярославского ОНО принимали участие в карнавальной шествии, используя автомобиль и две повозки для демонстрации достижений в деле образования: задачей работников образования было показать «...старую и новую школу, иллюстрировав количество школ и учащихся до 1917 и к 1927 годам..., косность, темноту и невежество (на одной стороне повозки), клуб, библиотеку, избу-читальню (на другой)...., производственную работу учащихся индустриальных учебных заведений» [6. Л.24]. Естественно, что организаторы праздников строго следили за тем, чтобы количественные и качественные показатели отражали улучшение в жизни советских людей.

Создатели «живых картин» утверждали, что материала для них «всегда хватит..., ибо момент наш очень «текущ» [233], и советовали по

возможности организовывать после их просмотра киносеансы или концерты. Праздничные концерты, как правило, ставились силами пионеров и комсомольцев, журнал «Под ленинским знаменем» призывал их «возможно шире развернуться, не жалеть своей молодой энергии» [218]. Сценарии пьес, несложных в постановке, накануне праздников помещало большинство печатных органов Ярославской губернии, но помимо этого выпускались специальные сборники, в которых помимо пьес можно было найти подходящие случаю стихи, тексты и ноты музыкальных произведений [354. С.17, 92, 600-601]. Обязательным для исполнения был «Интернационал» [318. С.28], им открывались и закрывались праздничные мероприятия; одной из самых распространенных песен была «Варшавянка», песня «Взвейтесь кострами, синие ночи» регулярно исполнялась на детских праздниках и стала неофициальным гимном пионерии, а комсомольцы с удовольствием исполняли песню «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

В праздничных концертах песни играли ключевую роль в создании торжественной атмосферы: совместное исполнение праздничных песен помогало создавать чувство сплоченности, единения, общности целей, восторга. Не случайно уже в 1919 г. организаторами революционных праздников для детей было высказано предложение школьным работникам «создавать детские хоры, знающие революционные песни», чтобы в день праздника они слились «в один великий и радостный хор» [186].

Но не все музыкальные произведения получали одобрение, главным образом, это касалось танцевальных мелодий. С 1919-го г. в Ярославле началась борьба с неорганизованными празднованиями, особым нападкам подвергались молодежные танцевальные вечера и маскарады, объявлявшиеся пережитком прошлого. «Устраиваемые вечера по своему рекламному назначению и внутреннему содержанию удивительно бессодержательны и пусты» - утверждал корреспондент газеты «Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской

губернии» Дивногорцев и предлагал проводить вместо них «познавательные лекции, диспуты или, на худой конец, литературные вечера» [204].

Но, несмотря на критику, балы, вечера и маскарады оставались излюбленным видом отдыха [416. С.481-482], привлекали молодых людей, и организаторы праздничных мероприятий вынуждены были учитывать этот факт, включая танцы в программу. Статья «В вихре вальса» рыбинской газеты «Путь молодежи» иронично описывала поведение молодых людей на одном из вечеров: « ... там «за далью непогоды», за декламацией и спектаклем чарующим огоньком мерцало слово «танцы». То-то засуетились, то-то захлопали. Моментом стулья унесли, пол подмели, чистехонько, любо глядеть. Экая жадность к труду, а говорят молодежь ленива...» [231] Популярность танцев была столь велика, что даже большие залы не могли вместить всех желающих: «Кружиться-то не приходится, ибо тесно до того, что между двумя парами руки не пропихнешь, и злосчастные танцоры ограничиваются меланхолическим покачиванием» [Там же].

Особое негодование противников танцев вызывали школьные вечера: «Маскарад – вечер пошлого, развратного времяпрепровождения для буржуев и белогвардейцев, а они там были: эти богатые наряды, домино и физиономии об этом свидетельствуют, и это в храме науки, в гимназии имени великого нашего учителя К. Маркса!» [176]. Под напором критических статей, регулярно появлявшихся в прессе, устроители праздников постепенно стали исключать танцы, а ярославский Губком даже издал циркуляр, в котором выражалась готовность «всячески поддерживать и поощрять перелом от однобокой театральщины и танцулек к углубленным и с идейным содержанием формам деятельности» [26. Л.241]. Однако танцы никогда не исчезали полностью из праздничной программы.

Дети и молодые люди были одними из главных участников и зрителей советских торжеств; они с удовольствием подготавливали концерты, посвященные революционным событиям, и школьные вечера, изготавливали украшения, принимали участие в праздничных состязаниях. Для молодого

поколения пионерские и комсомольские атрибуты в то время были экзотикой, областью новой и популярной, активно пропагандируемой властью. Конечно, праздники в сознании детей, особенно младшего возраста, оставляли отрывочные воспоминания, однако они были позитивно окрашены. Например, учащийся школы I ступени города Рыбинск Б. Ратнер после посещения демонстрации, посвященной второй годовщине революции, выразил свои впечатления от увиденного в стихотворении, которое газета «Товарищ» опубликовала, к сожалению, в сокращенном виде:

На площади народу много
Демонстрацию глядят,
И потом послушать надо,
Что за речи говорят...
И в такой Великий Праздник
Все столовые бесплатны,
Для детей же вечеринки
Были устроены парадны...
Наделили всех гостинцами –
Раздавали и игрушки... [235].

С нашей точки зрения, при условии, что организаторам удавалось добиться позитивного восприятия советских праздников детьми и молодежью, в среде подраставшего поколения складывалась благоприятная обстановка для закрепления не только внешней, атрибутивной стороны новой советской идеологии, но и ее внутренних, содержательных моментов.

Однако достичь безусловно положительного восприятия праздника организаторам торжеств было крайне сложно, виной тому и нехватка средств, и разработанные без учета местной специфики программы, и неподготовленность публики, поэтому в проведении праздничных мероприятий накладки были не редкостью. О неудачном школьном праздничном концерте написала статью одна из учениц: «Артистами, любителями, пьеса сыграна довольно удачно, но нельзя обойти молчанием

возмутительного поведения учеников, с хохотом и криками слонявшихся целыми вереницами по коридорам здания во время действия» [236]. Девушка сожалеет об упущенной возможности насладиться концертом: «В следующий раз тем, кто заведует постановкой спектаклей, нужно принять все меры к тому, чтобы такого безобразия не повторялось, и чтобы ловеласы-жеребчики находили более подходящее место для флирта, чем здание Советской школы» [Там же].

Таким образом, в Ярославской губернии (области) организаторы праздников для детей и юношей стремились использовать в своей работе новации: киносеансы, «живые картины», стенгазеты, элементы антирелигиозной пропаганды. К праздничным мероприятиям предъявлялись особые требования: доступность для восприятия, красочность исполнения, оптимистический настрой. Праздники должны были еще раз подчеркнуть, что молодому поколению повезло родиться в Стране Советов, и вместе с тем регулярно звучал призыв в случае опасности защищать свою Родину, поэтому торжества зачастую носили военизированный характер.

Подрастающему поколению ярославцев внушали, что они не просто участвуют в демонстрации – они осуществляют смотр сил пролетариата, они не просто соревнуются в беге или прыжках – они готовятся к службе в Красной Армии. Организаторы праздников привлекали внимание детей и молодежи к тому, что именно им предстоит жить в новом советском мире, нести ответственность за достижение Октября, поэтому юные ярославцы должны были понимать, что праздник – это не повод для расслабления и потери бдительности, а возможность подвести итоги. Идеологи внушали молодым людям, что «для Советской России время праздников, как мы привыкли их понимать и проводить в старое время, прошло, мы не желаем сейчас в так называемые праздники, когда мы освобождаемся от повседневной работы, сидеть сложа руки» [196].

Однако дети и молодые люди видели в праздниках, главным образом, возможность отдохнуть, развлечься, торжества давали возможность

выбраться из рутины будней, раскрасить повседневную жизнь яркими красками. Поэтому организаторы советских праздников должны были учитывать этот фактор, чтобы обеспечить посещаемость устраиваемых мероприятий. В целом, детские и юношеские праздники в Ярославской губернии отличались более качественной подготовкой, чем праздники для взрослых, чему способствовало привлечение к организации торжеств самих подростков, возрастной особенностью которых является умение всецело предаваться радости, несмотря на трудности жизни.

2.3. Специфические черты советских праздников в деревне

Новые революционные праздники являлись, как правило, атрибутом городской жизни, однако в аграрной стране власть стремилась заручиться поддержкой крестьян [403]. Попытки организовать празднества в деревнях Ярославской губернии предпринимались с 1918 г., при этом во внимание организаторы принимали только те населенные пункты, которые располагались близ городов. С каждым годом увеличивалось количество отмечающих советские праздники крестьян: новая праздничная культура проникала в отдаленные уголки Ярославской губернии, но процесс вовлечения крестьянства в нее был сопряжен со значительными сложностями, вызванными политикой власти в отношении деревни.

Ухудшение материального положения крестьян в период военного коммунизма, несправедливое соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, насильственная коллективизация и выкачивание средств из деревни – все это формировало негативное отношение крестьянства к новой власти, препятствовало распространению большевистских идей, заставляло держаться традиционных устоев.

Принятие крестьянами революционных праздников власть ставила в зависимость от повышения культурного уровня сельских жителей. Считалось, что праздники, устраиваемые для крестьянства, должны не

столько развлекать, сколько обучать правильному с точки зрения власти ведению сельскохозяйственных работ, использованию передового опыта, внедрению новых аграрных технологий. Неслучайно в дни советских праздников, если позволяли условия, организовывались сельскохозяйственные выставки, задачей которых было не просто продемонстрировать успехи в хозяйстве, но и пропагандировать в крестьянской среде коммунистические идеи.

Например, одна из первых сельскохозяйственных выставок, прошедших в Ярославской губернии, организованная в 1919 г. в городе Пошехонье-Володарск, проходила под лозунгом «Свободный труд в коллективных хозяйствах – путь к коммунизму в земледелии» [Приложение 18]. Эта выставка, приуроченная ко Дню советской пропаганды, характерна тем, что на ней не были представлены результаты животноводства и земледелия: в сложный для деревни период, когда резко упала производительность труда, организаторы решили обойтись наглядным материалом, представленным на стендах в виде рисунков, схем и рекомендованной крестьянам литературой. Сам факт проведения выставки в городе заставляет задуматься о доступности ее посещения для крестьян: вероятно, что выставка не имела популярности и, возможно, была проведена формально, без учета реальных интересов селян.

Фотография сельскохозяйственной выставки, прошедшей в деревне Евсентьево Пошехонского уезда в 1921 г. [Приложение 19], позволяет сделать вывод об организации выставок непосредственно в сельской местности. Как уже неоднократно отмечалось, советские праздники зарождались в сложной экономической обстановке, поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что сельскохозяйственная выставка проводилась в честь какого-либо советского праздника, поскольку, требуя внушительных денежных средств на организацию, не была рядовым явлением в обнищавших деревнях Ярославской губернии.

На фотографии видно, что своеобразным выставочным павильоном послужила хозяйственная постройка (сарай или рига); над входом помещался сколоченный из тонких досок щит, на котором краской было написано: «Евсевьевская сельско-хозяйственная кустарно-промышленная выставка», а по краям изображался герб РСФСР. Перед «павильоном» была установлена трибуна, с которой докладчик произносил речь перед собравшимися крестьянами. Интересно отметить, что докладчик стоит лицом к группе, состоящей, главным образом, из взрослых мужчин, деревенских детей фотограф запечатлел на переднем плане, а подавляющее большинство женщин на данной фотографии – у входа в «павильон». Такое расположение по половозрастным группам, с нашей точки зрения, характерно для ярославской деревни начала 20-х гг. XX в., когда в нее только проникали новые советские веяния, а опора на дореволюционный уклад жизни была сильна. Группы держатся несколько обособленно, поскольку каждая группа привыкла играть особую, четко оговоренную, роль: например мужчины, как главы семей, хозяева, должны были выслушать и принять к сведению новую информацию. Таким образом, данная фотография дает возможность подтвердить переходный характер первых советских праздников в деревне.

Как правило, губернская праздничная комиссия формировала для проведения советских праздников в сельской местности волостные (районные) подкомиссии, так называемые «тройки», в составе председателя волостного исполнительного комитета, секретаря ячейки РКП(б) и агитатора («политпросвет организатора») [1. Л.200]. На волостные праздничные комиссии возлагались следующие обязанности: «а) установление местных лозунгов праздника⁷⁰; б) установление связей с уездной и губернской Комиссиями и с шефскими организациями; в) разработка плана проведения праздника и наблюдения за проведением подготовки к нему; г) распределение между отдельными организациями и работниками задания по

⁷⁰ Речь идет о выборе из лозунгов, полученных губернской праздничной комиссией из Москвы, тех, которые бы наиболее соответствовали местным условиям.

подготовке доклада, выставки, агитпостановки, сбора, извещения крестьянства, украшение места⁷¹ и прочие работы» [29.Л.67].

Организаторы праздников в Ярославской губернии на практике убедились в том, что внедрение новых праздников в деревне успешнее проходит в зимний период, поскольку в теплое время года крестьяне вынуждены усердно трудиться [13. Л.35].

Активизация пропагандистской деятельности в деревне наблюдалась во время многочисленных мероприятий, направленных на получение государством материальных средств. В отчетах о работе отдела агитации и пропаганды губернского исполнительного комитета за 1921 г. отражены намерения усовершенствовать работу среди крестьян: «Продналог, семсуда, помощь голодающим, топливные кампании – все это заставляло приходиться в деревню лишь для того, чтобы брать у нее, заставляло ограничиваться митингом, призывами, требованиями лихорадочности в работе. Государству еще не один раз придется прибегать к помощи крестьянина, но сейчас момент, когда мы даем в смысле всяких повинностей деревне передышку, мы должны использовать ее для углубления работы в деревне, для усиления культурно-просветительской работы» [Там же]. К сожалению, качественных изменений в распространении революционных идей среди крестьянства не произошло, и работа в деревне не получала высоких оценок от самих организаторов.

Приобщение крестьян к новой праздничной культуре большевики связывали с участием в революционных празднествах. Крестьянам объяснялось значение и суть новых праздников: в газеты помещались статьи, адресованные сельским жителям; язык таких статей был стилизован под народный. Авторы использовали традиционную для русского народного творчества метафоричность и образность, наполняя статьи революционным содержанием: «Братья – крестьянские пахари! В поповских святцах да в

⁷¹ Имеется в виду места проведения праздничных мероприятий.

царских календарях не ищите праздника 1 мая: такого не найдете. ... но годится ли честному крестьянину отставать от такого дела?» [198].

Крестьяне, чей уровень грамотности не позволял читать советские газеты, привлекались к заслушиванию докладов непосредственно на праздничных мероприятиях. Считалось, что лучшими докладчиками в среде сельских жителей являлись рабочие, говорившие простым и доступным языком. Периодическая печать внушала рабочим, что крестьяне нуждаются в их сотрудничестве: «Там тебя, как передового сознательного революционера, ждет твой брат, ниже стоящий в социальном развитии. Он ждет тебя и хочет услышать те радостные и счастливые слова, как ты стал свободен от рабства и эксплуатации капитала» [173]. Рабочих предостерегали от возможных ошибок в проведении праздников: «Самое ведение митинга не должно быть похожим на казенную лекцию, которые так часто встречаются в городах: явился, отбарабанил по текущему моменту и ушел» [12. Л.2].

Задачей докладчиков было, в том числе, и объяснение большевистских призывов к крестьянству, например, в 1920 г. селянам объяснялись «прямые интересы крестьянина с усилением Красной армии, с выполнением разверстки и трудовой повинности» [213]. Начиная с 1923 г., когда партией была выдвинута цель смычки города и деревни, к праздникам подготавливались специальные лозунги для крестьянства, которые иногда требовали разъяснений и уточнений. Крестьян призывали к сплочению под знаменами большевизма, укреплять союз с рабочими, поднимать производительность труда [29. Л.77], бороться с «кулацкой кабалой», укреплять союз бедноты с середняками [32. Л.13].

Говоря от лица Советской власти, докладчики вынуждены были отвечать на неудобные вопросы, подавляя недовольство населения и не допуская срыва торжественных мероприятий. Как правило, крестьян волновали вопросы, касавшиеся их экономического положения и дальнейшей политики большевиков в отношении деревни. Перечень наиболее часто задаваемых вопросов содержится в отчете о проделанной работе докладчика

Чернышева: «Почему до сих пор не проведено землеустройство? Почему дорога продукция фабричного производства? Какие меры принимаются по улучшению качества продукции? Почему Советское государство берет высокий процент за кредит по восстановлению сельского хозяйства? Почему не хватает в кооперации продуктов широкого потребления и.. в частности... белой муки?» [Там же. Л.36-37].

Можно с уверенностью предположить, что часть крестьянства не устраивала примитивность речи ораторов, упрощенческий подход к освещению проблем. Доклады, содержащие информацию о зарождении праздника годовщин революции, о новом быте, появившемся после установления власти большевиков, о культурных преобразованиях в деревне, повторялись из года в год. Чернышев, выступая перед крестьянами с традиционной праздничной речью, получил от аудитории записку с вопросом: «Почему не печатаются подлинные речи вождей оппозиции?» [40. Л.37]. Принижение культурного уровня и политической заинтересованности крестьян не соответствовали громким программным речам коммунистов о распространении истинных знаний в деревне, борьбе с отсталостью, косностью и пережитками.

Рабочие нередко брали шефство над деревней, что влекло за собой обязанность устройства революционных празднеств, при этом выдвигалось требование «как можно большего привлечения широких крестьянских масс» [14. Л.13-14] в праздничные мероприятия. Как правило, советские праздники включали обмен делегатами между городом и деревней: создавались специальные инструкции по поводу организации таких делегаций. Требование предупредительного отношения к гостям с той и другой стороны предусматривало не только создание комфортных условий размещения, но и обеспечение безопасности [26. Л.119].

В Сводке о проведении празднования десятилетия Октябрьской революции по Ярославскому уезду организаторами юбилея советской власти отмечается, что торжественная закладка электростанции на фабрике

«Тульма» «произвела громадное впечатление на присутствовавших на ней крестьян подшефного района» [40. Л.22]. С особым умилением цитировались слова «старика лет пятидесяти пяти»: «Брошенное Владимиром Ильичем семя постепенно всходит... и недалек тот час... когда мы... крестьяне... будем иметь в деревне “лампочку Ильича”» [Там же].

Для крестьянства советской властью был создан специальный праздник – День урожая, призванный отвлечь внимание от праздника Покрова Пресвятой Богородицы⁷². О необходимости создания особых торжественных дней для крестьян говорил В. Керженцев, считавший при этом, что они «вряд ли смогут быть наполнены каким-либо высоким содержанием», поскольку, по его мнению, наступала эра городов, вершивших революционную историю. «Деревня не знает своего 1 мая!» [309. С.70] – сокрушался Керженцев, но высказывал надежду, что «...может быть, все-таки, какие-нибудь празднества революции удастся создать и в русской деревне», пусть даже в виде простых народных гуляний, «только более осмысленных» [Там же].

В Ярославской губернии День урожая впервые был проведен в 1923 г., однако праздник был омрачен тем, что урожайность того года была низкой, поэтому должного размаха торжество по поводу окончания сельскохозяйственных работ не получило. Комиссия по проведению праздника рекомендовала ограничить празднование беседами и докладами, освещающими положение сельского хозяйства в республике и губернии, тем не менее, к проведению Дня урожая привлекались «парторганизации и органы народного образования, земельного правления, профсоюзные организации, члены всеработземлеса, Рабпроса, коопераций, органы печати, красноармейские части, студенты, учительство, агрономические силы, сотрудники сельскохозяйственных учебных заведений и опытных учреждений, работники изб-читален» [22.Л.185].

⁷² Праздник Покрова Пресвятой Богородицы имеет фиксированную дату – 1 октября по юлианскому календарю (14 октября по новому стилю), в России этот праздник широко отмечался именно в крестьянском быту, к нему были приурочены многие обряды, связанные с окончанием полевых работ.

Праздничная комиссия еще на стадии планирования сценария данного праздника пришла к выводу, что организовать праздничные мероприятия в населенных пунктах Ярославской губернии в один день – 14 октября – не представлялось возможным, поэтому «обслуживание населения специальными силами /киносеансы и др./» допускалось возможным и в другие дни [Там же]. На практике празднование Дня урожая в 1923 г. проходило в различных населенных пунктах с разницей до семи дней: с 14 по 21 сентября.

В 1924 г. примерный порядок празднования Дня урожая в сельской местности был по уездам таковым: утром организовывались «торжественный митинг, краткие приветствия⁷³, политический доклад и другие доклады и отчеты⁷⁴»; днем желающие могли посетить сельскохозяйственные выставки [218], на которых звучали лекции агрономов, позже на открытом воздухе разыгрывались короткие агитационные пьесы, подготовленные, как правило, деревенской молодежью под руководством учителей или же устраивалось чтение устной газеты; вечером празднование переносилось с улицы в здания школ или клубов – там ставились праздничные спектакли или давались концерты [29. Л.67].

В 1926 г. организаторы День урожая называли этот праздник «ярким примером нового быта деревни», залогом успешного его проведения назывались своевременная подготовка к торжеству не только крестьянства, но и партийных, культурных, кооперативных организаций [31. Л.109]. Высокую оценку получили так называемые сельскохозяйственные карнавалы, подготовленные по принципу сотрудничества ведомств. Советская власть стремилась привлечь к подготовке Дня урожая

⁷³ Приветственные речи произносили как члены праздничных волостных и уездных комиссий, так и прибывшие на праздник представители власти, докладчики, представители шефских организаций.

⁷⁴ В 1924 г. в уездах Ярославской губернии ставились доклады, освещавшие вопросы текущих политических событий, а также доклады «О смычке рабочего класса с крестьянством», «Значение поднятия производительности труда» и доклад агрономов о состоянии сельского хозяйства в конкретном районе и его очередных задачах».

специалистов, главным образом агрономов⁷⁵ и ветеринаров, интерес крестьян вызывали доклады об использовании тракторов и других сельскохозяйственных машин. Однако организаторы празднеств по-прежнему не ограничивались лишь расширением знаний крестьянства об инновациях в ведении хозяйства: в праздничный день звучали доклады о политических событиях, международных отношениях.

Главной целью устраиваемого праздника было добиться поддержки советской власти крестьянами, поэтому обязательным пунктом праздничной программы была сравнительная характеристика положения деревни в дореволюционный и послереволюционный периоды. Акцент доклада делался на уничтожении помещичьего землевладения, на то, что большевики сделали крестьян истинными хозяевами земли.

В целом, праздник урожая был близок и понятен крестьянину: знаменуя окончание полевых работ, он в той или иной форме издревле отмечался крестьянством [410; 424].

День урожая в значительной степени имел корреляцию с тяжелым физическим трудом: во время этого праздника воспевались кропотливая работа крестьян на земле, результатом которой и были изобилие и довольство, а также удовлетворение от честно выполненной работы. Подобная взаимосвязь труда и праздника прослеживалась и в субботниках, организуемых в сельской местности, изначально приуроченных к празднованию Первого мая [197]. В период подготовки к всероссийскому первомайскому субботнику Президиумом Ярославского губисполкома в уезды были разосланы телеграммы, призывавшие «произвести коллективные запашки пустующих земель» [198]. В совхозе Спасское Ярославского уезда в субботнике приняло участие всего 50 человек (в том числе докладчики из Ярославля), однако в газетной статье утверждалось, что данный субботник «носил грандиозный характер» [202].

⁷⁵ Еще в 1923 г. Н.К. Крупская в статье, посвященной Дню урожая, отмечала, что при его проведении «первую скрипку должны играть... агрономы, – они могут показать и рассказать, что и как надо делать, чтобы улучшить местное земледелие, рассказать о завоеваниях техники, о том, чего можно достигнуть путем приложения открытий науки к земледелию» [90].

В Ярославской губернии наибольшим разнообразием работ, проводимых на Всероссийском субботнике, выделялся Ростовский уезд: ремонт дорог, строительство моста через реку Лут, запашка земли для семей красноармейцев и безлошадных крестьян, вырубка кустарников и срывание кочек на лугах, расчистка делянок от сучьев, древонасаждение около школ, богаделен и кладбищ, чистка прудов, заготовка столбов для линии электропередачи, организация общественных садов и огородов, обустройство детского сада, строительство в селе Ильинское-Хованское театра, названного Первомайским – «вот все то, что было сделано крестьянами в уезде в праздник Первого мая» [9. Л.43]. В отчете о проведении первомайского субботника отмечалось, что «крестьяне охотно работали и блестяще выполнили все задания Волостных комиссий» [Там же].

Необходимо отметить, что такой размах и многообразие работ, выполняемых на селе во время праздничных субботников – скорее исключение, чем правило. Обычно организаторы ограничивались одним видом деятельности, например, запашкой земли или уборкой урожая [12. Л.20], поскольку в первые годы советской власти деревенские жители бойкотировали субботники, если они мешали сложившемуся сельскохозяйственному циклу или надолго отвлекали от насущных домашних работ.

Тем не менее, организаторы субботников в сельской местности проявляли заботу и о культурной программе, сопровождавшей праздник труда: например, еще в 1919 г. хвалебные отзывы получил концерт, подготовленный по случаю всероссийского первомайского субботника в селе Курба – после исполнения Интернационала прозвучал доклад о значении «всемирного рабочего праздника 1 мая», за которым последовало исполнение Похоронного марша (в честь павших бойцов-пролетариев), затем была разыграна пьеса Игнатьева «Свадебная вечеринка»; заключительной частью концерта стало исполнение песен «Весна», «На диком севере», «Дубинушка», «Машинушка») [184].

Большое внимание уделялось организации в деревне нового праздника – Международного дня кооперации (МДК) [Приложение 20]. Начинался праздник с торжественных собраний крестьян – членов кооперативов, на которые приглашались все желающие. Заслушивались доклады о достижениях коопераций в республике и работе местных кооперативных организаций [1. Л.200]. На собраниях можно было вступить в кооператив. После собрания члены кооперативов отправлялись на праздничный банкет, называемый «товарищеским обедом» [24. Л.95], на который приглашались члены коммунистической партии; вечером устраивались спектакли и концерты.

В 1926 г. в День кооперации в Ярославском уезде состоялась «торжественная закладка картофелетерочного завода, которая прошла весьма успешно»: положительную оценку данное мероприятие получило потому, что на нем присутствовало более двухсот крестьян [34. Л.49].

Также в 1926 г. ко Дню кооперации было приурочено открытие в деревнях на деньги кооперативов яслей и детских площадок, что позволяло наглядно продемонстрировать крестьянству пользу вступления в кооперацию; с другой стороны, праздник ознаменовался сбором средств с крестьян на кооперирование бедноты и организацией непродуманных бедняцких кооперативов (например, одним из кооперативов Рыбинской волости был создан денежный фонд в размере 100 рублей на кооперирование бедноты) [Там же. Л.83].

В целом, празднование не получило высокой оценки самих организаторов, в отчете о его проведении указывалось, что «Международный день кооперации должного воздействия, побуждения на массы не оказал и целиком общественного мнения не сосредоточил» [Там же. Л.50] (то есть не сформировал – *прим. авт.*). Главными недостатками праздника, проведенного в сельской местности, посчитали «несвоевременную подготовку к празднованию, ее запоздалость, недостаточное внимание этому дню со стороны различных общественных организаций, недостаточное

привлечение к проведению МДК женщин и комсомола, переменный состав подкомиссий» [Там же. Л.51]. Аналогичные негативные моменты организаторы Дня кооперации выделяли и в празднованиях, прошедших в городах Ярославской губернии.

Организуя праздники в деревне, большевики не всегда могли обеспечить их посещаемость: при планировании празднования Первого мая в деревне 1926 г. организаторы руководствовались следующей инструкцией: «... в тех районах, где заранее известно, что масса крестьянства примет участие в празднике, можно провести сборище-демонстрацию... Если же нет оснований для успешного проведения демонстрации, таковую не проводить» [33. Л.40]. Срывы праздничных мероприятий случались не столько по причине игнорирования их крестьянами, сколько из-за некачественной подготовки мероприятий. С мест поступали жалобы о несвоевременном поступлении средств на проведение празднеств, на отсутствие планов и сценариев мероприятий: «уездам давались лишь общие директивы, указания, изредка можно было послать людей, да и то очень часто посылаемые люди, литература, директивы приходили не ко времени, слишком рано или слишком поздно» [13. Л.8].

Сложности, с которыми сталкивались организаторы празднеств в деревне, замалчивались: периодическая печать, начиная с освещения самых первых революционных торжеств, делала акцент на том, «деревня не отстает от города, ...во всех почти волостях идут деятельные приготовления к ознаменованию великого дня» [172]. Корреспонденты, описывающие праздники, имевшие место в ярославских деревнях, использовали злободневный термин «классовая сознательность» для отражения настроения крестьянства: «Все были празднично настроены, ни тени недовольства или простого любопытства к празднику, а каждый, чувствовалось, сознавал важность пролетарского праздника» [185].

С нашей точки зрения, празднование десятилетия Октябрьской революции выступило своеобразным катализатором выявления проблем

проведения советских праздников в деревне. Десятилетний юбилей советской власти призван был своим размахом затмить все проводимые до этого в сельской местности революционные празднества. Перед организаторами стояла задача вовлечения в праздничные мероприятия как можно большего количества крестьян при экономном расходовании средств. Предполагалось, что лучше потратить деньги на издание литературы, посвященной десятилетию существования советской власти, чем на выпуск праздничных плакатов, что стало причиной скудного оформления деревенских торжеств. По губернии было подготовлено только 76 красочных уголков крестьянина и 200 комплектов плакатов, и в каждый уезд отправлены были два комплекта агитационных картинок «Советский лубок», что не могло удовлетворить запросов с мест [35. Л.31].

Празднование десятилетней годовщины Октябрьской революции должно было продемонстрировать заботу государства о крестьянах и преимущества большевистской политики в деревне, поэтому организаторы праздника обязаны были не только подготовить доклады на соответствующую тему, но и привести наглядные примеры улучшения положений крестьян. С этой целью выделялись средства на открытие школ и изб-читален, призванных поднять культурный уровень крестьян. В день праздника большевики старались поощрить крестьян, использовавших передовой опыт хозяйствования: недопустимо было премировать кулаков – зажиточных крестьян, крепких хозяйственников, поэтому организаторы праздников чествовали не отдельных граждан, а все селение, показавшее высокие результаты. Например, в Кукобойской и Володарской волостях было премировано семь селений «за широкое развитие травосеяния» [40. Л.8]. Положительный образ власть советов должны были сформировать и меры по улучшению быта деревни: 7 ноября проводилась торжественная проводка телефонных линий, установка радиоприемников [Там же].

Празднование десятилетней годовщины революции, помимо презентации власти как защитницы интересов крестьянства, должно было

содержать развлекательную и образовательную программу. Отчеты о проведенных мероприятиях поступали в губернскую комиссию по подготовке празднования. Несмотря на то, что накануне праздника утверждалось, что в деревне подготовка к торжествам проведена значительно хуже, чем в городах [Там же. Л.24], в отчетах отражена информация о приобретении праздником личной значимости для сельских жителей: «...большинство крестьянства к празднованию вело подготовку, как в семейно-бытовом отношении, так и торжественном украшении своих домов. В празднование десятилетия Октября абсолютное большинство крестьян не производило никаких работ, проводя время на собраниях, различных беседах» [Там же. Л.10]. Отмечалось, что революционные торжества вызвали душевный подъем крестьянства, способствовали их сплочению под руководством партии: «Празднование Десятилетия еще раз подчеркнуло, что крестьянство стоит за Советы, за партию, за Октябрьскую революцию» [Там же. Л.13].

Главным недостатком организованных торжеств губкомиссия выделила «лихорадочность» подготовки и тот факт, что «в некоторых волостях /например, Курбской/ празднованием было обслужено крестьянство главным образом в центре волости, и недостаточно в отдаленных от центра волости районах» [Там же. Л.25]. За десятилетие организации советских праздников отдаленные населенные пункты оставались без внимания, в них не проникала новая праздничная культура.

Недовольство крестьян вызывала активизация сбора средств по так называемому займу индустриализации, навязываемому населению властью. Большевики, популяризируя идею займа во время праздничных мероприятий, рассчитывали на интенсификацию поступлений в казну. Годовщина Октябрьской революции в деревне проходила под лозунгами содействия индустриализации: «К Десятилетию Октября каждый трудящийся должен иметь облигации займа индустриализации!», «Каждый рубль, вырученный от займа индустриализации, пойдет на постройку новых

заводов, в том числе производящих сельскохозяйственные машины» [35. Л.35].

Негативная реакция населения на праздничные мероприятия, недостатки в их организации объяснялись происками контрреволюционных элементов деревни – кулаков и зажиточных крестьян. Например, докладная записка о прошедшем в селе Закобякино Даниловского уезда празднике сообщает о пожаре, случившемся во время концерта: «Есть основания полагать, что пожар произошел от поджога, спровоцированного кулачеством с целью сорвать спектакль и, кроме того, создать панику и давку в помещении театра, но эта затея сорвалась» [40. Л.37].

Подводя итоги Октябрьским торжествам 1927 г. в деревне, губкомиссия в целом дала им высокую оценку, отметив, что праздник «заметно внедряется в быт крестьянства» [40. Л.12]. Вместе с тем отмечалось, что не удалось в полной мере реализовать на практике все запланированные мероприятия: в отдаленных населенных пунктах не удалось организовать празднества, не представлялось возможным использовать в условиях деревенского быта все праздничные новации, с успехом апробированные в городах. Празднование десятилетия Октябрьской революции показало, что советской власти так и не удалось преодолеть отставание деревни от города в становлении новой праздничной культуры, что во многом было связано с противоречивостью организации празднеств для крестьянства.

Деревне навязывались новые несвойственные ей праздничные ритуалы [405; 440; 469. С.179], власть использовала празднества как способ трансляции своих идей: идея праздника как «школы под открытым небом» была актуальнее в деревне, удаленной от информационных центров, нежели в городе. Формирование положительного образа власти достигалось путем изменения условий жизни в деревне в лучшую сторону на время праздников: крестьянам объяснялось, что, поддерживая большевиков, они способствуют улучшению материального обеспечения деревни со стороны властей.

Организуя революционные праздники в деревне, советская власть стремились привлечь к участию в них, главным образом, крестьянскую бедноту и середняков, зажиточные крестьяне объявлялись на советских мероприятиях персонами нон грата. Однако власть не гнушалась устраивать праздники за счет кулаков, например, в 1918 г. волостным комитетом бедноты мясникам Сереновской волости, признанным кулаками, приказано было доставить по пуду мяса для организации угощения беднейшего крестьянства в честь праздника годовщины Октябрьской революции [172]. Для постановки рекомендовалась пьеса «Кулак», как наиболее соответствующая духу времени, отражающая социально-культурные преобразования в деревне. Зажиточных крестьян обвиняли в противостоянии советской власти: срывы торжественных мероприятий объяснялись происками «кулаков-мироедов», борющихся за недопущение новой праздничной культуры, за возврат к церковным праздникам.

Несвоевременность подготовки праздничных мероприятий препятствовала отражению сути тех изменений, которые власть проводила в деревне. Подход организаторов празднеств в крестьянской среде, направленный на упрощение программ и игнорирование вопросов просвещения, способствовал повсеместному распространению сценария большевистских торжественных мероприятий. Скопированная со сценариев городских празднеств, деревенская программа торжеств включала как правило, выступление подготовленного оратора, демонстрацию и митинг, подготовленный силами самодеятельности концерт или спектакль, поставленный в украшенной школе, клубе или избе-читальне.

Световые и пиротехнические эффекты, киносеансы, выступления оркестрантов, профессиональных артистов, ставшие привычными атрибутами праздника в городах, требовали значительных материальных затрат, поэтому были редким явлением в деревне. Распространению праздничных новаций препятствовали удаленность населенных пунктов от городов, превращенных большевиками в центры по подготовке торжеств,

отсутствие на местах необходимых условий для работы оборудования, неудовлетворительное состояние деревенских клубов и изб-читален. Оснащение «очагов культуры» в деревнях часто оставляло желать лучшего, особенно если шефская помощь была слабой, поэтому организаторам празднеств, прибывавшим из города, приходилось вести с собой весь необходимый реквизит.

Плачевное состояние дорог тормозило распространение новых праздников в деревнях, особенно в распутицу, межсезонье, на которые выпадал праздник Октябрьской революции. Не имея возможности устроить праздник для всего населения удаленной деревни, большевики по мере возможности пытались вовлечь в революционные торжества подрастающее поколение: организовывался выезд на праздничные мероприятия в близлежащий город или крупный населенный пункт. Помимо участия в демонстрации планировались и праздничные развлечения для детей и молодежи (например, катанье на украшенных автомобилях или трамваях), вручение подарков и призов [1. Л.2-3].

В тех районах, где проведение праздников непосредственно членами праздничных комиссий стояло под вопросом, сознательным гражданам предлагалось устраивать торжественные мероприятия своими силами, организуя доступные праздничные мероприятия. Например, крестьянам в Первомай 1927 г. предлагали организовывать прогулки в лес и праздничные трапезы на природе, если отсутствовала альтернатива подготовленного праздника [32. Л.7].

Таким образом, распространение советской праздничной культуры в крестьянской среде встречало значительные сложности, вызванные тяжелыми условиями жизни в деревне. Власть пытались проводить в деревне те же праздники, что и в городе, но для этого часто не было возможностей. Организаторы сталкивались с непониманием крестьянами сути праздников, ориентированных в большей степени на городских жителей, нежеланием в дни религиозных праздников и воскресений посещать светские мероприятия.

Недостаток средств сказывался на эстетическом уровне революционных торжеств, как и неподготовленность выступающих.

Тем не менее, создаваемая большевиками новая праздничная культура постепенно укреплялась в деревне, сосуществуя с традиционными для крестьян религиозными праздниками [351]: этот процесс шел быстрее в тех населенных пунктах, которые были близки к городам. Этнографический очерк краеведа М.И. Смирнова, составленный в 1922 г., содержал уникальные сведения о переплетении советских нововведений и дореволюционных традиций в деревнях Переславль-Залесского уезда: исследователь подробно описывает свадебный обряд, традиционно завершавшийся венчанием, отмечая «злоупотребление гнуснейшей самогонкой» на праздничном застолье, пришедшее на смену «разливанному морю зелена вина» [371. С.38]. В качестве примера повышения культурного уровня деревни Смирнов приводил данные о распространении театральных праздников⁷⁶, курируемых «ячейками коммунистического направления», народными домами и избами-читальнями [Там же. С.41-42].

Как и рассчитывали большевики, новые революционные торжества привлекали, в основном, деревенскую молодежь. Нарушая монотонность деревенских будней, большевистские праздники привлекали крестьян красочностью, бодростью и юмором постановки, возможностью насладиться современными развлечениями.

Выводы по главе 2. Рассмотрев традиции и новации в организации советской праздничной культуры первого послереволюционного десятилетия, допустимо сделать следующие выводы:

1. В организации советских праздников в Ярославской губернии, несмотря на локальность провинциальной среды, проявились общероссийские тенденции, связанные с поиском новых праздничных поводов, использованием новаций в проведении массовых праздничных

⁷⁶ «Спектакли любителей литературного репертуара при участии школьных учителей стали обычным явлением каждого почти селения. Та же молодежь, участвующая в постановке спектаклей, стремиться жить иной духовною жизнью в сравнении с предшествующими поколениями» [371. С.41-42].

мероприятий. Организаторами празднеств в Ярославской губернии, как и во всей стране, ключевая роль отводилась идеологической и воспитательной функциям советских праздников, что позволило им стать «школой под открытым небом». Вместе с тем, праздники, проводимые в Ярославской губернии в 1917-1927 гг., имели свои особенности, поскольку зарождение советской праздничной культуры в губернии было осложнено белогвардейским восстанием: на праздники властью возлагались особые надежды по преодолению враждебности населения. В целом, за первое послереволюционное десятилетие советские праздники стали значимыми вехами социально-культурной жизни Ярославской губернии.

2. В празднествах, организуемых в первое послереволюционное десятилетие в Ярославской губернии, нашла отражение активизация работы среди женщин. Организаторами советских праздников поощрялось участие женщин в праздничных мероприятиях, но оно было поставлено под неусыпный контроль. Противоречивое отношение к так называемому женскому вопросу наглядно проявилось при организации специального женского праздника – Дня работницы: с одной стороны, женщин призывали к мобилизации сил в деле защиты революционных преобразований, с другой, поощрялись проявления сострадания и милосердия. Двойственное отношение к повышению женской активности во время праздников было не преодолено и к 1927 г., тем не менее, женщины играли заметную роль в праздничной культуре Ярославской губернии.

3. По сравнению с праздниками, организуемыми для взрослой аудитории, детско-юношеские праздники, проводимые в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие, отличались более качественной подготовкой, что выразилось в разнообразии сценариев, форм проведения праздников. Именно в праздниках для детей и молодежи проходили апробацию новшества, вводимые советской властью, которые, по замыслу организаторов, со временем должны были стать привычным способом празднования. Праздничные мероприятия, организованные для

детей и молодежи, отличались, с одной стороны, особым пафосом, поскольку широко анонсировался разрыв со старыми праздничными традициями. С другой стороны, праздники были ориентированы на учет возрастных особенностей детско-юношеского контингента, что позволило им добиться признания у подрастающего поколения.

4. Праздники, проводимые в первое послереволюционное десятилетие в Ярославской губернии в сельской местности, в связи с нерегулярностью их проведения не могли получить высокой оценки как от крестьянства, для которого они устраивались, так и от самих организаторов. Праздники для сельских жителей, с точки зрения их организаторов, призваны были, в первую очередь, стать средством агитации и пропаганды, поэтому в них в полной мере проявилось гипертрофированное использование идеологической и воспитательной функций праздника. В целом, за 10 лет, в связи с тяжелыми условиями жизни в деревне, советская праздничная культура укоренилась значительно слабее в сельской местности, чем в городах Ярославской губернии.

Заключение

Рассмотрев социокультурный феномен праздника, его функциональные особенности, использование данного феномена советской властью в 1917-1927 гг. с целью установления новой праздничной парадигмы и искоренения дореволюционной культуры, мы пришли к следующим выводам:

1. В социально-культурной жизни любого народа праздник – многогранное явление, в разные времена наполняемое тем или иным конкретным содержанием. Определяющей чертой праздника является связь с областью сакрального, что выделяет его из обыденности, позволяет существовать не только в материальном, но и духовном измерении.

Несмотря на то, что праздник находится в тесной взаимосвязи с календарем и влияет на счет времени, он также формирует особое сакральное время, подчиняющееся, главным образом, не физическим законам, а особому исчислению, связанному с проведением обрядовых и ритуальных действий. Временный уход от профанного в высшие сферы, который возможен благодаря празднику, способствует обновлению общества, служит гармонизации действительности.

Праздник – это период избытка, расточительности, гостеприимства и удовольствия, равно как и время преодоления будничности, характеризующееся временным отрицанием моральных норм. Праздник – время эмоционального подъема, расширения привычных прав, наслаждения и релаксации, подчас сопровождающееся эксцессами. Феномен праздника объединяет такие явления, как особое единение членов социума, душевный подъем с одной стороны, а с другой – оргии, насилия, вызванные как выпущенными из-под контроля чувствами, так и особыми традиционными праздничными обрядами.

Праздник по своей сути – форма обновления и подтверждения ценностей общественной жизни, поэтому он является ареной социальных и культурных конфликтов. Церемониал, обряды и традиции праздника способствуют передаче традиций, к которым подрастающее поколение

приобщается путем непосредственного участия в торжествах. Способность праздника оказывать неоспоримое воздействие на общество (в том числе на детей и молодежь), приводит к тому, что власть во все времена пристально следит за празднествами и пытается установить свой контроль над ними с целью эффективного манипулирования населением в своих интересах. Но для того, чтобы празднества оставались привлекательными для населения, необходимо, чтобы в них присутствовал игровой компонент, имеющий началом свободную, не организованную радость бытия: залогом успешных торжеств является верное соотношение игрового и строго организованного, ритуального компонента празднеств. Организаторы празднеств, наделяемые привилегиями, несут ответственность перед властью за проводимые торжества.

Спецификой праздника является и то, что его влияние не ограничивается установленным днем (днями) торжеств: период ожидания праздника и дни, наполненные воспоминаниями о нем, также выпадают из будничной повседневности. Эта особенность наблюдается и в настоящее время, несмотря на то, что с конца XIX века исследователи праздника отмечают его кризисное состояние, утрату истинной праздничности.

2. Проведенное исследование позволило установить, что советская власть прилагала значительные усилия для организации празднеств, поскольку праздник в ознаменование наступления новой власти мог послужить символом победы над идейными врагами.

Анализ «Красного календаря» позволяет сделать вывод о том, что праздниками стали называться даты, связанные с событиями революций и классовой борьбы. В первые годы существования советской власти «Красный календарь» не был устойчивым, методом проб и ошибок власть наполняла его праздничными датами. «Красный календарь» предусматривал региональные особенности проведения праздников, например, в Ярославской

губернии отмечался праздник День ликвидации ярославского белогвардейского мятежа.

Праздники, включенные властью в «Красный календарь», определялись в первую очередь двумя аспектами: провозглашением их атеистической основы и тесной связью с зарождавшимся советским искусством.

Несомненно, что «Красный календарь» являлся инструментом власти в борьбе с религией, имевшей сформированную и воплощавшуюся на практике праздничную парадигму. Антирелигиозная пропаганда, усиливавшаяся во время как церковных, так и светских праздников, декларируемой целью имела высвобождение верующих людей от векового религиозного дурмана; власть рассчитывали на то, что она будет способствовать сознательному выбору революционных празднеств. Советские праздничные мероприятия призваны были вовлечь население в создаваемую властью социокультурную среду, в которой, по замыслу власти, не было места религиозному мировоззрению.

Анализ первых праздничных мероприятий, проведенных советской властью, показал, что идеи преобразования театра, высказанные Вс. Мейерхольдом, В. Керженцевым, Вяч. Ивановым, А.В. Луначарским, Н.Н. Евреиновым, существенным образом повлияли на организацию государственных праздников. Искусство было поставлено на службу политике: эстетическая функция праздников приравнивалась к агитационно-пропагандистской.

Советские праздники первого послереволюционного десятилетия во многом были инсценировкой нового мира, который власть надеялась создать; праздники были частью пропагандистской работы, поэтому организаторам вменялось в обязанность активно использовать идеологическую и воспитательную функции праздника. В условиях политической нестабильности праздники способствовали популяризации советских идей, созданию положительного имиджа новой власти. Необходимо отметить, что

воспитательную функцию организаторы советских праздников стремились применять не только по отношению к детско-юношескому контингенту, но и ко взрослым участникам празднеств.

Специфичным было использование интегративной функции праздника: с одной стороны, праздники были призваны объединять людей, поддерживающих советскую власть – массовость праздников преподносилась пропагандой как показатель стабильности и надежности власти, как факт поддержки ее населением. Значительное количество участников праздников делало своеобразную рекламу советским праздничным мероприятиям, способствовало росту авторитета власти, поэтому имела место борьба за численные показатели участников празднеств (главным образом, посредством организации привлекательных для населения праздников). С другой стороны, властью подчеркивалось, что ее праздники – «не для всех», а лишь для избранных граждан. По мере укрепления власти на праздничные мероприятия не допускался все больший круг лиц, которых власть могла заподозрить в неблагонадежности. Власть сознательно провоцировала нетерпимость по отношению к тем, кто не пополнил ряды празднующих: образ врага всегда присутствовал на революционных праздниках – зримо (изображения буржуя, Колчака, капиталиста) или незримо (напоминания о недремлющих контрреволюционерах, врагах большевиков).

Игровая функция праздника, обусловленная экспромтом, связанная со спонтанным проявлением чувств, бессознательным откликом на праздничное действие, внушала опасения организаторам советских праздников первого послереволюционного десятилетия, поскольку благодаря ей праздничное мероприятие могло пойти не по сценарию. Чтобы не лишать население праздничных игр, организаторы часто включали в программу первых советских праздников спортивные состязания, которые, имея непредсказуемый финал, все же проводились по строго оговоренным правилам и были легко контролируемы. В целом, уже в первые годы

существования советской власти наметилась тенденция подмены истинной праздничной игры зрелищностью, и эта подмена не была равнозначной: утрата игрового начала приводила к заорганизованности советских праздничных мероприятий.

Анализ разнообразных источников позволяет утверждать, что советская праздничная культура уже в первое послереволюционное десятилетие называлась советской властью высшим проявлением социокультурных достижений. В своем становлении она прошла три фазы – зарождения канона празднования, сложившегося практически повсеместно за время Гражданской войны, большевизации, определявшейся стремлением к стандартизации торжественных мероприятий, и огосударствления, связанного с неотвратимым ужесточением контроля власти над праздничной сферой. В период 1917-1927 гг. была создана и получила развитие новая праздничная парадигма, оказавшая определяющее влияние на праздники не только в Советском Союзе на протяжении всего периода его существования, но и в странах социалистического лагеря, а также оставившая заметный след в праздниках современной России.

3. В первые годы существования советской власти организация праздничных мероприятий в Ярославской губернии была осложнена белогвардейским восстанием, повлекшим за собой не только многочисленные жертвы и разрушения, но и неусыпный контроль власти, опасавшейся возобновления сопротивления. Организуя официальные празднества в Ярославле, советская власть ожидала, что они будут способствовать советизации общества.

В Ярославской губернии проходили все без исключения праздники, включенные в «Красный календарь» с целью распространения новой праздничной парадигмы. Архивные материалы свидетельствуют о том, что за проведение советских праздников в Ярославской губернии был ответственен Отдел агитации и пропаганды губернского исполнительного комитета. В

Праздничной комиссии существовало разделение полномочий: организационной секцией (подкомиссией) разрабатывались сценарии праздников, осуществлялась координация сил, задействованных при подготовке и проведении праздников; агитационная секция была ответственна за официально-догматическую часть праздников; художественная секция отвечала за праздничные развлечения.

Факты, выявленные в ходе изучения архивных материалов, позволяют сделать вывод о том, что в первое послереволюционное десятилетие официально-догматической части празднеств организаторы уделяли ключевое внимание: праздником могло называться идеологическое мероприятие, но развлечения и увеселения без идейной подоплеки не считались праздниками. Основными формами проведения официальной части советских праздников в Ярославской губернии были парады, демонстрации, митинги, выступления пропагандистов с докладами и лекциями, вечера воспоминаний. Стремясь уделить должное внимание агитационно-пропагандистской части праздников, организаторы зачастую затягивали ее, что приводило к неудовольствию граждан: из-за обилия приветственных речей, телеграмм, поздравлений, докладов терялся интерес к ним, утрачивалась торжественность момента. Тем не менее, успешность советских праздников сами организаторы ставили в прямую зависимость от удачного или провального проведения официальной части.

В первые годы существования советской власти появился новый праздник – субботник, призванный стать зримым воплощением торжества советской идеологии. Анализ архивных документов, посвященных субботникам первого послереволюционного десятилетия, позволяет утверждать, что в первую очередь «праздники безвозмездного труда на благо Родины» были направлены на преодоление разрухи: проводились строительные и ремонтные работы, мероприятия по улучшению санитарно-гигиенического состояния населенных пунктов, работы, связанные с решением продовольственной, топливной и транспортной проблем.

Наибольшей результативности за весь исследуемый нами период удалось добиться организаторам Всероссийского коммунистического субботника 1920 г. в Ростове Великом. Однако необходимо отметить, что отношение ярославцев к субботникам было неоднозначным: признавая необходимость восстановления хозяйства они, тем не менее, считали тяжелую работу не праздником, а вынужденной мерой, поэтому организаторы субботников подготавливали развлекательную программу и продумывали способы поощрения участников с целью привлечения граждан к участию в данном мероприятии.

Можно утверждать, что неповторимость и привлекательность для населения советским праздникам придавала их неофициальная часть, дающая возможность праздничного отдыха и развлечения. Праздничные развлечения и увеселения требовали значительных усилий, организаторы стремились вовлечь специалистов (например, театральных деятелей, художников-оформителей, пиротехников) в процесс подготовки и проведения советских празднеств. Неофициальная часть советских праздников могла включать в себя посещение театров и кинотеатров (или просмотр инсценировок, устраиваемых на улицах городов для широкой публики), экскурсий, участие в спортивных состязаниях, катание на парходах, конных экипажах, автомобилях, устройство банкетов, балов, танцевальных вечеров. В целом, именно в неофициальной части советских праздников отчетливо прослеживаются такие традиционные для русского праздника компоненты как застолья и «гулянья». Сочетание архаичных и новаторских элементов позволяет говорить о советских праздниках 1917-1927 гг. как о социокультурном феномене.

В ходе исследования было подтверждено повышение внимания власти в 20-е гг. к женскому вопросу: это подтверждается, в частности, включением в спектр праздников «Красного календаря» специального женского праздника – Международного дня работницы (8 марта). Изначально праздник характеризовался двойными стандартами: с одной стороны, этот день

объявлялся торжественным смотром сил и проверкой готовности женщин дать отпор врагам революции, с другой, это был праздник материнства, благодарности за заботу о подрастающем поколении.

Архивные источники помогли установить, что День работницы в первое послереволюционное десятилетие не всегда был выходным днем: несмотря на это, женщины в свой праздник после работы могли отправиться в детские дома, чтобы проявить заботу о детях-сиротах (сделать уборку, сшить белье или одежду, устроить банный день). Тем не менее, ряд праздничных мероприятий адаптировался под вкусы женщин и был направлен на развлечение, например, показ модных фасонов, танцевальные вечера, бесплатные спектакли и киносеансы.

В женском дне всегда присутствовал обучающий элемент, покровительственное отношение: причиной называлась вековая закрепощенность женщин, приведшая к неспособности правильно расставлять приоритеты, ориентироваться в политической обстановке, податливость на лживые происки контрреволюционеров.

В докладах, звучащих на Дне работницы, подтверждался факт заслуг женщин перед обществом (особенно в деле заботы о подрастающем поколении), подчеркивалась идея непрерывного улучшения социально-культурного положения работниц и крестьянок после Октябрьской революции (в качестве доказательства приводились данные о повышении активности женщин: повысилось число женщин-пропагандисток, управленцев, членов разнообразных советских организаций).

Анализ сценариев Дней работницы, прошедших в Ярославской губернии в первое послереволюционное десятилетие, выявил, что к праздникам женщинам делались своеобразные подарки, призванные продемонстрировать заботу государства о здоровье женщин (например, открытие женских консультаций и родильных домов) и улучшении бытовых условий (открытие столовых, детских яслей).

В целом, участие женщин в советских не только служило наглядной демонстрацией активизации решения так называемого женского вопроса, но и являлось своеобразным доказательством демократизации общества.

Анализ региональных праздников позволил убедиться, что уже за первое десятилетие существования советской власти праздники закрепили за собой позиции значимых ориентиров в социально-культурной жизни Ярославской губернии. К праздничным датам в качестве своеобразного подарка населению от государства открывались социальные объекты (больницы, столовые, электростанции и т.д.), благоустраивались территории, проводилось премирование, подводились итоги соревнований, то есть организовывались мероприятия, выделявшие праздник из череды будней, делавшие его ожидаемым. К концу первого послереволюционного десятилетия играли значительную роль в деле структурирования годового цикла жизни губернии.

5. Проведенное исследование позволяет утверждать, что организация праздников для детей и молодежи потребовала наибольших усилий, поскольку власть ставила задачу воспитания нового поколения, которому предстояло жить в коммунистическом обществе. Подрастающее поколение принимало участие во всех советских праздниках: способность детей искренне радоваться способствовала созданию праздничной атмосферы, задавала тон торжеству. «Красный календарь» предусматривал регулярные праздники для детей и молодежи – День ребенка, Международный юношеский день, День допризывника. При анализе указанных праздников удалось установить, что они отличались более тщательным планированием, разнообразием форм, учетом игровой потребности и соревновательного духа.

Несомненно, что привлечение детей и молодежи к празднику способствовало распространению пропагандируемых властью идей, поэтому в первые послереволюционные годы организаторы стремились вовлечь в празднества как можно больше детей без учета их классового

происхождения, поскольку считалось, что детей можно перевоспитать, научить жить в соответствии с требованиями советского общества. Факты, выявленные в ходе изучения архивных материалов отдела агитации и пропаганды ярославского губисполкома, позволили установить, что по мере укрепления власти возрастал контроль со стороны организаторов детских и юношеских праздников над классовым составом празднующих: к участию в советских праздниках не допускались дети, чьи родители были неудобны власти.

Анализ организации праздничных мероприятий для детско-юношеской аудитории в Ярославской губернии позволяет установить, что их проведение планировалось с учетом возрастных потребностей и имело главной целью воспитание достойных граждан, поэтому праздники не ограничивались отдыхом и развлечениями. Более того, официально-догматическая часть праздника для детей могла быть продублирована: принимая участие в общегородской демонстрации, они заслушивали выступления, рассчитанные, главным образом, на взрослую аудиторию. Доклады, отражающие те же самые мысли, посвященные тем же событиям, но адаптированные для восприятия их детьми, звучали, как правило, перед началом развлекательных праздничных мероприятий для подрастающего поколения.

Как показал анализ региональных праздничных мероприятий, праздничные новации проходили апробацию в молодежной среде, поскольку подрастающее поколение было лучшей аудиторией, живо реагирующей на все изменения. Не имея прочного опыта участия в дореволюционных государственных праздниках, дети и молодежь с раннего возраста впитывали создающиеся каноны новой праздничной культуры.

Именно в детской и молодежной среде борьба советской власти с религией достигала апогея: например, «комсомольское рождество» 1923 г. было отмечено так называемым «сжиганием богов». Насаждение атеизма, крайняя идеологизация действительности, – все это находило отражение в советских праздниках для юношества. Советская власть боролась с

бесполезными, с их точки зрения, танцами, популяризировала идею бесплатного труда в праздник, предоставляла альтернативу праздничным богослужениям, внедряла в празднества военные элементы с целью сформировать новую праздничную культуру, базирующуюся на идее готовности в любой момент дать отпор врагу, стремлении приносить пользу Родине.

Советские праздники охотно посещались детьми и молодежью по ряду причин, главным образом потому, что организаторы устраивали яркое действо на злободневную тематику. Кроме этого, недостаток развлечений в условиях восстановления страны после войн и революций делал советские празднества привлекательными. Третьей причиной следует назвать пропаганду, расписывающую достоинства революционных праздников и клеймящую позором торжества идейных противников (например, праздничные богослужения).

6. Проведенное исследование позволяет утверждать, что организация советских праздников в деревне в 1917-1927 гг. имела свою специфику.

Во-первых, позиция советской власти о превосходстве культурного уровня рабочих повлекла за собой широкое привлечение пролетариев к устройению праздников для крестьян: развивалось шефство над деревней. Тем не менее, власть никогда не выпускали из-под контроля организацию праздников для сельских жителей, определяя цели, задачи и методы их проведения. Советские праздники, организуемые для крестьянства, были ориентированы в большей степени не на развлечения, а на обучение, при этом организаторам вменялось в обязанность «учить» не только адаптации к новым социально-культурным реалиям деревни, вызванными сменой власти, но и научному подходу к ведению сельского хозяйства. Несмотря на то, что власть активно использовала деревню для получения материальных средств, что имело причиной ухудшение уровня жизни большинства сельских жителей, тематикой официальных докладов было сравнение положения

крестьянства в период до и после Октября. Основной заслугой власти называлось то, что она сделала крестьян истинными хозяевами земли.

Во-вторых, именно в деревне распространение новой праздничной культуры встретило наибольшее сопротивление, главной причиной которого стало неприятие подавляющим числом крестьян антирелигиозной пропаганды, являющейся неотъемлемой чертой советских праздников. Еще одним фактором, сдерживающим распространение новой культуры, была удаленность деревень от городов – культурных центров советской власти: во многих населенных пунктах советские праздники не были регулярными (главным образом, вследствие недостаточности средств на проведение праздничных мероприятий, а также в силу бездорожья и распутиц, перекрывавших доступ к деревням).

В-третьих, успешность проведения празднеств во многом зависела от их совпадения или несовпадения с сельскохозяйственным циклом. Для крестьянства устанавливался специальный праздник – День урожая, который знаменовал окончание полевых работ: поскольку он проводился осенью, в середине октября, у организаторов не вызывало сложности обеспечить его посещаемость. Иначе обстояло дело с празднованием Первого мая, поскольку в этот период, если позволяли погодные условия, крестьяне трудились.

В-четвертых, в деревне сознательно поддерживался высокий уровень социальной напряженности даже в праздничные дни: зажиточные крестьяне – кулаки – объявлялись персонами нон грата на советских торжествах, поскольку им в вину ставилось сопротивление большевистской власти.

Несмотря на объективные сложности в организации празднеств в деревне, выявленные и проанализированные в ходе работы с архивным материалом, советская власть пыталась реализовать на практике те разработки, которые имели успех в городах: именно во время праздников крестьяне могли ознакомиться с новинками, бывшими крайней редкостью на селе (например, кино, показанным с помощью кинопередвижек). Крестьянам

внушали, что поддержка советской власти обеспечит им лучшую жизнь; праздник, на время которого деревня снабжалась необходимыми товарами, дефицитными в будни, являлся действенной пропагандой.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Неопубликованные источники

а) архивные документы и материалы

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

Ф. Р - 178. – Отдел народного образования исполкома Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубОНО), г. Ярославль, Ярославская губерния. 1918 – 1929 гг.

1. ГАЯО. Ф. Р.-178. Оп. 1. Д. 8. Выписки из протоколов заседаний Ярославского Губкома ВКП(б), агитколлегии при Губкоме ВКП(б) (1924-1925 гг.).
2. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 13. Доклады и переписка о состоянии религиозной пропаганды в губернии и актах проверки работы школ и детских учреждений (10 февраля – 10 октября 1925 г.).
3. ГАЯО. Ф.178. Оп. 2. Д. 29. Переписка о постановке идеологического воспитания.
4. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 66. Переписка с заведующими детскими домами, колониями и школьниками по вопросам народного образования. Сведения о пионерском движении в губернии (1923 г.).
5. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 157. Отдел Народного образования Ярославского губисполкома. Административно-организационный подотдел. Переписка месткома с губернским отделом союза работников просвещения о культработе. (1926 г.).
6. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 3593. Протоколы заседаний комиссии по проведению десятилетия Октября (сентябрь – ноябрь 1927 г.).
7. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 3596. Материалы по организации выставки Народного образования к десятилетию Октябрьской революции (октябрь – ноябрь 1927 г.).

Ф. Р.-131. – Отдел здравоохранения исполнительного комитета Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Ярославль, Ярославская губерния. 1918-1929 гг.

8. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 484. Отчет о проведении «Дня советской медицины» за 1923 г.

**Центр документации новейшей истории Ярославской области
(ЦДНИ ЯО)**

Ф. 1. – Ярославский губернский комитет ВКП (б). Агитационно-пропагандистский отдел

9. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 442. Отчеты и сведения Ростовского укома РКП (Б) о проведении первомайского субботника (апрель – май 1920 г.).
10. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 460. Протоколы заседаний отдела по работе среди женщин при горюездном комитете РКП(б), общегородской женской беспартийной конференции (19 января 1920 – 17 декабря 1920 гг.).
11. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 462. Ежемесячные отчеты уездженотделов о работе среди женщин (6 января 1920 – 23 февраля 1921 гг.).
12. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 469. Циркуляры ЦК РКП(б) по вопросам работы в деревне (21 января 1920 – 11 июня 1922 г.).
13. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 659. Отчеты о работе агитотдела губкома и переписка о проводимых митингах, лекциях, беседах (1 июля – 31 декабря 1921 г.).
14. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 660. Отчеты и сводки агит-пропагандистского отдела о своей работе (3 февраля – 31 декабря 1921 г.).
15. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 665. Обращения и лозунги губкома РКП(б) к рабочим, крестьянам, молодежи, служащим (1 января – 31 декабря 1921г.).

16. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 666. План и протоколы комиссии по проведению организационной кампании по поводу 3 Конгресса III Интернационала (20 мая – 18 июня 1921 г.).
17. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 681. Протоколы торжественных заседаний Даниловского и Тутаевского уездных исполкомов с уками партии и правлениями профсоюзов посвященных празднованию 1-го мая. Списки героев трудового фронта Даниловского уезда (12 марта – 15 июня 1921 г.).
18. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 686. Отчеты райкомов РКП(б) г. Ярославля и Рыбинского укома об агитационно-пропагандистской работе (13 января – 22 декабря 1921 г.).
19. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 703. Анкеты-отчеты уездных отделов по работе среди женщин за январь-июль 1921 г. (1 января – 31 августа 1921 г.).
20. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 698. Отчеты и доклады женотделов губернского и районных о работе среди женщин (1 января 1921 г.– 11 января 1922 г.).
21. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д.958. Отчеты и сведения о работе агитпропотдела губкома (3 января – 15 мая 1922 г.).
22. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 975. Протоколы заседаний политпросветколлегии губкома, бюро детских групп, литературной комиссии, комиссии помощи беспризорнику, комиссии по проведению дня работницы. Переписка с уками и райкомами РКСМ и РКП(б) о создании дружин «юных пионеров», о детских библиотеках, о физкультурной и культмассовой работе среди детей. Протоколы губженотдела, отчеты о его работе (26 декабря 1922 г. – 14 мая 1924 г.).
23. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 979. Протоколы комиссии по организации празднования 5-й годовщины Октябрьской революции, комитета по организации туберкулезного трехдневника. Планы проведения «недели помощи студенту», «комсомольского рождества». Положения и планы

- деятельности Ярославского «Дома крестьянина» (25 сентября – 25 декабря 1922 г.).
24. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 980. Протоколы заседаний комиссий по проведению комсомольского рождества и др. Краткий обзор горсовета. Отчеты о проведении уездных и волостных земельных конференций, крестьянских беспартийных конференций и т.д. (22 декабря 1922 г. – 1924 г.).
25. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 994. Переписка губкома с уездными и районными комитетами о работе женотделов. Отчеты уездных и районных женотделов о проведении праздника 8-го марта (6 февраля – 3 ноября 1922 г.).
26. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1321. Циркуляры и распоряжения губкома РКП(б). Планы работы и мероприятия агитпропотдела. Протоколы бюро, комиссии по проведению агитационно-пропагандистской работы (20 января 1923 г. – 7 мая 1924 г.).
27. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1642. Циркуляры ЦК РКП(б) (16 мая – 15 декабря 1924 г.).
28. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1643. Правительственные телеграммы, сообщающие о безвременной смерти В.И. Ленина. Выписки из протоколов собраний членов и кандидатов РКП(б) Ярославской организации, посвященных памяти В.И. Ленина (22 января – 31 января 1924 г.).
29. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1652. Планы работы агитпропотдела губкома РКП(б) (17 мая 1924 г. – 5 февраля 1925 г.).
30. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1688. Протоколы комиссий по изданию сборника и проведению юбилея 900-летия г. Ярославля (15 января 1924 – 15 января 1924).
31. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2460. Циркулярные указания и распоряжения ЦК ВКП(б) и агитпропотдела губкома ВКП(б) по вопросам агитмассовой работы (17 марта – 28 декабря 1926 г.).

32. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2472. Протокол Даниловского уездного агитпропсовещания с участием агитпропорганizationalторов ячеек ВКП(б). Протокол, планы комиссий по проведению праздника 1-го мая в Даниловском уезде (22 ноября 1926 г. – 6 апреля 1927 г.).
33. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2492. Протоколы организационных комиссий по проведению праздника 1 мая. Планы и отчеты горрайкомов по проведению планирования 1 мая. Первомайские лозунги и призывы (7 апреля – 22 июня 1926 г.).
34. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2493. Протоколы и планы губернской комиссии по проведению международного дня кооперации (14 мая 1926 – 19 октября 1926).
35. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2494. Методические письма агитпропотдела губкома о проведении празднования революционных праздников, проведении посевной кампании и др. (7 сентября 1926 г. – 6 апреля 1928 г.).
36. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2495. Протоколы губернской и горрайкомовских комиссий по проведению празднования годовщины Октябрьской революции и отчеты о ее проведении (4 сентября – 14 декабря 1926 г.).
37. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2563. Доклады и отчеты о проведении международного дня 8-е марта, о работе женотделов и делегатских собраний уездов (3 декабря 1926 г. – 8 июля 1928 г.).
38. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3086. Циркуляры Главполитпросвета, планы проведения революционных праздников, агитмассовых кампаний и мероприятий. Стандарт разработки губкома по материалам партпереписи 1927 г.
39. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3159. Протоколы и планы губернской комиссии по подготовке и проведении десятой годовщины Октябрьской революции (4 мая – 17 сентября 1927 г.).

40. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3160. Протоколы, выписки из протоколов заседаний укомов, планы губернской комиссии по проведению празднования десятилетия Октябрьской революции (16 апреля 1927 – 17 декабря 1927).

б) фотодокументы

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

- Фотокаталог 550. Народное творчество. Выставки. Печать. Народные праздники, юбилейные мероприятия, памятные даты. Демонстрации. Юбилеи и вечера. Пролетарский интернационализм.
41. ГАЯО. Н₂ 30. Демонстрация на Советской площади.
42. ГАЯО. Н₂ 31. Демонстрация на Советской площади по случаю смерти В.И. Ленина. (январь 1924 г.).
43. ГАЯО Н₅-144. Празднование Дня Кооперации.
44. ГАЯО. Пз-28. Военный парад 23 февраля 1921 г. (Ярославль, 1921 г.).
45. ГАЯО. Пз-50. Празднование дня ребенка 8 августа 1920 г. в гор. Угличе. Игры детей.
46. ГАЯО. Пз-52. Демонстрация детей на праздновании дня ребенка 8 августа 1920 г. в г. Угличе.

**Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области
(Рбф ГАЯО)**

Опись позитивов №1. Ч-б.

47. Рбф ГАЯО. 2. Празднование 1 мая на площади Труда в Рыбинске (1.05.1921 г.).
48. Рбф ГАЯО. 150. Митинг в честь празднования первой годовщины Октябрьской социалистической революции на Сенной площади (площадь Стеньки Разина) в Рыбинске (1918 г.).
49. Рбф ГАЯО. 152. Митинг в честь празднования первой годовщины Октябрьской социалистической революции у здания исполкома (Рыбинск, 1918 г.)

50. Рбф ГАЯО. 154. Митинг в честь празднования второй годовщины Октябрьской социалистической революции на Вокзальной площади (площадь Володарского) в Рыбинске (1919 г.).
51. Рбф ГАЯО. 155. Митинг в честь празднования 1 мая у здания биржи в Рыбинске (1.05.1918 г.).
52. Рбф ГАЯО. 158. Празднование Дня советской пропаганды в г. Пошехонье-Володарск: митинг у отдела Народного образования (в центре – бюст Луначарского, работы Н. Тальянцева) (1919 г.).
53. Рбф ГАЯО. 229. Книжная выставка «Мир сказок» в день советской пропаганды в клубе им. К. Либкнехта. (Пошехонье-Володарск, 1919 г.).
54. Рбф ГАЯО. 235. Сельскохозяйственная выставка в клубе К. Либкнехта в день Советской Пропаганды. (Пошехонье-Володарск, 1919 г.).
55. Рбф ГАЯО. 268. Сельскохозяйственная выставка. Пошехонский уезд, деревня Евсентьево.
56. Рбф ГАЯО. 775. Парад допризывников. (Рыбинск, 1920 г.).
57. Рбф АЯО. 779. Парад физкультурников на Сенной площади. (Рыбинск, 1922 г.)
58. Рбф ГАЯО. 780. Коммунистический субботник в честь Второго конгресса III Интернационала. Разгрузка баржи на Волге (Рыбинск, 1920 г.).
59. Рбф ГАЯО. 946. Фотография выступления рыбинской группы спортивного кружка «Спартак» (Рыбинск, 1921 г.).
60. Рбф ГАЯО. 965. Праздничная демонстрация в честь первой годовщины создания Красной Армии, проведенная по инициативе рабочих автомобильного завода. Рыбинск (1919 г.).

2. Опубликованные источники

а) документы законодательного и нормативно-правового характера

61. Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. [Текст] : М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 627 с.
62. Декреты Советской власти. Т.2. 17 марта – 10 июля 1918 г. [Текст] : М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 602с.
63. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) [Текст] : в 15 т. – Т.2 (1917-1922) / общ. ред. А.Г. Егорова, К.М.Боголюбова. – М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма, 1983. – 606 с.
64. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) [Текст] : в 15 т. – Т.3 (1922-1925) / общ. ред. А.Г. Егорова, К.М.Боголюбова. – М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма, 1984. – 494 с.
65. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) [Текст] : в 15 т. – Т.4 (1929-1929) / общ. ред. А.Г. Егорова, К.М.Боголюбова. – М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма, 1983. – 575 с.
66. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства [Текст] : М.: Главлит, 1925г. – 1164 с.
- б) публицистика**
67. Калинин, М.И. Вторая годовщина Союза ССР [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 689-691.
68. Калинин, М.И. К IX годовщине советской власти. Речь при открытии Третьей сессии ВЦИК XII созыва 5 ноября 1926 г. [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.2. (1926 – 1932 гг.). – С. 86-93.

69. Калинин, М.И. К пятой годовщине [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 371.
70. Калинин, М.И. Пионеры в деревне. К международной детской неделе [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 530-531.
71. Калинин, М.И. Представителям местных организаций московского железнодорожного узла в день пятилетнего юбилея союза 10 февраля 1923 г. [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 386-370.
72. Калинин, М.И. Речь на митинге-параде в Оренбурге 19 сентября 1919 г. [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 110-112.
73. Калинин, М.И. Речь на торжественном заседании военно-научного общества в честь четвертой годовщины Первой Конной армии 17 ноября 1923 г. [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 412-415.
74. Калинин, М.И. Речь на торжественном заседании представителей трудящихся Москвы, курсантов и красноармейцев, посвященном IX годовщине Красной Армии 23 февраля 1927 г. [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.2. (1926 – 1932 гг.). – С. 136-138.
75. Калинин, М.И. Умер Владимир Ильич [Текст] / М.И. Калинин // Избранные произведения в 4 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.1. (1917 – 1925 гг.). – С. 432-433.

76. Коллонтай, А.М. Борьба с царем-голодом [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 277-280.
77. Коллонтай, А.М. Задачи отделов по работе среди женщин [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 310-316.
78. Коллонтай, А.М. И в России будет женский день! [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 125-128.
79. Коллонтай, А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства (Лекции, читанные в Университете им. Я.М. Свердлова) [Текст] / А.М. Коллонтай. – М.: Государственное издательство, 1922. – 202 с.
80. Коллонтай, А.М. Попы еще работают [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 250-254.
81. Коллонтай, А.М. Речь на втором съезде РКСМ 5 октября 1919 г. [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С.295-301.
82. Коллонтай, А.М. Что дал Октябрь женщине Запада [Текст] Попы еще работают [Текст] / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 250-254.
83. Крупская, Н.К. Великая годовщина [Текст] / Н.К. Крупская. – Л.: Государственное издательство, 1928. – 46 с.
84. Крупская, Н.К. Восемь лет [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.7. Основы политико-просветительной работы. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
85. Крупская, Н.К. День Советской пропаганды [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.7. Основы политико-

- просветительной работы. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
86. Крупская, Н.К. Детский клуб при избе читальне [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
87. Крупская, Н.К. Международная детская неделя [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
88. Крупская, Н.К. Надо готовиться к международному женскому дню [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.6. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
89. Крупская, Н.К. Первое мая – международный праздник рабочих всех стран [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
90. Крупская, Н.К. Праздник урожая [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство

- Академии педагогических наук, 1959. – Т.5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
91. Крупская, Н.К. Работница и религия [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.7. Основы политико-просветительной работы. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
92. Крупская, Н.К. Юные пионеры [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. – Т.5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html.
93. Ленин, В.И. Аграрный пункт программы [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.38. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 123-124.
94. Ленин, В.И. Борьба с голодом и разрухой [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.34. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 234-235.
95. Ленин, В.И. Великий почин [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.39. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 1-29.
96. Ленин, В.И. Доклад о субботниках на московской общегородской конференции РКП(б) 20 декабря 1919 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 32-38.

97. Ленин, В.И. Дополнения к проекту положения о субботниках [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 288.
98. Ленин, В.И. К Международному дню работницы [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 192-193.
99. Ленин, В.И. К женщинам-работницам [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 157-158.
100. Ленин, В.И. К лозунгам [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.34. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 10-17.
101. Ленин, В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.44. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 144-152.
102. Ленин, В.И. Маевка революционного пролетариата [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.23. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 296-305.
103. Ленин, В.И. Международный день работниц [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.42. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 368-370.
104. Ленин, В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.39. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 198-205.
105. Ленин, В.И. О значении воинствующего материализма [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.45. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 31.

106. Ленин, В.И. О пропаганде и агитации [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Госполитиздат, 1962. – 420 с.
107. Ленин, В.И. Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.32. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 43-47.
108. Ленин, В.И. От первого субботника на Московско-Каазанской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маевке [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.41. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – С. 107-109.
109. Ленин, В.И. План речи о годовщине Октябрьской революции на VI Всероссийском Съезде Советов [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 533.
110. Ленин, В.И. План статьи «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.44. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 463.
111. Ленин, В.И. Пункт программы в области религиозных отношений [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.38. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 118.
112. Ленин, В.И. Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.32. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 195-197.
113. Ленин, В.И. Речь в «День Красного офицера 24 ноября 1918 г.» [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 200.
114. Ленин, В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 185-187.
115. Ленин, В.И. Речь на курсах агитаторов отдела охраны материнства и младенчества наркомсобеса 8 марта 1919 г. [Текст] :

- Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 434.
116. Ленин, В.И. Речь на митинге-концерте сотрудников Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 7 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 173-174.
117. Ленин, В.И. Речь на митинге, посвященном годовщине декабрьского восстания 1905года, в Пресненском районе 19 декабря 1919 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 26-31.
118. Ленин, В.И. Речь на митинге протеста против убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург 19 января 1919 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 434.
119. Ленин, В.И. Речь на празднике Всеобуча 25 мая 1919 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.38. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 383.
120. Ленин, В.И. Речь на собрании рабочих завода «Электросила» №3 (б. «Динамо»), посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1921 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.44. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 238.
121. Ленин, В.И. Речь на собрании рабочих, работниц, красноармейцев и молодежи хамовнического района, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1921 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.44. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 235-237.
122. Ленин, В.И. Речь на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний 8 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание

- сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 175-182.
123. Ленин, В.И. Речь на торжественном заседании Московского совета, посвященном годовщине III Интернационала 6 марта 1920 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.40. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 203.
124. Ленин, В.И. Речь на торжественном заседании пленума московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном третьей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.42. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 1-6.
125. Ленин, В.И. Речь на торжественном заседании пленума Сокольнического совета Р. и С.Д. советов с представителями фабрично-заводских комитетов и правлений предприятий г. Москвы 7 ноября 1920 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.42. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 11.
126. Ленин, В.И. Речь о годовщине революции 6 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 137-153.
127. Ленин, В.И. Речь при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 171-172.
128. Ленин, В.И. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. [Текст] : Полное собрание сочинений. Т.37. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 169-170.
129. Луначарский, А.В. В мире музыки: статьи и речи [Текст] : Сост., ред., примеч. Г.Б. Бернандта, И.А. Саца. / А.В. Луначарский. – М.: Художественная литература, 1971. – 540 с.

130. Луначарский, А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке [Текст] : Сост., ред, вступит. ст. Сим. Дрейдена. / А.В. Луначарский. – М.: Искусство, 1981. – 424 с.
131. Троцкий, Л.Д. Борьба за культурность речи [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trot1938.htm>.
132. Троцкий, Л.Д. Водка, церковь и кинематограф [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
133. Троцкий, Л.Д. Воспитание молодежи и национальный вопрос [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
134. Троцкий, Л.Д. Внимание к мелочам [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
135. Троцкий, Л.Д. Еще о рабочих клубах [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
136. Троцкий, Л.Д. За качество – за культуру [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
137. Троцкий, Л.Д. Задачи коммунистического воспитания [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура

- переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
138. Троцкий, Л.Д. Задачи работников культурного строительства [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
139. Троцкий, Л.Д. Комсомол, на фронт хозяйственной и культурной смычки [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
140. Троцкий, Л.Д. Культура и социализм [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
141. Троцкий, Л.Д. Литература и революция [Текст] / Л.Д. Троцкий. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
142. Троцкий, Л.Д. О культуре будущего [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
143. Троцкий, Л.Д. Охрана материнства и борьба за культуру [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.
144. Троцкий, Л.Д. Положение Республики и задачи рабочей молодежи [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk/ru/library/trotsky/trotl938 htm>.

145. Троцкий, Л.Д. Проблема культуры. Культура переходного периода [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://read24.ru/fb2/lev-trotskiy-problemyi-kulturyi-kultura-perehodnogo-perioda/>
146. Троцкий, Л.Д. Пятый год – год учебы [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
147. Троцкий, Л.Д. Рабкор и его культурная речь [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
148. Троцкий, Л.Д. Речь на заседании по поводу пятилетнего существования Советской Грузии 25 февраля 1926 г. [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
149. Троцкий, Л.Д. Речь на съезде физкультурников 19 апреля 1924 г. [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
150. Троцкий, Л.Д. Семья и обрядность [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
151. Троцкий, Л.Д. Строить социализм – значит освобождать женщину и охранять мать [Электронный ресурс] /Л.Д. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода. – М. – Л.: 1227. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl938.htm>.
152. Физическая культура пролетариата в С.С.С.Р. [Текст] : Сост.: Н.И. Подвойский, М.Г. Собецкий, Д.А. Кардман. – Петроград: Издание

Петроградского Отдела Главной Конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1923. – 128 с.

в) периодические издания

153. Безбожник. – 1923. - №1.
154. Безбожник у станка. – 1924. – №2.
155. Безбожник у станка. – 1926. – №5.
156. Безбожник у станка. – 1926. – №6.
157. Безбожник у станка. – 1926. – №9.
158. Безбожник у станка. – 1927. – №1.
159. Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1920. – 5 марта (№50).
160. Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1920. –7 марта (№52).
161. Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1920. – 29 апреля (№91).
162. Известия Ярославского губернского военно-революционного комитета. – 1918. – 17 (4) августа (№20).
163. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 25 сентября (№51).
164. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 18 октября (№70).
165. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 29 октября (№79).
166. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 30 октября (№80).

167. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 31 октября (№81).
168. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 1 ноября (№82).
169. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 2 ноября (№83).
170. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 3 ноября (№84).
171. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 7 ноября (№87).
172. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 10 ноября (№88).
173. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 3 января (№2).
174. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 5 января (№4).
175. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 7 января (№5).
176. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 16 января (№11).

177. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 18 января (№13).
178. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 19 января (№14).
179. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 21 февраля (№40).
180. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 29 апреля (№91).
181. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 30 апреля (№92).
182. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 1 мая (№93).
183. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 3 мая (№94).
184. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 7 мая (№97).
185. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 15 мая (№104).
186. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 12 октября (№229).

187. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 17 октября (№233).
188. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 4 ноября (№248).
189. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 5 ноября (№249).
190. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 6 ноября (№250).
191. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 11 ноября (№253).
192. Известия Ярославского Губисполкома. – 1919. – 23 декабря (№289).
193. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 1 января (№1).
194. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 7 января (№5).
195. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 7 марта (№53).
196. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 21 апреля (№86).
197. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 24 апреля (№89).
198. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 25 апреля (№90).
199. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 27 апреля (№91).
200. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 28 апреля (№92).
201. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 29 апреля (№93).
202. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 4 мая (№96).
203. Известия Ярославского Губисполкома. – 1920. – 5 мая (№97).
204. Известия Ярославского Губисполкома. – 1921. – 23 февраля (№41).
205. Известия Ярославского Губисполкома. – 1921. – 5 марта (№50).
206. Известия Ярославского Губисполкома. – 1921. – 27 апреля (№92).
207. Известия Ярославского Губисполкома. – 1921. – 6 ноября (№252).
208. Известия Ярославского Губисполкома. – 1921. – 10 ноября (№255).
209. Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии. – 1918. – 3 апреля.

210. Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии. – 1918. – 28 апреля.
211. Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии. – 1918. – 30 апреля.
212. Известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии. – 1918. – 1 мая.
213. Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. – 1920. – 19 октября (№233).
214. КИМ (Рыбинская организация Российского Коммунистического союза молодежи). – 1924. - № 1.
215. На перевале [Текст] : Ежемесячный журнал Ярославского комитета РКП (б). – 1923. – январь (№.1).
216. На перевале [Текст] : Ежемесячный журнал Ярославского комитета РКП (б). – 1923. – апрель (№4).
217. На перевале [Текст] : Ежемесячный журнал Ярославского комитета РКП (б). – 1923. – октябрь-ноябрь (№№ 10-11).
218. Под ленинским знаменем [Текст] : Издание Ярославского агитпропа. – 1925. - №8.
219. Правда. – 1918. – 6 февраля (№18).
220. Правда. – 1918. – 8 марта (№44).
221. Правда. – 1918. – 12 марта (№47).
222. Правда. – 1918. – 23 апреля (№78).
223. Правда. – 1919. – 4 января (№3).
224. Правда. – 1919. – 19 февраля (№38).
225. Правда. – 1919. – 20 февраля (№39).
226. Правда. – 1919. – 22 февраля (№41).
227. Правда. – 1919. – 1 мая (№92).
228. Правда. – 1919. – 4 ноября (№247).
229. Правда. – 1919. – 6 ноября (№249).
230. Правда. – 1927. – 23 апреля (№92).

231. Путь молодежи. – 1920. – 8 декабря (№1).
232. Путь молодежи. – 1920. – 12 декабря (№2).
233. Путь молодежи. – 1921. – 5 января (№1).
234. Товарищ. – 1919. – 29 января (№20).
235. Товарищ. – 1919. – 19 февраля (№23).
236. Товарищ. – 1919. – 25 марта (№65).
237. Юный коммунары. Приложения к Известиям советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии – 1919. – 15 мая (№9).
238. Юный коммунары. Приложение к Известиям советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии. – 1920. – 18 апреля (№9).

Юбилейные сборники:

239. 5 лет (юбилейный номер) [Текст] : Мышкин: Издание Мышкинского Укома Р.К.П., 1922. – 12 с.
240. Пошехонско-Володарский сборник II годовщины Октябрьской революции [Текст] : Пошехонье-Володарск, 1919. – 16 с.
241. Ярославский сборник, посвященный годовщине великой октябрьской революции и июльским событиям в Ярославле [Текст] : Ярославль: Издание Губернской Комиссии по организации и устройству празднеств годовщины великой революции, 1918. – 42 с.

г) источники личного происхождения

242. Бажанов, Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (тайны истории в романах, повестях и документах) [Текст] / Б.Г. Бажанов. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 432 с.
243. Бунин, И.А. Окаянные дни [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Советский писатель, 1990. – 414 с.
244. Гиппиус, З.Н. Дневники [Электронный ресурс] Режим доступа http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml.

245. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-32 гг. [Текст] : отв. ред. А.К. Соколов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 328 с.
246. Готье, Ю.В. Мои заметки [Текст] / Ю.В. Готье. – М.: ТЕРРА, 1997. – 592 с.
247. Друг большой, заботливый. Переписка Н.К. Крупской с пионерами. 1924-1939 гг. [Текст] : М.: Молодая гвардия, 1987. – 525 с.
248. Окунев, Н.П. Дневник Москвича (1917-1927) [Текст] / Н.П. Окунев. – М.: YMCA-PRESS, 1990. – 600 с.
249. Чуковский, К.И. Дневники (1901-1929) [Текст] / К.И. Чуковский. – М.: Советский писатель, 1991. – 542 с.
250. Шульгин, В.В. Дни. 1920: Записки [Текст] / В.В. Шульгин. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

д) научно-популярная литература

251. Антирелигиозный сборник на 1929 г. [Текст] : под ред. А.Т. Лукачевского. – М.: Безбожник, 1929. – 44 с.
252. Вересаев, В.В. Об обрядах старых и новых [Текст] / В.В. Вересаев. – М.: Новая Москва, 1926. – 31 с.
253. Вечер КИМа в комсомольском клубе и юнсекции [Текст] : сборник статей / М. – Л.: Государственное изд-во, 1926. – 112 с.
254. Лето и пионеры [Текст] : сборник статей / Ярославль: Издание Яргуббюро Ю.П., 1928. – 60 с.
255. Любич, А. Международный юношеский день [Текст] / А. Любич. – М.: Молодая гвардия, 1927. – 62 с.
256. МЮД [Текст] : сборник материалов к XI международному юношескому дню / Л.: Прибой, 1925. – 108 с.
257. Организация массовых празднеств [Текст] : сборник статей / М.: Гиз. Тип. 14 МСНХ (б. Городская), 1921. – 31 с.

258. Праздник пропаганды [Текст] :сборник статей / Гос.изд., 1920. – 16 с.
259. Растопчина, М.А. Вечера воспоминаний в клубе и вечера вопросов и ответов [Текст] / М.А. Растопчина. – М.: Гиз., 1925. – 42 с.
260. Рюмин, Е. Массовое празднество [Текст] / Е. Рюмин. – Л.: ГИЗ, 1927. – 78 с.
261. Цехновицер, О.В. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции [Текст] О.В. Цехновицер. – Л.: Долой неграмотность , 1927. – 137 с.

II Литература

1. Монографии, сборники статей

262. Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы. Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. 1918-1932г. [Текст]: под. ред. В.П. Толстого. Авторы-составители: И.М. Бибикина, Н.И. Бабурина, Т.И. Володина. М.: И.д. «Искусство», 2002. – 544 с.
263. Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918-1932г. [Текст]: под. ред. В.П. Толстого. Авторы-составители: И.М. Бибикина, Н.И. Бабурина, Н.И. Левченко. М.: И.д. «Искусство», 2002. – 548 с.
264. Аймермахер, К. Политика и культура при Ленине и Сталине 1917-1932 гг. [Текст] / Карл Аймермахер. – М.: АИРО-XX, 1998. – 204 с.
265. Акимова, Л.И. Образы строителей коммунизма в произведениях художников РСФСР [Текст] / Л.И. Акимова. – Л.: Художник РСФСР, 1964. – 50 с.
266. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть [Текст] / СПб.: Глаголь, 1994. – 444 с.

267. Аничков, Е.В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян [Текст] / Е.В. Аничков. – Спб.: типография Императорской Академии Наук, 1905. – 404 с.
268. Анненков, Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий [Текст] : в 2 т. Т.2. / Ю.П. Анненков. – New York: Inter-Language Literary Associates / Международное Литературное содружество, 1966. – 343 с.
269. Аристотель. Политика [Текст] : в 4 т. Т.4. : Пер с древнегреч., Общ. ред. А.И. Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
270. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов [Текст] / А.Н. Афанасьев, - Т.3. М.: Современный писатель, 1995. – 400 с.
271. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 339 с.
272. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 296 с.
273. Белкин, А.А. Русские скоморохи [Текст] / А.А. Белкин. – М.: Наука, 1975. – 200 с.
274. Бердяев, Н.А. Судьба России: Сочинения [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 736 с.
275. Бодрияр, Ж. Система вещей [Текст] / Жан Бодрияр. – М.: РУДОМИНО, 2001. – 109 с.
276. Брудный, В.И. Обряды вчера и сегодня [Текст] / В.И. Брудный. – М.: Наука, 1968. – 200 с.
277. Буслаев, Ф.И. Народный эпос и мифология [Текст] / Ф.И. Бутенко. – М.: Высшая школа, 2003. – 400 с.

278. Бутенко, И.А. Свободное время [Текст] // Тенденции социокультурного развития России 1960-1990 гг. – М.: ПАИМС, 1996.- 120 с.
279. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Торстейе Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
280. Веселовский, А.Н. Собрание сочинений [Текст] / А.Н. Веселовский. – СПб.: Издание отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1913. – 662 с.
281. Воловикова, М.И., Тихомирова, С.В., Борисова, А.М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека [Текст] / М.И. Воловикова, С.В. Тихомирова, А.М. Борисова. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 143 с.
282. Гагин, В.Н. Клубные вечера. Лекция для студентов-заочников институтов культуры М.: 1974, - 26 с.
283. Гагин, В.Н. Элемент художественности в массово-политической работе [Текст] / В.Н. Гагин. – М.: Политиздат, 1985. – 127 с.
284. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
285. Генкин, Д.М. Массовые праздники и представления (учебно-методическое пособие) [Текст] / Д.М. Генкин. – М.: ВНИИ ИТ и КИП, 1985. – 86 с.
286. Геродник, Г.И. Дорогами новых традиций [Текст] / Г.И. Геродник. – М.: Политиздат, 1964. – 144 с.
287. Гирц, К. Интерпретация культуры [Текст] / Клиффорд Гирц. – М.: РОСПЭН, 2004. – 560 с.
288. Глан, Б.Н. Праздник всегда с нами [Текст] / Б.Н. Глан. – М.: СТД, 1988. – 191 с.
289. Голан, А. Миф и символ [Текст] / Ариэль Голан. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.
290. Голомшток, И.Е. Тоталитарное искусство [Текст] / И.Е. Голомшток. – М.: Голарт, 1994. – 296 с.

291. Гордон, Л.А., Клопов, Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени (по материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах европейской части СССР) [Текст] / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Наука, 1972. – 368 с.
292. Даркевич, В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX-XVI вв. [Текст] / В.П. Даркевич. – М.: Наука, 1988. – 344 с.
293. Дэвис, С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934-41 гг. [Текст] / Сара Дэвис. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 231 с.
294. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни [Текст] / Эмиль Дюркгейм. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.
295. Евреинов, Н.Н. Демон театральности [Текст] : Сост., общ. ред. и комм. А.Ю. Зубкова, В.И. Максимова. / Н.Н. Евреинов. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 535 с.
296. Ермолин, Е.А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920-1930 –х гг. [Текст] / Е.А. Ермолин. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1996. – 141 с.
297. Жигульский, К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога [Текст] / Казимеж Жигульский. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
298. Зборовский, Г.Е. Досуг: действительность и иллюзии. Проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Свердловск: Сред.-Урал. Кн. Изд-во, 1970. – 232 с.
299. Золотницкий, И.Д. Будни и праздники театрального Октября [Текст] / И.Д. Золотницкий. – Л.: Искусство, 1978. – 255 с.
300. Золотницкий, И.Д. Зори театрального Октября [Текст] / И.Д. Золотницкий. – Л.: Искусство, 1976. – 391 с.
301. Злотникова, Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: введ. в культурологию: учеб. пособие [Текст] / Т.С. Злотникова // М-во

- образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО “Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского”, Науч.-образоват. центр “Культуроцентричность науч.-образоват. деятельности”. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – 332 с.
302. Исторический город в аспекте национальной ментальности [Текст] : научный сборник (сборник научных трудов) / М-во образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО “Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского”; [науч. ред.: Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская]. – Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2010. – 173 с.
303. Исторический город русской провинции – культурный универсум [Текст] : Сборник научных трудов / М-во образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО “Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского”; [науч. ред.: Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская]. – Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2009. – 232 с.
304. История советского театра. Очерки развития. Том I. Петроградские театры на пороге октября и в эпоху военного коммунизма. 1917-1921гг. [Текст] : Л.: Художественная литература, 1933. – 398 с.
305. Каган, М.С. Человеческая деятельность. Опыт современного анализа [Текст] / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
306. Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное [Текст] / Роже Кайуа. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
307. Канетти, Э. Масса и власть [Текст] : пер. с нем. Л. Ионика / Элиас Канетти. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
308. Керженцев, В. Культура и советская власть [Текст] / В. Керженцев. – М.: Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов Р., С., К., и К. Депутатов, 1919. – 36 с.
309. Керженцев, В. Творческий театр. Пути социалистического театра [Текст] / В. Керженцев. – М.: Издательство Всероссийского

- Центрального Исполнительного Комитета советов Р., С., К., и К. Депутатов, 1919. – 80 с.
310. Климишин, И.А. Календарь и хронология [Текст] / И.А. Климишин. – М.: Наука, 1990. – 480 с.
311. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования [Текст] / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
312. Козлова, Н.Н. Социализм и сознание масс [Текст] / Н.Н. Козлова. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
313. Кукаретин, В.В. Наследники «Синей блузы» [Текст] / В.В. Кукаретин. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 96 с.
314. Лапшин, В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. [Текст] / В.П. Лапшин. – М.: Советский художник, 1983. – 495 с.
315. Ле Гофф, Ж. Цивилизация Средневекового Запада [Текст] : пер. с фран. Ю.Л. Бессмертного / Жак Ле Гофф. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
316. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-1930гг. [Текст] / Н.Б. Лебина. – СПб: Журнал «Нева» - ИТД «Летний сад», 1999. – 320 с.
317. Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Густав Лебон. – М.: Социум, 2010. – 320 с.
318. Лензон, В.М. Музыка советских массовых революционных праздников [Текст] / В.М. Лензон. – М.: Музыка, 1987. – 78 с.
319. Липс, Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества [Текст] : пер. с нем. В.М. Бахта / Юлиус Липс. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1954. – 488 с.
320. Лихачев, Д.С. Русская культура [Текст] / Д.С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
321. Лихачев, Д.С., Панченко, А.М., Поньрко, Н.В. Смех в Древней Руси [Текст] / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

322. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek-buks/culture/Losev3-HistEst/_05/php.
323. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. - СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
324. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 703 с.
325. Мазаев, А.И. Искусство и большевизм, 1920-1930-е гг.: Проблемно-тематические очерки и портреты [Текст] / А.И. Мазаев. – М.: УРСС, 2004. – 320 с.
326. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования [Текст] / А.И. Мазаев. - М.: Наука, 1978. - 329 с.
327. Маковский, М.М. Язык-миф-культура [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Ин-т рус.яз, 1996. – 329 с.
328. Максютин, Н.Ф. Культурологические аспекты праздника [Текст] / Н.Ф. Максютин. – Казань: Медицина, 1996. – 91 с.
329. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения [Текст] : в 3 т. Т.2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1983. – 543 с.
330. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
331. Миллер, В.Ф. Былины и исторические песни в качестве обрядовых [Текст] / В.Ф. Миллер. – М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К°, 1912. – 12 с.
332. Морозов, И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина(XIX-XX вв) [Текст] / И.А. Морозов, И.С. Слепцова. – М.: Индрик, 2004. – 920 с.
333. Наши праздники [Текст] / Сост: В.В. Заикин, М.: Политиздат, 1977. – 168 с.

334. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] / А.Ф. Некрылова. – Л.: Искусство, 1988. – 215 с.
335. Немиро, О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность [Текст] / О.В. Немиро. – Л.: Художник РСФСР, 1987. – 232 с.
336. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е гг. [Текст] / Под общ ред. Т. Вихавайнена. – СПб.: Журнал Нева, 2000. – 480 с.
337. Озуф, М. Революционный праздник 1789-1799гг. [Текст] : пер. с франц. Е.Э. Ляминой. / Мона Озуф. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 425 с.
338. Орлов, И.Б., Пахомов, С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни [Текст] / И.Б. Орлов, С.А. Пахомов. – М.: Собрание, 2007. – 159с.
339. Орлов, О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен [Текст] / О.Л. Орлов. – СПб: Нестор, 2003. – 166 с.
340. Пас, О. Поэзия. Критика. Эротика. Эссе разных лет [Текст] / Октавио Пас. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 191 с.
341. Патрушев, В.Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы) [Текст] / В.Д. Патрушев. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. – 164 с.
342. Петров, Б.Н. Массовые спортивно-художественные представления [Текст] / Б.Н. Петров. – М.: ФОН, 1998. – 328 с.
343. Пиотровский, А.И. Театр. Кино. Жизнь [Текст] : Сост. и подгот. текста А.А. Акимовой, общ. ред. Е.С. Добина / А.И. Пиотровский. – Л.: Искусство, 1969. – 511 с.

344. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма [Текст] / Штефан Плаггенборг. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 415 с.
345. Платон. Законы [Текст] : Пер.с древнегреч.; Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.-А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. – 832 с.
346. Плахов, В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования [Текст] / В.Д. Плахов. – М.: Мысль, 1982. – 220 с.
347. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке [Текст] / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
348. Поспеловский, Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание [Текст] / Д.В. Поспеловский. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2003. – 655 с.
349. Потебня, А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О связи некоторых представлений в языке. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. О доле и сродных с нею существах [Текст] / А.А. Потебня. – Харьков: Мирный труд, 1914. – 244 с.
350. Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
351. Праздники, обряды, верования рыбинских крестьян XIX – первая четверть XX вв. [Текст] / Авт-сост: О.Г. Баранова, Т.А. Зимина, Е.Л. Мадлевская, С.В. Грушина. – Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2003. -124 с.
352. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) [Текст] / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 288 с.
353. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники [Текст] / В.Я. Пропп. – СПб.: Азбука, Терра, 1995. – 200 с.

354. Раку, М.Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи [Текст] / М.Г. Раку. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 720 с.
355. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / РАН, Ин-т всеобщей истории [Текст] / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.
356. Розанов, В.В. О нарядности и нарядных днях календаря [Текст] : Около церковных стен / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1995. – 558 с.
357. Рольф, М. Советские массовые праздники [Текст] / Мальте Рольф. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 439 с.
358. Романов, П.Г., Юфит, А. Подготовка специалистов в области теории и истории театрального искусства в вузах СССР (из опыта работы ЛГИТМиК) [Текст] / П.Г. Романов, А. Юфит. – М.: Искусство, -1978, - 45 с.
359. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) [Текст] / Сост. М.А. Библикин. – М.: Инд-рик, 2006. – 504 с.
360. Рубб, А.А. Режиссура в агитбригаде (Методическая разработка к курсу руководителей агитационно- художественных бригад) [Текст] / А.А. Рубб. – М.: Политиздат, 1971. – 88 с.
361. Руденский, Е.В. Психосоциологизация праздничного общения [Текст] / Е.В. Руденский. – Кемерово: Томь, 1990. – 127 с.
362. Рудницкий, К.Л. Мейерхольд [Текст] / К.Л. Рудницкий. – М.: Искусство, 1981. – 480 с.
363. Руссо, Ж.-Ж. Письмо к д'Аламберу о зрелищах [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. – Избранные сочинения в 3 т. Т.1. –М.: Художественная литература, 1961. – 851 с.
364. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян [Текст] / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981.

365. Рябина, Н.В. Воспитание «нового человека» в Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы). Система дошкольных учреждений: учебное пособие. [Текст] /Н.В. Рябина. - Ярославль: ЯГПУ им П.Г. Демидова, 2009. – 108 с.
366. Рябов, В.М. Антология форм просветительной культурно-досуговой деятельности в России (первая половина XX в) : учебное пособие по дисциплине «Социально-культурная деятельность» [Текст] /В.М. Рябов. – Челябинск: Челяб. гос. акад. Культуры и искусств, 2007. – 670 с.
367. Сальникова, А.А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку [Текст] / А.А. Сальникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 240 с.
368. Связующая нить. Праздники, обряды, традиции: сборник [Текст] / Сост. В.С. Долгова. – М.: Московский рабочий, 1984. – 142 с.
369. Силин, А.Д. Площади наши палитры [Текст] / А.Д. Силин. – М.: Советская Россия, 1982. – 184 с.
370. Снегирев, И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды Т.1 [Текст] / И. М. Снегирев. – М.: Университетская типография, 1837. – 246 с.
371. Смирнов, М.И. Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведческий очерк [Текст] / М.И. Смирнов. – Переславль-Залесский: Государственная типография №12, 1922. – 74 с.
372. Советские традиции, праздники и обряды: словарь-справочник [Текст] : Н.К. Гаврилюк, А.В. Курочкин, В.Д. Конвай; Сост. Б.В. Попов. – Киев: Политиздат Украины, 1988. – 224 с.
373. Соколов, Э.В. Свободное время и культура досуга [Текст] / Э.В. Соколов. – Л.: Лениздат, 1977. – 207 с.
374. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

375. Субботина, Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе [Текст] / Н.Д. Субботина. – М.: КомКнига, 2006. – 208 с.
376. Суханов, И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений [Текст] / И.В. Суханов. – М.: Политиздат, 1976. – 216 с.
377. Тульцева, Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР [Текст] / Л.А. Тульцева. – М.: Наука, 1985. – 190 с.
378. Туманов, И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта [Текст] / И.М. Туманов. – М.: Просвещение, 1976. – 86 с.
379. Угринович, Д.М. Обряды. За и против [Текст] / Д.М. Угринович. – М.: Политиздат, 1975. – 175 с.
380. Усманова, А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований [Текст] // Введение в гендерные исследования. Часть I: Учебное пособие/ ХЦГИ. – СПб.: Алтейя, 2001. – 198 с.
381. Ушакин, С.А. Поле пола [Текст] / С.А. Ушакин. – Вильнюс: ЕГУ-Москва: ООО Вариант, 2007. – 320 с.
382. Филатов, А.Н. О новых и старых обрядах [Текст] / А.Н. Филатов. – М.: Политиздат, 1967. – 112 с.
383. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город [Текст] / Шейла Фицпатрик. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 336 с.
384. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня [Текст] / Шейла Фицпатрик. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 422 с.
385. Флоренский, П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии) [Текст] / П.А. Флоренский; [сост., автор вступит. ст. С.Г. Антоненко, авторы вступ. ст. и коммент.: С.М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев)]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 568 с.

386. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 449 с.
387. Фрэзер, Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Джеймс Джордж Фрэзер. – М.: Политиздат, 1986. – 507 с.
388. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: избранные политически статьи, выступления и интервью [Текст] : пер. с франц. С. Офертаса. / Мишель Фуко. - М.: Праксис, 2002. – 384 с.
389. Хайек, Ф. Дорога к рабству [Текст] / Фридрих Хайек. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
390. Хан-Магомедов, С.О. Архитектура советского авангарда [Текст] : Кн.1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
391. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий [Текст] : пер. с нидерл. В.В. Ошиса / Йохан Хейзинга. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
392. Черный, Г.П. Пионерский праздник [Текст] / Г.П. Черный. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 93 с.
393. Чичеров, В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков [Текст] / В.И. Чичеров. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 236 с.
394. Шангина, И.И. Русские праздники. От святок до святок [Текст] / И.И. Шангина.- СПб: Азбука-классика, 2004. – 272 с.
395. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] : пер. с франц. Н.К. Грабовского / Мирча Элиаде. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.
396. Эстетико-культурологические смыслы праздника [Текст] : сборник статей памяти А.И. Мазаева / Государственный институт искусствознания; [ответств. ред.: И.В. Кондаков]. – М.: ГИИ, 2009. – 460 с.

397. Ярская-Смирнова, Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований [Текст] / Е.Р. Ярская-Смирнова. – М.: РАН ИНИОН, 2001. – 254 с.
398. Guss, D.M. The Festive State. Race, Ethnicity, and Nationalism as Cultural Performance [Text] / David M. Guss. – Berkeley and Los Angeles: University of Carolina Press, 2001. – 240 p.
399. Husband, W.B. Godless Communists. Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932 [Text] / William B. Husband. – Illinois: Northern Illinois University Press DeCalb, 2000. – 242 p.
400. Petrone, K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin [Text] / Karen Petrone. – Bloomington: Indiana University Press. 2000. – 280 p.

2. Научные статьи, Internet-публикации

401. Абрамян, Л.А., Шагоян, Г.А. Динамика праздника [Текст] / Л.А. Абрамян, Г.А. Шагоян // Этнографическое обозрение. – 2002. – №2. – С. 37-47.
402. Азарова, П.Е. Феномен антипраздника в советской массовой культуре 1920-х – середины 1930-х гг. [Электронный ресурс] / П.Е. Азарова. – Режим доступа: www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/4958/21/pdf.
403. Алексеевский, М.Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / М.Д. Алексеевский. – Режим доступа: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_19.
404. Андрейчук, Н.М. Социально-психологическая атмосфера праздника от образного восприятия к научному осмыслению [Электронный ресурс] / Н.М. Андрейчук. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-atmosfera-prazdnika-ot-obraznogo-vozpriyatiya-k-nauchnomu-osmysleniyu>.

405. Багдасарян, С.Д. Формирование традиций советского праздника в деревне эпохи НЭПа [Электронный ресурс] / С.Д. Багдасарян. – Режим доступа: [http:// history-journal.sutr.ru/journals_n/1352044163.pdf/](http://history-journal.sutr.ru/journals_n/1352044163.pdf/)
406. Байбурин, А.К., Пиир, А.М. Счастье по праздникам [Текст] / А.К. Байбурин, А.М. Пиир // Антропологический форум. – 2008. – №8. – С. 227 – 250.
407. Барышева, Е.В. Политические дискурсы государственных праздников [Текст] / Е.В. Барышева // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции 15-16 июня 2011 г. – М.: РГГУ, 2011. – С. 55-56.
408. Берд, Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи [Электронный ресурс] / Роберт Берд. – Режим доступа: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/berd_vjach_ivanov_i_massovye_prazdnestva_2006_text.pdf.
409. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история [Текст] / Питер Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – №5. – С. 64-91.
410. Бернштам, Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] /Т.А. Бернштам. – Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek_buks/Culture/Artikle/bernscht_budprazd/php](http://www.gumer.info/bibliotek_buks/Culture/Artikle/bernscht_budprazd.php).
411. Бредихина, Н.В. Праздник как семиотическая модель социокультурных изменений общества [Текст] / Н.В. Бредихина // Историческая психология, социальная психология: общее и различное. – СПб.: Нестор, 2004. – С. 146-148.
412. Брыжак, О.В. Праздничная культура: функциональный анализ [Электронный ресурс] / О.В. Брыжак. – Режим доступа: <http://lib/vkarp.com.2013/12/29>.

413. Булдаков, В.П. Постреволюционный синдром и социально-культурные противоречия НЭПа [Текст] / В.П. Булдаков // НЭП в контексте исторического развития России XX века: М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – С.196-220.
414. Бурменская, Д.Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества [Текст] /Д.Б. Бурменская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №6. – С. 43-49.
415. Бутенко, И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных [Электронный ресурс] / И.А. Бутенко. – Режим доступа. – <http://ecsocman.hse.ru/data/580/881/1216/008.BUTENKO.pdf>.
416. Гатауллина И.А. Нэповская повседневность Поволжья: социально-психологический анализ «массовой маргинальности» в контексте модернизационной перспективы [Текст] / И.А. Гатауллина // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. – С. 481-501.
417. Генон, Р. О смысле карнаваловых праздников [Электронный ресурс] / Рене Генон. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/guenon/karnaval.html>.
418. Герасимов, С. Первое празднество Октябрьской революции [Текст] / С. Герасимов // Искусство. – 1957. – №7. – С. 41-45.
419. Григорьев, С.В. Человек как субъект развития празднично-игровой культуры [Электронный ресурс] / С.В. Григорьев. – Режим доступа: <http://rubinstein-society/ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/s-v-grigoriev.html>.
420. Гримак, Л.П. Культура – изначальная терапия человека [Текст] / Л.П. Гримак // Вопросы культурологи. – 2005. – №10. – С. 20-24; №11. – С. 29-35.
421. Гудова, М.В. Функции неофициальных спортивных праздников в конструировании гендерной идентичности [Электронный ресурс] /

- М.В. Гудова. – Режим доступа. –
<http://www.genderstudies.info/smi/smi13.php>
422. Гуслова, М.А. Праздникотерапия как способ оптимизации жизни семей с детьми инвалидами [Текст] / М.А. Гуслова // Праздник. – 2008. – №10. – С. 11-13;
423. Гюнтер, Х. Архетипы советской культуры [Текст] / Ханс Гюнтер// Соцреалистический канон. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 743 – 784.
424. Деканова, М.К. Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920 –е гг. [Электронный ресурс] / М.К. Деканова. – Режим доступа: [http:// www/vestnik-samgu.samsu.ru](http://www/vestnik-samgu.samsu.ru).
425. Демчук, И., Романов, О. Многомерность феномена «праздник» [Текст] / И. Демчук, О. Романов // Вестник интегративной психологии. – 2009. – №7. – С. 79-80.
426. Жемчужный, В.М. Демонстрация в октябре [Текст] / В.М. Жемчужный // Новый ЛЕФ. – 1927. – С.46-48.
427. Захаров, А.В. Карнавал в две шеренги [Текст] / А.В. Захаров // Праздник. – 2007. - №1. – С. 25-29.
428. Захаров, А.В. Массовые праздники в системе тоталитаризма [Текст] / А.В. Захаров // Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество, 1989. – С. 284-301.
429. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования [Электронный ресурс] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. – Режим доступа. –
http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm;
430. Здравомыслова, Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе [Электронный ресурс] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. – Режим доступа. –

- http://www.jsps.ru/upload/iblock/344/zdravomyslova_temkina_gosudarstvennoe_konstruirovanie.pdf
431. Злотникова, Т.С. Зрелище. Мейерхольд [Текст] / Т.С. Злотникова // Культурология: Энциклопедия. В 2 тт. – М.: РОССПЭН, 2007. – 595 с.
432. Злотникова, Т.С. Художественное творчество – инвариант свободы в пространстве культуры [Текст] / Т.С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №1. Т.1 (Гуманитарные науки). – С. 167-172.
433. Золотонос, М. Народ жалеет о празднике 7 ноября [Электронный ресурс] / М. Золотонос. – Режим доступа: <http://www.pvobr.ru/news/2/20071107/htm>.
434. Извеков, Н. Проблемы изучения массового праздника [Текст] / Н. Извеков // Проблемы социологии искусства. Сборник комитета социологического изучения искусств. – Л.: АСADEMIА, 1926. – С. 130-138.
435. Каверина, Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен [Электронный ресурс] / Е.А. Каверина. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-esteticheskiy-i-sotsialnyy-fenomen>.
436. Калачева, О. Празднование как индикатор социальных измерений: старые и новые праздники постсоветской России [Электронный ресурс] / О. Калачева. – Режим доступа: <http://www.teleskop-journal.spb.ru>.
437. Каменцева, Е.И. Декрет о введении в Советской России нового календаря [Текст] / Е.И. Каменцева // Вспомогательные исторические дисциплины – 1969. – №2. – С.159-165.
438. Кара-Мурза, С. Философия праздника [Электронный ресурс] С. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://gazetanv.ru/archive/article/?id=426>.

439. Козлова, Н.Н. Международный женский день 8 марта как инструмент формирования советской политической культуры [Текст] / Н.Н. Козлова // Женщина в российском обществе. – 2011. – №1. – С. 36-44.
440. Кознова, И.Е. XX в. в сакральной памяти российского крестьянства [Электронный ресурс] / И.Е. Кознова. – Режим доступа: <http://philosophy/narod.ru/www/html/iphras/library/koznova.html>.
441. Комарова, О.С. Политико-массовая скульптура вождей советской власти в контексте ленинского плана монументальной пропаганды [Электронный ресурс] / О.С. Комарова. – Режим доступа: <http://new.hist/asu.ru/biblio/borod5/got/121.html>.
442. Конивец, В.А. Первое мая 1920 года. Как снесли решетку у Зимнего дворца [Текст] / В.А. Конивец // Альманах Чело. – 2009. – №1. – С. 99-102.
443. Королева, Л.А., Королев, А.А., Молькин, А.Н. Международный юношеский день в Пензенском регионе [Электронный ресурс] / Л.А. Королева, А.А. Королев, А.Н. Молькин. – Режим доступа: <http://history.snauka.ru/2014/03/939/>
444. Кочешков, Г.Н., Любимова, Е.А. Праздник как средство институционализации большевистской культуры [Текст] / Г.Н. Кочешков, Е.А. Любимова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №2. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 44-48. (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
445. Кочешков, Г.Н., Любимова, Е.А. Экономический аспект советских праздников 1917-1927 гг. (по материалам Ярославской губернии) [Текст] / Е.А. Любимова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №4. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 250-254. (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

446. Кудюкин, П. Скажи мне, что ты празднуешь... [Электронный ресурс] / П. Кудюкин. – Режим доступа: http://socialist.memo.ru/annivly07/kudukin_pochemu/html.
447. Кустова, Э.М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ [Электронный ресурс] / Э.М. Кустова. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/6kys.pr.html>.
448. Лаврикова, И.Н. Сфера праздничного – зона идеологического [Текст] / И.Н. Лаврикова // Свободная мысль. – 2012. – №3-4 (1632). – С. 187-194.
449. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов [Текст] / Н.Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. - №2. – С.30-42.
450. Лебина, Н., Романов, П., Ярская-Смирнова, Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е гг. [Текст] / Н. Лебина, П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Советская социальная политика 1920-1930-х гг.: идеология и повседневность. – М.: «Вариант», ЙСПГИ, 2007. – С. 21-68.
451. Левченко, М. Капля крови Ильича: сотворение мира в советской поэзии 1920-х гг. [Электронный ресурс] / М. Левченко. – Режим доступа: <http://proletcult.narod.ru/ng.htm>.
452. Лимонов, Ю.А. Празднества Великой Французской революции в 1789-1793 и массовые праздники Советской России в 1917-1920 гг. [Текст] / Ю.А. Лимонов // Великая Французская революция и Россия. – М.: Наука, 1989. – С.390-412.
453. Листова, Т.А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье) [Текст] / Т.А. Листова // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2011. – С. 161-231.

454. Лысова, Н.А. Анализ традиций воплощения женского гендера в праздничной культуре как отражение архаических религиозно-мифологических представлений [Текст] / Н.А. Лысова // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 20-21 сентября 2011 г. – Пенза Москва – Минск.: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 29-34.
455. Лысова, Н.А. Женщина в праздничной культуре: гендерные аспекты [Электронный ресурс] / Н.А. Лысова. – Режим доступа. – <http://www.dslib.net/teoria-kultury/zhenwina-v-prazdnichnoj-kulture-gendernye-aspekty.html>.
456. Любимова, Е.А. Роль искусства в празднествах 1917-1927 гг. в контексте становления советской культуры [Текст] / Е.А. Любимова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №4. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 36-41. *(Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.
457. Любимова, Е.А. Становление советской праздничной культуры в Ярославской губернии в годы Гражданской войны [Текст] / Е.А. Любимова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №4. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 337-342. *(Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.
458. Малышева, С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре [Текст] / С.Ю. Малышева // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – 2005. - №10. – С. 21-40.
459. Медведева, М.А. Гендерные аспекты праздничной культуры [Электронный ресурс] / М.А. Медведева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-prazdnichnoy-kultury>.
460. Медведева, М.А. Эмоции как основа праздничной культуры [Электронный ресурс] / М.А. Медведева. – Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru>.

461. Меньшикова, Е.Р. Праздник, который давно не с тобой: утрата сакральной идентичности [Текст] : Эстетико-культурологические смыслы праздника / Е.Р. Меньшикова. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2009. – С. 250-263.
462. Михайлова, А.А. Праздник как спасение [Текст] / А.А. Михайлова // Праздник. – 2011. – №12. – С. 16-19.
463. Морозова, Л.А. Государство и Церковь: особенности взаимоотношений [Текст] / Л.А. Морозова // Государство и право. – 1995. - №3. – С. 86-95.
464. Николаева, М.Ф. Советское плакатное искусство как материал для культурологического исследования [Текст] / М.Ф. Николаева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №1. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 323-326.
465. Овчинников, В.Г. Православная церковь в истории нашей страны [Текст] / В.Г. Овчинников // Вопросы истории. – 1998. №5. – С. 17-24.
466. Орлов, И.Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов [Текст] / И.Б. Орлов // История России XIX-XX веков: Новые источники понимания. – М.: МОНФ, 2010. – С.230-236.
467. Орлов, И.Б. Новая политика – новое веселие [Текст] / И.Б. Орлов // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007. – С.222-256.
468. Осипов, В. Гуляния на масляной неделе [Текст] / В. Осипов // Краеведческий историко-литературный журнал Романов-Борисоглебская сторона. – 2010. – №2 (14). – С. 45.
469. Панкова-Козочкина, Т.В., Багдасарян, С.Д. Советские новации в праздничной культуре сел и станиц юга России в эпоху НЭПа [Текст] / Т.В. Панкова-Козочкина, С.Д. Багдасарян // Власть. – 2013. – №2. – С. 176-179.

470. Пиотровский, А.И. Античный театр [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://teatr-lib.ru/Library/Piotrovsky/Teatr_Kino_Zhizn/
471. Покровская, С.В. Методы антирелигиозной пропаганды СВБ: теория и практика [Текст] / С.В. Покровская // Альманах историко-культурного общества. – М.: Вариант, 2005. – С. 25-34.
472. Полищук, Н.С. Развитие русских праздников // Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С. Русские [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://booksite.ru.ru/fulltext/rus/sian/>
473. Полищук, Н.С. У истоков советских праздников [Текст] / Н.С. Полищук // Советская этнография.- 1987. – №6. – С. 3-15.
474. Рейли, Д. Вопросы культуры в условиях провинциального коммунизма [Электронный ресурс] / Дональд Рейли. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10087/21.pdf>.
475. Рубекина, И.В. Метод театрализации в воспитательной системе социально-культурной деятельности XX – начале XXI века [Текст] / И.В. Рубекина // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: Сборник статей/ науч.ред. Е.М. Ключко, Н.Н. Ярошенко. – М.: МГУКИ, 2011. – Вып.2. – С.227-233.
476. Савчук, В.В. Пульс праздника [Электронный ресурс] / В.В. Савчук. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?archive=0214&id=1108819498&start_from=&subaction=showfull&ucat=1.
477. Салова, Ю.Г. Клубная работа с детьми в советской школе 1920-х гг. [Текст] / Ю.Г. Салова // VIII Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции 16-17 октября 2000 г. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. – С. 95-97.
478. Салова, Ю.Г. Формирование представлений детей о религии и церкви в процессе осуществления воспитательно-образовательной политики советского государства в 1920-е гг [Электронный ресурс] / Ю.Г. Салова. – Режим доступа: <http://www.childcult/rsuh.ru/article.html>.

479. Сарайкина, Д.Ю. Когнитивный аспект политического праздника [Электронный ресурс] / Д.Ю. Сарайкина. – Режим доступа: <http://www.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/11/image/11-024>.
480. Сарайкина, Д.Ю. Политический праздник как механизм интерпретации политической реальности [Текст] / Д.Ю. Сарайкина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №3. (Философия. Социология. Политология). – С. 145-149.
481. Свиридова, Е.Г. Государственная политика СССР в сфере праздничной культуры (20 – 40 – е гг.) [Электронный ресурс] / Е.Г. Свиридова. – Режим доступа: <http://www.tsput.ru/fb/ts/2/files/assets/basic-html/pages27/html>.
482. Слюсаренко, М.А. Смыслообразующие ценности праздника [Текст] / М.А. Слюсаренко // Вестник Томского государственного университета. – 2001. – №3. (Серия: Философия, культурология, история). – С. 43-51.
483. Филимончик, С.Н. Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е гг. [Электронный ресурс] / С.Н. Филимончик. – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/65.html>.
484. Флоренский, П.А. Письмо к Н.Я. Симонович-Ефимовой. Предисловие к ее книге «Записки петрушечника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://do.gendocs.ru/download/docs-372716/372716.doc>.
485. Харитонович, Д.Э. Веселье и насилие [Текст] / Д.Э. Харитонович // Одиссей: Человек в истории. – М.: Наука, 2005. – С. 38-48
486. Ходнев, А.С. «Новая» история досуга как исследовательское поле [Текст] / А.С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №1. Т.1. (Гуманитарные науки). – С. 23 – 27.
487. Цимбаев, Н.И. Русская православная Церковь в годы испытаний (1900-1941) [Текст] / Н.И. Цимбаев. // Вопросы философии. – 2001. – №5. – С. 16-20.

488. Шаповалов, С.Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920 – е гг. [Электронный ресурс] / С.Н. Шаповалов. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/article/n/osovechivanie-religioznyh-prazdnikov-v-1920-e-gg-1](http://cyberleninka.ru/article/n/osovechivanie-religioznyh-prazdnikov-v-1920-e-gg-1).
489. Шаповалов, С.Н. Советские праздники и политическая социализация молодежи [Электронный ресурс] / С.Н. Шаповалов. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-prazdniki-i-politicheskaya-sotsializatsia-molodezhi](http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-prazdniki-i-politicheskaya-sotsializatsia-molodezhi).
490. Шемякин, Я.Г. Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти [Электронный ресурс] / Я.Г. Шемякин. – Режим доступа: http://homo.fiztex.ru/courses/history/shemyakin_new.html.
491. Шумихина, Л.А., Попова, В.Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры [Текст] / Л.А. Шумихина, В.Н. Попова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №5. – С. 206-210.
492. Щербинин, А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России [Текст] / А.И. Щербинин // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – №2. (Философия. Социология. Политология). – С. 52 - 64.
493. Якобсон, С., Ласвелл, Г.Д. Первомайские лозунги в советской России (1918-1943) [Текст] / С. Якобсон, Г.Д. Ласвелл // Политическая лингвистика. – 2007. – №1. – С. 123-141.
494. Ярская-Смирнова, Е.Р., Карпова, Г.Г. Международный женский день [Текст] / Е.Р. Ярская-Смирнова, Г.Г. Карпова // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация – XXI век, 2002. – С. 147-149.
- 3. Диссертационные исследования**
495. Баланцев, А.В. Антирелигиозная деятельность комсомола (1918-1925 гг.) : дис. ...канд. ист. наук. 07.00.02. [Электронный ресурс].

- Режим доступа: <http://www.dissercat.com./content/antireligioznaya-deyatelnost-komsomola-1918-1925-gg>.
496. Бурменская, Д.Б. Праздник как средство самосохранения социальной группы [Текст] : дис. ... канд. философских наук: 09.00.11 / Бурменская Дарим Баировна. – Чита, 2011. – 157 с.
497. Ванченко, Т.П. Культуролого-антропологические основания праздника: семантико-семиотические аспекты [Текст] : дис. ... докт. философских наук: 24.00.01 / Ванченко, Татьяна Петровна. – Тамбов, 2009. – 315 с.
498. Гужова, И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода [Текст] : дис. ... канд. философских наук: 09.00.13 / Гужова Ирина Викторовна. – Томск, 2006. – 164 с.
499. Котылева, И.Н. Праздничная культура Европейского Северо-востока России в 1918 - начале 1930-х гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01/ Котылева Ирина Николаевна. – Сыктывкар, 2005. – 216 с.
500. Курцев, Л.Н. Повседневная жизнь провинциального города в годы Гражданской войны по материалам Ярославской и Костромской губернии [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Курцев Леонид Николаевич. – Ярославль, 2006. – 265 с.
501. Литвинова, М.В. Массовые праздники и зрелища как культурный феномен [Текст] : дис. ... канд. философских наук: 24.00.01 / Литвинова Маргарита Васильевна. – Белгород, 2002. – 196 с.
502. Майорова Н.С. Государство, церковь, школа и их взаимоотношения в 1917-1929 гг.: на материалах Верхнего Поволжья [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 , Майорова Наталья Сергеевна. – Кострома, 2000. – 318с.
503. Мордасова, М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917-1941 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мордасова Мария Александровна. – Челябинск, 2005. – 210 с.

504. Орлов, О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен [Текст]: дис. ... докт. культурологи: 24.00.01 / Орлов Олег Леонидович. – СПб., 2004. – 335 с.
505. Пронина, И.Н. Феномен праздника в контексте отечественной культуры [Текст] : дис. ... канд. философских наук: 24.00.01 / Пронина Ирина Николаевна. – Саранск, 2011. – 143 с.
506. Черкасов, С.В. Городские массовые мероприятия: коммуникативные характеристики и пути институционализации [Текст]: дис. ... канд. социологических наук: 22.00.04 / Черкасов Станислав Вадимович. – М., 2009. – 208 с.

4. Словари, энциклопедии

507. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] : режим доступа: [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru).
508. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.
509. Словарь средневековой культуры [Текст] / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – 884 с.
510. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : режим доступа: [http:// ushakovdictionary.ru](http://ushakovdictionary.ru).
511. Эстетика: Словарь/под общ ред А.А. Беляева и др. [Текст] М.: Политиздат, 1989.- 440с.